

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

КОСТРОМСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ

200 лет

ТЕАТР

ИМ. А. Н. ОСТРОВСКОГО

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1-2 (82-83)
2008

Номер посвящен 200-летию Костромского драматического театра и 185-летию со дня рождения А.Н. Островского

Доброе слово 2

Костромской летописец 4

I

Дань исторической памяти 7

На сцене и за кулисами 10

Народные театры 16

Эпистолярный жанр 19

II

Театр Обрескова и его опекуны 22

Почетный гражданин кулис 27

Инскрипты и экслибрисы театральных обществ 30

Это забытое слово – рецензент 35

Военная духовая музыка в жизни театра 39

Мемуарная тетрадь 42

История в документах 66

Театр на страницах печати 72

Из истории театра. 1940-е годы 75

III

Мой Островский. Эссе 81

Жена драматурга. Из архива музея-заповедника 88

А.Н. Островский и народный язык 93

Щельково: обычаи и обряды 97

Фестивали любительских театров 101

Семейный альбом Чалеевых 105

Переписка А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева 109

Реликвии щельковского музея 120

Русский лубок в коллекциях музея 123

А.Н. Островский и театр. Библиография и филателия 125

Учредитель — департамент по информационной политике
Костромской области.

Попечители: областной государственный архив,
Костромское епархиальное управление, областная научная библиотека.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).

Регистрационный номер Т-0162.

©«Губернский дом». Копирование на электронных носителях
и перепечатка материалов без письменного
разрешения редакции запрещены.

В ПУТЬ ПО ЛЕТОПИСИ ПАМЯТИ

А давайте, любезный читатель, перенесемся в Кострому 1808 года, с недавнего времени – губернский город. Губернатор, Николай Федорович Пасынков, личность неординарная: ставит домашние спектакли, любит кураж, пышные выезды в карете в сопровождении полицмейстера. Интересное совпадение: в один год в городе построено здание городской полиции и открыт театр. Первый театр был на Кинешемской (Русиной, Советской улице), аккурат напротив нынешней филармонии. Затем переезжал, строился, горел и снова строился, был порицаем властями и любим публикой. И так 200 лет, два века: сколько артистов, ролей, репети-

ций, спектаклей – даже представить трудно. В 1843 году петербургский критик А.Семигорский писал: «Кострома, как отчина первого основателя Российского театра Волкова и славного актера Яковлева, достойна, чтобы театр ее имел летопись свою». Через 150 лет, в 1993 году, московский критик С.Лесневский подчеркнул: «Я не устаю удивляться, что в Костроме, именно в Костроме, есть дом, надпись на котором отмечает место рождения Федора Волкова – отца русского театра. И что поблизости стоит дом, в котором останавливался творец русского театра – Александр Островский. И что Берендеево царство – на Костромской земле».

А.Н. Островский впервые появился в Костроме в год 40-летия театра, едучи в имение отца Щельково. С тех пор эти имена-понятия связаны неразрывно, в Щелькове, на костромской земле, драматург написал 19 своих лучших пьес, и все они, естественно, шли на сцене нашего театра.

А теперь в путь, любезный читатель! По страницам 200-летней истории Костромского театра, по маршрутам жизни и творчества нашего земляка, великого русского драматурга А.Н. Островского, 185 лет со дня рождения которого мы также отмечаем в этом году. В путь по летописи нашей памяти с ее живыми лицами и голосами.

Выдающаяся русская актриса Гликерия Федотова на сцене Костромского театра играла роль Катерины в драме А.Н. Островского «Гроза». Драматический образ в репертуаре комедийной актрисы имел необычайный успех. XIX в.

Народный артист РСФСР Святослав Астафьев в образе драматурга в спектакле по пьесе В. Лебедева «Островский». Играл также Телятьева в «Бешеных деньгах», Ашметьева в «Дикарке», Прибыткова в «Последней жертве». XX в.

Народный артист России Эмиляно Очагавия в спектаклях А.Н. Островского играл роли Шаблова («Поздняя любовь»), Паратова («Бесприданница»), Глумова («На всякого мудреца довольно простоты»). XXI в.

**И. Н. СЛЮНЯЕВ, губернатор
Костромской области**

ГОРДОСТЬ ЗА КОСТРОМСКУЮ СЦЕНУ

Уважаемые читатели!

В 2008 году Костромскому государственному драматическому ордену Трудового Красного Знамени театру имени А. Н. Островского, одному из старейших театров России, исполняется 200 лет.

Это не просто юбилейная дата, это гордость за костромскую сцену, людские судьбы, дела, заботы, радости и печали многих поколений служителей русского сценического искусства. На протяжении двух веков их галант и самоотверженный труд позволяли Костромскому театру создавать спектакли, неизменно волнующие зрителя, пробуждающие в нем высокие патристические, гуманные, эстетические чувства.

Подмостки нашего театра бережно хранят память о прославленных артистах, чей талант покорял и вдохновлял, укреплял веру в высокое предназначение русского национального театра.

Неизменная приверженность к лучшим произведениям отечественной и зарубежной драматургии во все времена определяла твор-

ческое лицо театра. Сердечную привязанность к Костромскому театру имел Александр Николаевич Островский. Он признавался: «Здесь мой театр, мне с юности родной».

За большие заслуги в освоении и сохранении творческого наследия великого драматурга театру присвоено имя А. Н. Островского. С 1973 года именно наш театр является радушным хозяином и организатором Всероссийского фестиваля «Дни Островского в Костроме».

За два минувших столетия сменилось немало актерских поколений. Но и сегодня труппа богата талантливыми личностями, бережно хранящими лучшие

традиции русского сценического искусства.

В последние годы Костромской театр успешно участвовал в 16 всероссийских и международных фестивалях и достойно представлял на них российскую культуру.

Сегодня Костромской театр находится на подъеме, ведет активную творческую деятельность, преумножает популярность среди населения области. Ежегодно его репертуар пополняется на шесть премьер, заметно растет число зрителей.

«Священный жертвенник» искусства, зажженный Костромским драматическим театром двести лет назад, продолжает озарять людские сердца светом добрых чувств, человеческого достоинства и благородства, душевного участия и сострадания к ближнему, верой в духовную силу и неизбывный талант нашего народа.

Уважаемые читатели! Приглашаю вас на юбилейные мероприятия, посвященные 200-летию со дня основания театра, которые состоятся в Костроме 10-18 декабря 2008 года.

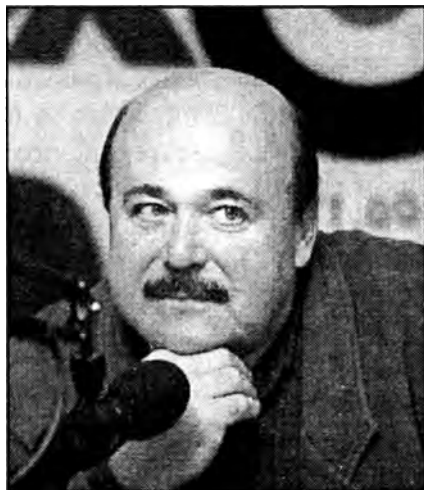
**А.А.КАЛЯГИН, председатель Союза
театральных деятелей РФ, народный
артист России**

ТЕАТР ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дорогие друзья!

Я рад поздравить вас с замечательным юбилеем – 200-летием Костромского государственного драматического театра им. А.Н. Островского!

200 лет – солидный возраст, к которому приходят с огромным опытом и мастерством. Это творческие победы и открытия, это постоянный поиск и обновление. С историей театра связано множество ярких имен, его подмостки хранят память о М.Щепкине, Г.Федотовой, М.Ермоловой, М.Савиной, К.Варлаамове, П.Орленеве и других прославленных артистах. История Костромского театра тесно связана с именем А.Островского, который часто бывал в Костроме, присутствовал в театре на репетициях. Все эти годы репертуар теат-

ра составляли лучшие произведения мировой и отечественной драматургии: пьесы Н.Гоголя, А.Чехова, Л.Толстого, М.Горького, Ф.Шиллера, В.Шекспира, Б.Шоу.

Одним словом, позади – огромная жизнь развивающегося театра, театра высокой культуры, театра, неизменно любимого зрителями. Но вы

вправе гордиться не только тем, что уже сделано, но и тем, как живете сегодня – ярко, интересно, талантливо. Театр активно и успешно участвует во всероссийских и международных театральных фестивалях, здесь работает талантливая труппа, мощный коллектив единомышленников, способный решать самые сложные творческие задачи.

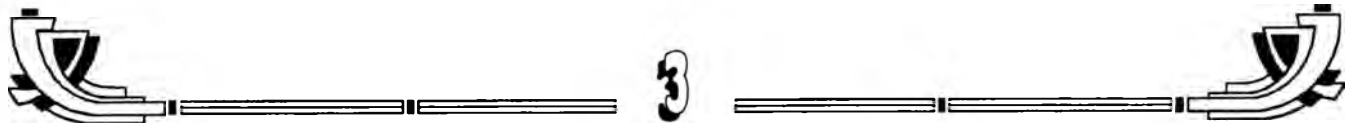
Я желаю вашему театру успеха и процветания! Желаю сохранить дух радости творческих открытий и побед, которых был вам присущ всегда. Пусть под крышей вашего театрального дома рождаются новые интересные театральные проекты, пусть здесь всегда царит атмосфера вдохновенного творчества! Удачи вам, мои дорогие друзья!

200 ЛЕТ ПРОЖИТЬ – НЕ СЦЕНУ ПЕРЕЙТИ

Мини-викторина

1. На костромской сцене в разные годы играли Михаил Щепкин, Гликерия Федотова, Мария Ермолова, Павел Орленев, Василий Качалов, Ольга Книппер-Чехова, Михаил Царёв... Кто из известных актеров нашего времени продолжает эту традицию?
2. В свое время в Костромской театр приезжали многие представители знаменитой династии Садовских. Есть ли в Костроме актерские династии или актерские семьи?
3. На костромской сцене были поставлены все пьесы Островского, кроме одной. Какой?
4. В России есть несколько театров, которые носят имя А.Н. Островского. Назовите их.
5. Кого из меценатов, помогающих сегодня Костромскому театру, вы знаете?

Ответы на вопросы направляйте в редакцию журнала. Правильно и содержательно ответивших в конце года ждут памятные сувениры от «Губернского дома».

КОСТРОМСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

1728 г. В Костроме в семье купца родился Федор Григорьевич Волков, в 1750 году основал в Ярославле первый общедоступный русский театр.

1742 г. В Галичском уезде в дворянской семье родился Александр Онисимович Аблесимов, драматург, автор одной из первых комических опер «Мельник – колдун, обманщик и сват».

1773 г. В Костроме в семье купца родился Алексей Семенович Яковлев, великий актер, 23 года игравший на сцене императорского театра.

1778 г. В Костроме при Ярославском и Костромском государственном наместнике Алексее Петровиче Мельгунове создан домовый театр, дававший для дворян и купцов «трехдневные театральные представления безденежно».

1795 г. В Костроме в мещанской семье родилась Мария Дмитриевна Львова-Синецкая, выдающаяся актриса Малого театра. Творческий путь начинала в Костромском театре.

Начало XIX в. В Костроме и губернии появляются крепостные театры А.С. Карцева, В.Е. Обрескова, А.А. Кологривова...

1808 г. В Костроме на ул. Кинешемской открылся городской театр (содержатель – губернский секретарь М.А. Сергеев, директор – отставной офицер А.Ф. Чагин).

1810 г. Содержателем театра стал костромской и ярославский помещик А.К. Глебов.

1812 г. В Кострому в связи с началом войны с французами переехал Московский императорский театр. Пробыл в городе до весны 1814 года.

1820 г. Костромской театр переехал в здание кожевенного завода на Нижней Дебре.

1823 г. В Москве родился Александр Николаевич Островский, драматург, «хозяин русской сцены».

1848 г. Отец драматурга Н.Ф. Островский покупает усадьбу Щельково в Костромской губернии. А.Н. Островский впервые приехал в Кострому и был ею очарован.

1849 г. Руководство Костромским театром принял антрепренер Николай Иванович Иванов.

1852 г. Костромской театр начал ставить благотворительные спектакли в пользу детских приютов. В «Женитьбе» Гоголя играли писатель А.Ф. Писемский, драматург А.А. Потехин, поэтесса Анна Готовцева.

1855 г. В Костромском театре поставлена первая пьеса А.Н. Островского «Не в свои сани не садись».

1855-1856 гг. В Костромском театре объединились труппы Н.И. Иванова и К.Б. Соловьева.

1858 г. На костромской сцене играет Михаил Семёнович Щепкин, «гордость русского национального театра».

1863 г. В Костроме на Павловской улице построено новое здание театра.

На костромской сцене в роли Отелло выступает знаменитый американский актер Айра Олдридж.

1865 г. В Костромском театре случился большой пожар.

1867 г. Костромской театр восстановлен после пожара.

А.Н. Островский становится владельцем усадьбы Щельково и проводит в ней каждое творческое лето.

1874 г. В Костромском театре произведена реконструкция.

В Костроме родилась народная артистка Екатерина Павловна Корчагина-Александровская.

1878 г. На костромской сцене поставлена драма А.Н. Островского «Гроза». Роль Катерины исполняла выдающаяся русская актриса Гликерия Николаевна Федотова.

1886 г. Умер А.Н. Островский. Похоронен в ограде церкви с. Николо-Бережки близ Щелькова.

1898 г. В Костроме при участии театральной общественности открыта библиотека-читальня им. А.Н. Островского.

В Костромском театре проходят гастроли Малого театра во главе с семьей Садовских.

1900-1901 гг. В Костроме гастрوليрует Павел Николаевич Орленев, «подлинный король сцены».

1906 г. Н.Костромской, И.Певцов и А. Кашин организуют при Костромском театре «Товарищество драмы и комедии».

1915 г. В Костроме состоялся прощальный бенефис известного актера Николая Феодосиевича Чалеева-Костромского.

1918 г. В Костромском театре впервые проходят гастроли МХАТа. Выступают В.И. Качалов, Н.М. Москвин, О.Л. Книппер-Чехова и другие известные русские актеры.

1919-1920 гг. В Костроме – труппа Петроградского Малого Государственного драматического театра, возглавляемого главным режиссером Н.В. Петровым.

1920 г. На костромской сцене впервые в России поставлена драма Александра Блока «Роза и крест». Режиссером-постановщиком и художником был Ю.М. Бонди.

1923 г. Принято постановление Совнаркома РСФСР о создании в Щелыкове музея А.Н. Островского.

Решением Наркомпроса РСФСР театру присвоено имя А.Н. Островского.

1928 г. В Костроме прошли гастроли Московского Малого театра и «четвертой студии» МХТа.

Принято решение о передаче Щелыкова Малому театру с организацией мемориального музея и дома отдыха актеров.

1929 г. Образована труппа Костромского театра юного зрителя, где играл Виктор Сергеевич Розов, будущий выдающийся драматург.

1943 г. По предложению Всесоюзного комитета по делам искусств из числа творческих работников Костромского театра сформирована бригада для обслуживания частей Красной Армии.

1944 г. Костромской городской театр стал областным.

В Костроме торжественно отмечено 100-летие городского театра (тогда датой основания театра считался 1844 год).

1948 г. Щелыково объявлено государственным заповедником.

1950 г. Главным режиссером областного драмтеатра стал Валентин Алексеевич Иванов. Начался «золотой» век Костромского театра.

1967 г. В Костроме возле театра открыт бюст А.Н. Островского.

1968 г. Главным режиссером Костромского театра стал Пётр Иванович Слюсарев. Расцвет букета актеров: Василий Макасеев, Лариса Солнцева, Давид Швец, Георгий Ригерт, Дмитрий Кромский, Владислав Гостищев, Ирина Аркадьева, Борис Красиков...

1972 г. Режиссером Костромского театра стал Владимир Феликсович Шиманский. В театр пришли Людмила Свердлова, Эмилияно Очагавия, Татьяна Никитина...

1973 г. В стране торжественно отмечено 150-летие со дня рождения А.Н. Островского. Открыт памятник А.Н. Островскому в Щелыкове.

1983 г. Костромской областной драмтеатр имени А.Н. Островского награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1998 г. Комитет международной программы «Партнерство ради прогресса» отметил Костромской театр «Золотой пальмой».

1999 г. Костромской драмтеатр имени А.Н. Островского получил статус государственного.

2003 г. Костромской театр становится лауреатом Всероссийского фестиваля «Постефремовское пространство».

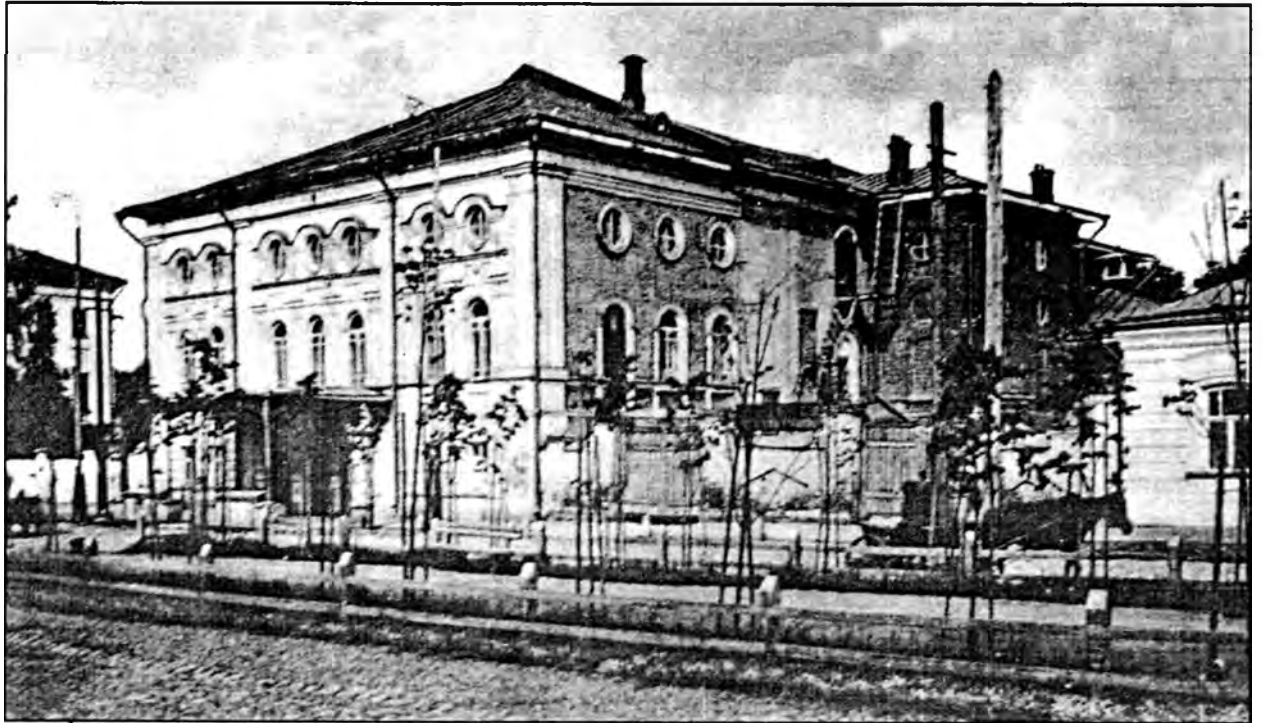
2004 г. Лауреатом Всероссийского литературно-театрального фестиваля «Хрустальная роза Виктора Розова» стал режиссер-постановщик спектакля «Горячее сердце» Сергей Морозов. Четверо актеров получили дипломы.

2005 г. На российском фестивале «Звезды Победы» дипломом отмечен спектакль Костромского театра «Вечно живые».

2006 г. Костромской театр со спектаклем «Женитьба Фигаро» принял участие в III Международном фестивале в столице Турции.

2007 г. Костромской театр со спектаклем «Каменный гость» принял участие в Международном фестивале в Румынии.

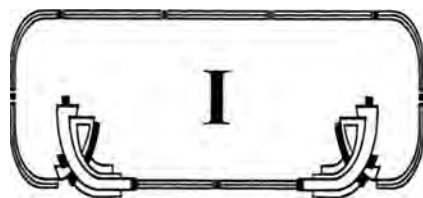

Костромской театр. Нач. XX в.

Костромской драматический театр им. А.Н.Островского. Нач. XXI в.

ДАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Имя А.Н.Островского в календаре культурных событий Костромской области

Уникальное культурное наследие Костромского края, берущее начало в далеких веках, – неотъемлемая часть истории Отечества. Костромская земля причастна к созданию духовного богатства России, с ней связаны имена и судьбы писателей Алексея Феофилактовича Писемского и Николая Алексеевича Некрасова, художников Бориса Михайловича Кустодиева и Ефима Васильевича Честнякова, меценатов Павла Михайловича Третьякова и Федора Васильевича Чижова, книгоиздателя Ивана Дмитриевича Сытина, философов Василия Васильевича Розанова и Павла Александровича Флоренского, драматурга Виктора Сергеевича Розова, кинорежиссера Андрея Арсеньевича Тарковского...

Это созвездие имен и судеб, богатейшее духовное наследие нашего края, дают возможности департаменту культуры Костромской области, областным учреждениям культуры и искусства ежегодно осуществлять крупные культурные проекты и событийные мероприятия, посвя-

щенные видным деятелям культуры и искусства России.

Москвича по рождению, Александра Николаевича Островского костромичи считают своим земляком. И не только из-за многих лет жизни, проведенных им в любимом Щелыкове, или знаковой для облика Костромы «Беседки Островского» на набережной Волги. В России только два театра постоянно обращались к Островскому – прославленный Малый театр и наш, Костромской государственный ордена Трудового Красного Знамени драматический театр имени А.Н.Островского, который является хозяином одного из старейших в РФ театральных фестивалей «Дни Островского в Костроме». Важнейшей задачей в сфере государственной поддержки профессионального искусства Костромской области является подготовка и проведение 200-летнего юбилея драматического театра имени А.Н.Островского, VIII Российского театрального фестиваля «Дни Островского в Костроме» (10-18 декабря 2008 года). Распоряжением администрации обла-

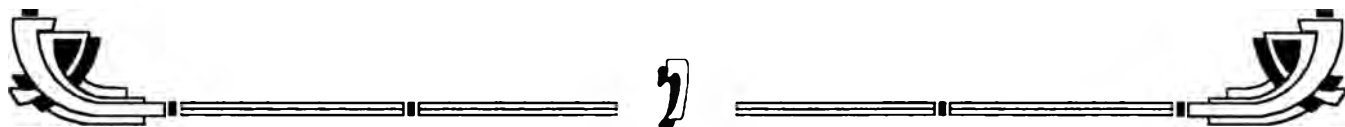
сти от 9 апреля 2007 года № 111-ра утвержден и в 2007-2008 годах успешно реализуется план мероприятий, включающий реконструкцию и реставрацию здания, приобретение оборудования, меры социальной поддержки работников театра, событийные мероприятия, издательскую деятельность, гастроли. Оргкомитет по подготовке и проведению юбилейных мероприятий возглавляет лично губернатор области Игорь Николаевич Слюняев.

Итак, 2008 год в Костромской области по праву может быть назван Годом Островского. Чем же он будет памятен для наших современников и будущих историков?

Перелистаем календарь событий.

27 марта, в Международный день театра, коллектив драмтеатра имени А.Н.Островского получит от имени губернатора области И.Н. Слюняева денежные премии.

С 1 апреля по 15 мая в Сытинском зале областной универсальной научной библиотеки имени Н.К.Крупской библиофилы, культурологи, историки, студенты и просто

все желающие смогут познакомиться с уникальной выставкой «И время с нами говорит...». Прижизненные издания произведений А.Н.Островского из фонда редкой и ценной книги».

12 апреля, в день юбилея драматурга, к памятникам А.Н.Островскому в Костроме и Щелыкове будут возложены цветы. Вечером, перед спектаклем «Волки и овцы», департамент культуры области и областной центр книги награждают комплектами книг о театральном искусстве, изданиями пьес А.Н.Островского те городские и сельские библиотеки, которые активнее других работают с литературой по искусству, пропаганде русского классического наследия. В каждый муниципальный район и городской округ для библиотечных систем также будут направлены через областной центр книги издания произведений драматурга.

Такие подарки библиотекам в день рождения А.Н.Островского отныне станут вручаться департаментом ежегодно. Рождение этой традиции стало возможным благодаря культурному проекту памяти другого нашего знаменитого земляка И.Д.Сытина (в рамках проекта фонды библиотек области систематически пополняются новыми книгами за счёт областного и муниципальных бюджетов, спонсорских средств).

В юбилейный год появятся новые издания об истории и современной жизни драматического театра имени А.Н.Островского. Автор одной из

книг – любимый многими костромскими читателями писатель, краевед, лауреат областной премии в сфере литературоведения и публицистики имени И.А.Дедкова, завлит драмтеатра Евгений Тимофеевич Степаненко. В продолжение многолетнего доброго, заинтересованного сотрудничества с департаментом культуры области, областными учреждениями культуры и искусства редакция журнала «Губернский дом» выпустила в свет тематический номер, который вы, уважаемые читатели, держите сейчас в руках. В 2007 году премьера тематического номера, посвященного 125-летию со дня рождения П.А.Флоренского и 75-летию со дня рождения А.А.Тарковского, состоялась в селе Завражье Кадынского района на празднике, участниками которого были свыше 1000 человек из нашей области и других регионов России. Презентации номера журнала, посвященного А.Н.Островскому, в 2008 году запланированы в Костроме, Щелыкове, п. Островском, многих библиотеках городов и сёл области.

К началу 200-го театрального сезона приурочен 2-й выпуск библиографического указателя «Костромской государственной драматической театр имени А.Н.Островского (1979–2006 годы)» объемом свыше 100 страниц (составители – главный библиотекарь отдела литературы по искусству областной универсаль-

ной научной библиотеки имени Н.К.Крупской Л.С.Зубарева и завлит драмтеатра Е.Т.Степаненко).

Бережно собранный богатый исторический, архивный материал, работа с фондами музеев и библиотек области позволили театру в 2007-2008 годах с успехом реализовать средства гранта губернатора Костромской области в сфере культуры и искусства на творческий проект «Музей театрального костюма». Новые экспозиции музея можно будет увидеть в октябре 2008 года на открытии театрального сезона. Органичное единство с выставочными стендами составляют уникальные фотографии из истории театральных постановок, в том числе пьес Островского.

Кроме профессиональных театров, к творчеству великого драматурга всё чаще обращаются режиссеры самодеятельных театров.

В мае 2008 года в Щелыкове состоится 9-й Всероссийский фестиваль лучших любителей театров «Успех-2008». Учредители фестиваля – Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Государственный Российский Дом народного творчества, Союз театральных деятелей России, департамент культуры Костромской области, Костромской областной Дом народного творчества, Государственный мемориальный и природный музей-заповедник «Щелыково». Фестивальные мероприятия являются частью федеральной программы

«Культура России», ежегодно в них принимают участие свыше 20 театров нашей страны, а с 2007 года – ближнего и дальнего зарубежья. В рамках фестиваля пройдет День Островского, каждому театру-участнику будет вручен от департамента культуры электронный диск с информацией о культурных и научных проектах, посвященных драматургу, которые осуществляются в Костромской области.

14 июня в Щелькове – День памяти А.Н.Островского. Директор федерального музея-заповедника кандидат наук Галина Игоревна Орлова каждый год приглашает сюда ученых, педагогов, музейных работников, артистов, друзей музея. Войдя в этот круг, сразу видишь, что каждый человек здесь неслучаен, а связан годами жизни и работы с русской культурой, с именем Островского. Музей постоянно проводит научные конференции, посвященные творческому наследию А.Н. Островского, в сотрудничестве с областными организациями культуры и искусства организует выставки, осуществляет мероприятия проекта «Костромская Снегурочка».

В июне на церемонии закрытия театрального сезона 2007/ 2008 годов, на сцене Костромского драмтеатра будет вручаться областная премия в сфере театрального искусства имени А.Н.Островского. В дополнение к основным премиям вслед крылатому выражению «театр начинается с вешалки», самый вежливый и

внимательный к зрителям сотрудник гардероба театра получит подарок от департамента культуры области.

Летом театр имени А.Н. Островского гастролирует по Костромской области, готовится к юбилейному сезону и фестивалю «Дни Островского в Костроме». Наши зрители увидят спектакли Малого театра, Калужского, Ярославского, Владимирского театров, театра г. Северска (Томская область), одного из театров стран ближнего зарубежья.

Особое место в фестивальной программе занимает 2-я Всероссийская конференция «А.Н.Островский в новом тысячелетии». Организаторы – департамент культуры Костромской области, драматический театр имени А.Н.Островского, Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Союз театральных деятелей России, Костромской филиал Российского фонда культуры, межрегиональный центр по изучению творческого наследия П.А.Флоренского и В.В.Розанова. Пленарное заседание состоится в Белом зале Дворянского собрания. Запланированы секции и «круглые столы» историков, филологов, театральных критиков, библиотечных работников.

Уважаемые читатели «Губернского дома», зрители театра, посетители музеев и библиотек! Поздравляем вас с юбилеем А.Н.Островского, юбилеем драматического те-

атра, желаем успехов на пути добра и созидания, веры в творческую силу искусства!

*Л.Э. АМЕТОВА,
Е.А. ЧУГУНОВ,*

*первый зам. начальника
департамента культуры
Костромской области*

Областная премия в сфере театрального искусства имени А.Н.Островского учреждена администрацией Костромской области в целях пропаганды театрального искусства, совершенствования профессионального мастерства театральных деятелей, за создание сценических образов, произведений, сохраняющих и преумножающих лучшие традиции отечественного театрального искусства.

Премия присуждается ежегодно на конкурсной основе по 8 номинациям:

- «Лучшая режиссерская работа»;
- «Лучшая сценография»;
- «Лучшая женская роль»;
- «Лучшая мужская роль»;
- «Лучшая женская роль второго плана»;
- «Лучшая мужская роль второго плана»;
- «Лучший дебют»;
- «За вклад в развитие театрального искусства».

См. стр. 15

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО АРТИСТ

К юбилею Д.А. Кромского

Ну, хотели мы этого или не хотели, а это произошло! И дай Бог, чтобы это было с каждым, хотя бы несколько раз в этой жизни! Итак, великий сын суеверного, т.е. суверенного макарьевского народа, родился 70 лет назад, и с этим уже ничего не поделаешь! Роды были трудными, что сказалося на выборе профессии. И сегодня мы с вами пришли на встречу с человеком, который сделал себя сам, несмотря на то, что он родился в стране победившего нас социализма. Окончив Макарьевские университеты, включая детский сад, задрал последние штаны, он долго бежал за комсомолом. Поняв бессмысленность этой гонки и узнав из песни, что Красная Армия всех сильнее, он добровольно, по повестке, пошел в нее. Служил честно, не за страх, а за 3 рубля 80 копеек.

Это было в тот жуткий период, когда мы жили плохо, зарплаты были мизерные, а искусство принадлежало народу!

По возвращении в Макарьев мирные граждане приняли это как подарок судьбы и назначили его директором Дома культуры, предвзительно перестроив для

этого храм в центре города. В память об этом великом событии храм до сих пор не восстанавливают.

Убедившись в том, что духовные ценности на исходе, он с Богом в душе и запасными штанами в котомке поступает в Костромскую театральную студию, чтобы со временем, которое уже наступило, пополнить ряды нищей интеллигенции.

И вот началась эта напряженная творческая работа: заседания в СТД, профкомы, райкомы, горкомы, обкомы и ненавистная государственная дума. А в свободное время с чувством высокой ответственности он шел в родной театр, по дороге вымарывая весь авторский текст из всех пьес. Потом он выходил на сцену, и зал замирал.

И это было в то ужасное время, когда мы снова жили плохо, зарплату выдавали рублями, а искусство принадлежало тому, кто его заказывал.

Ни с кем не посоветовавшись, без всякой подготовки он, очертя голову, женится на прекрасном создании. И за неимением кольца — дарит ей свою фамилию. И то ли бес попутал, то ли инструкции не читал, но

при неосторожном обращении с женой на свет появились две очаровательные девчушки. И законопослушный гражданин по окончании срока содержания и отсутствии харча раздал их на сторону в хорошие руки. За что благодарные девчушки снабжают его регулярно доброкачественными внуками.

Боже мой, дорогой ты наш, кто только не знал тебя на Костромской земле. Тебе жали руки первые и последние люди области. Секретари ЦК Костромы Скулков, Баландин, я уже не говорю о Зине. Первый губернатор Арбузов Валерий Петрович знал тебя в фас и в профиль.

А жизнь продолжается, а жизнь идет. В часы досуга любит побаловаться джакузи, родоновыми и солнечными ваннами на южном побережье реки Покши. Страстный любитель путешествий, он всегда мечтал побывать за границей. И наконец-то мечта его сбылась. В прошлом году он не поехал во Францию, в этом году он не поехал в Испанию, в следующем году он планирует не поехать в Японию.

За все несправедные труды он заработал орден Трудового Красного, значок ГТО,

звание заслуженного артиста России и радиоклассика. И он с гордостью продолжает нести все то, что на него повесили.

По методу Илоны Давыдовой, он изучил невероятное количество языков, от русского... до интеллигентного. И продолжает нести со сцены такое... доброе и вечное, что оплодотворенные зрители снова становятся в очередь, чтобы попасть на спектакль с участием этого актера.

Не освоивши досконально старые купюры, так как редко держал их в руках, и не видя новых, совсем запаниковал. В связи с деноминацией он в знак протеста прекратил петь любимую песню «Родина слышит, родина знает» и бросил пить пиво «Жигулёвское», так как совершенно запутался в расценках, о чем официально сообщил семье.

Непредсказуемая к нему любовь костромского народа привела к тому, что он од-

нажды стал избранником народа. Это к нему каждый вечер приходят люди на приём. И он им говорит такое, чего не услышишь ни от одного чиновника.

Да, артист нищ – но горд. И как исстари повелось – с вечно протянутой рукой. Его величество артист с оптимизмом смотрит в будущее.

*В.Д. ГОСТИЩЕВ,
народный артист России*

Через призму времени. Артист Д.А.Кромский смотрит на царя И.В.Грозного (В.Д.Гостищев в спектакле «Василиса Мелентьева» по А.Н.Островскому в соавторстве с С.А.Гелеоновым).

ПРЕМЬЕРА

Монолог

В театре премьера. Как долго она готовится? Месяц, три, семь, девять... Какая разница. Она может «родиться недоношенной», но тут же «убежит» от своих «родителей». Она может быть ленивой, нерасторопной. Иногда все случается вовремя – это идеальный вариант, но странный и забытый.

Это сладкое слово – ПРЕМЬЕРА. Тишина в зале – и взрыв аплодисментов, ласкающий слух. Главное в премьере – это поклон, цветы и поздравления. Нет, пожалуй, самое главное в премьере – банкет. Но после.

Это страшное слово – ПРЕМЬЕРА. Она похожа на огромного зверя, который надвигается и сжирает все на своем пути. Это заряженное орудие, готовое выстрелить в любой момент. А долетит ли снаряд до цели?

Премьера! Вон там, в зале, сидит режиссер, отец родной. Ну, хотя бы он знает, что должно получиться? Знает? Доволен – значит знает. А если не знает – значит недоволен. Видели, как строят замки из песка на берегу, у самой воды?.. Он знает, что премьера будет, он считает не дни – часы. Билеты-то все равно распроданы. А вот и директор театра появляется в ложе, смотрит, контролирует. Билеты-то распроданы!

Это поглощающее слово – ПРЕМЬЕРА. Когда забываешь, как выглядят собственные дети, а дома то и дело слышится: «А, премьера!», «О, премьера!», «Что? Премьера?», «Ну-ну! Опять премьера!». Да работа это, работа.

Премьера! Костюмы рвутся, крепко вбитые гвозди выскакивают сами собой, ломается театральные реквизит, падают декорации. Ничто не может остановить напора артистов.

Премьера! Строчки роли вываливаются из памяти, рассыпаются, как бусины, парик стянул голову до боли, туфли жмут, в костюме жарко, нет, холодно, нет, все-таки жарко. Надо повторить танец. Так стоим, считаем до восьми, идём, считаем до восьми, там – хлопок, здесь – прыжок, а потом еще четыре, восемь, тридцать два... Какая-то арифметика, а не танец. Прожектор слепит глаза, и фонограмма звучит слишком громко, мне же ее не перекричать... Нет, это кажется, только кажется...

Премьера! Успеть бы сделать всё. Всё? Эмоции верхом на нервах скачут впереди, не догнать. И уже хочется от всего отказаться и послать эту работу очень далеко. Но это все равно, что, летя в самолете, сказать: «Остановите, я сой-

ду!»... Надо успокоиться, взять себя в руки и сказать, что все случится, состоится, все будет правильно.

Это глупое слово – ПРЕМЬЕРА! Это всего лишь слово...

А зрителей полный зал, дома им не сидится... Как они примут?.. Они будут сидеть и смотреть, и слушать, смеяться и плакать тогда, когда им будет велено... Власть – и это ПРЕМЬЕРА!

Короткая фраза по трансляции: «Было три звонка». И надо всего лишь перешагнуть невидимую черту. «Было три звонка». И от макушки до копчика – пустота, невесомость. «Было три звонка». В душе на мгновение стало спокойно и ясно. Господи!.. Какая-то молитва сыплется с губ, чтобы защитил и помог. Кто сказал, что актерская профессия от Дьявола? От Бога она, от Бога!

В зрительном зале гаснет свет. Открывается занавес. Сейчас на сцену выйдет артист – самый правдивый человек и самый большой обманщик. Так делай же первый шаг, артист, лицедей, шут, комедиант, пересмешильник, кривляка... Смелее делай первый шаг, артист! У тебя – ПРЕМЬЕРА!

*Наталья ИНШАКОВА,
актриса*

ДРУЗЬЯМ – АКТЕРАМ

Посвящения и эпиграммы

Д.А. Кромскому

Как не бывает без огня
Ни треска, ни, конечно,
дыма,
Так не бывает без тебя
Успех спектакля,
милый Дима!

Но слава – дым,
нас учат люди,
А что касается меня –
Я не любитель дыма, Дима,
Давай огня, мой друг, огня!

Э.Л. Очагавия

Герой-любовник
благородный,
Политик, друг молодых
актрис,
Он в этой жизни
не свободный,
НАРОДНЫЙ – требуют
«на бис»!

* * *

Ах, милый друг,
ну что тебе сказать?!
Тебе уже не двадцать
и не тридцать...
В глазах твоих –
пространства благодать,
И надоело «под канадку»
стричься.

Ах, милый мой, во всех
твоих ролях
Герой-любовник виден
и с галёрки.

Во всех застольях и во всех
гостях
Ты заводила, ты –
Василий Тёркин!

Эмиль. Эмиль, в твои-то
времена,
Когда и слава, и друзья,
и роли,
Когда свобода – главная
жена –
Из тела рвется, словно
из неволи,

Когда один на перепутье
лет
Выходишь к рампе, словно
на дорогу,
Душа твоя дает любви
обет
Искусству, зрителю
и вечности, и Богу!

Ах, милый друг, ах, мэтр,
ах, Эмильяно!
Хотел бы – форте,
но закончу – пиано!

**С.И. Долгошееву,
подводнику и артисту**

Корабль «Юрий Долгорукий»
В строю крейсирует у нас,
Но позабыли бяки-буки
Про Стаса творческие
муки.
Где лодка «Долгошеев Стас»?

И.А. Аркадьевой

Аркадьева Ирина –
актриса хоть куда!
Она и балерина,
и яркая звезда.
Она и режиссер, она
и воспитатель...
Она талант от Бога,
а Он – её Создатель!

В.Д. Гостищеву

Владиславу – хорошо!
Он прошел огонь и воду.
Поистерся в порошок,
Но в игре обрел свободу.

* * *

Сядь, мой друг, тихонько
в уголок,
В кресло у горящего
камина,
Грей в бокале терпкий
коньячок,
Посмотри хорошие картины
Иль послушай виртуозный
джаз,
Или просто помечтай
о личном...
Жизнь дается нам всего
лишь раз –
Вот и проживи ее
прилично!

**Сергей МАКОВЕЙ,
художник**

«МАСКУ ПОВЕСИЛ НА СТЕНУ...»

* * *

кто-то смотрит
из тёмных окон
на свет деревьев
из которых
дети выпиливают лодочки
морская соль
на младенческих губах
растрескавшаяся ладонь
матери
с проросшими семенами
зимы
когда листья капаят
с ветвей вниз
та же печаль
в глазах проплывающего
вечера
когда листья погибают
под ногами беззаботных
детей

кто-то учит меня быть
поток
под окнами севера
просто лужей
с плавающими в ней
листьями
в которой любил стоять
когда был ребёнком

2000 г.

* * *

сверкая бивнями
резвится молодость слонья
и мальчик красивый
как греческий бог
выводит острые знаки
на глиняных дощечках
на мраморных колоннах
смотри: как бела его борода
как слеп его взгляд

жестокий полдень
пора на водо-
пой мне в горах, пой
о том что завтра бабочки
заполнят все небо
беззвучным плачем

полувзглядом и
полужестом дышал
повернулся и вышел в
стеклянную дверь
маску повесил на стену
задёрнул кулисы
и танцевал вокруг костра
уезжал на трамвае куда-то
чтобы побыть одному

старый портовый грузчик
с гранитной лавочью
смеялся от счастья
увидев

2000 г.

* * *

присмотрись – это
не заснеженный город
шитель – это море и скалы
двадцатый раз приходит
зима

двадцатый раз стою
на этом берегу
кричу на тот, что
пухлое небо повисло
и пахнет заспанной подушкой
лопнула
и полетели обрывки
недосмотренных снов
про ступени руин
с цветущим жасмином

куда девушки идут за водой
меж упругих бёдер несут
застенчивые улыбки
про купель и крестины
во вьюжную ночь
и звон колокольчика тройки
или того – из детства – над
дверью
летел по-над степью
птицы носились в ночном
небе
и никак не хотели падать
их крылья намочил от слёз
их сердца разорвал

горизонт
за которым встают огни
костров
или чьи-то глаза
открылись навстречу ночи

присмотрись
это дождь над спокойным
морем
капли падают в небо
во всём мире круги по воде
и мы играем в прятки
я спрятался за одной

из капель
и упал на липкий берёзовый
лист

а мы играем в небо
и ты спряталась
за закатом
за последним лучом
что бликом сверкнул
по капле дождя
и ушел в песок

присмотрись – это не море
это мои открытые
во сне глаза

2001 г.

ПРЕМИИ – ЛУЧШИМ

Премия имени А.Н. Островского вручается с 2000 года, ею награждены свыше 40 деятелей театра. По итогам театрального сезона 2006-2007 года были награждены:

– в Костромском государственном ордена Трудового Красного Знамени драматическом театре имени А.Н. Островского:

– в номинации «Лучшая режиссерская работа» – режиссер-постановщик театра Сергей Юрьевич Кузьмич за постановку спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» по пьесе А. Н. Островского;

– в номинации «Лучшая сценография» – главный художник театра Елена Владимировна Сафонова за спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» по пьесе А. Н. Островского;

– в номинации «Лучшая женская роль» – заслуженная артистка Российской Федерации, ведущий мастер сцены Надежда Сергеевна Залесова за роли Мери, Лавры, Донны Анны в спектакле «Каменный гость» по произведениям А.С. Пушкина;

– в номинации «Лучшая мужская роль» – артист высшей категории Дмитрий Анатольевич Егоров за роль

Джорджа в спектакле «Наш городок» по пьесе Т.Уайлдера;

– в номинации «Лучшая женская роль второго плана» – заслуженная артистка Российской Федерации, ведущий мастер сцены Татьяна Владимировна Никитина за роль Мамаевой в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» по пьесе А.Н. Островского;

– в номинации «Лучшая мужская роль второго плана» – народный артист Российской Федерации, ведущий мастер сцены Эмиляно Лоренсович Очагавия за роль Крутицкого в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» по пьесе А. Н. Островского;

– в номинации «Лучший дебют» – артистка высшей категории Мария Владимировна Кирилкина;

– в номинации «За вклад в развитие театрального искусства» – директор театра Ирина Геннадьевна Третьякова.

– в Костромском областном театре кукол:

– в номинации «Лучшая режиссерская работа» – главный режиссер театра, заслуженный артист Российской Федерации Вячеслав Августович Бредис за постановку спектакля «Баллада о славном подвиге» по пьесе В.Бредиса;

– в номинации «Лучшая сценография» главный художник театра, заслуженный художник Российской Федерации Ирина Васильевна Мельникова за сценографию спектакля «Баллада о славном подвиге» В.Бредиса;

– в номинации «Лучшая женская роль» артист-кукловод, ведущий мастер сцены Екатерина Владимировна Соколова за роль Полины в спектакле «Баллада о славном подвиге» В.Бредиса;

– в номинации «Лучшая женская роль второго плана» артист-кукловод высшей категории Мария Сергеевна Логинова за роль Волшебницы в спектакле Андерсена «Дюймовочка»;

– в номинации «Лучшая мужская роль второго плана» артист-кукловод высшей категории Илья Алексеевич Кулейкин;

– в номинации «За вклад в развитие театрального искусства» заведующая музыкальной частью театра Татьяна Евгеньевна Шелкова;

– поощрительными премиями награждены артист-кукловод театра, ведущий мастер сцены, заслуженная артистка Российской Федерации Людмила Николаевна Макарова и артист-кукловод Татьяна Николаевна Булдакова.

СПЕКТАКЛЬ ВО ДВОРЕ

Идея показа спектакля во дворе возникла давно. Год за годом, постигая творчество драматурга-земляка Александра Николаевича Островского, который девятнадцать пьес из сорока семи написал в усадьбе Щельково на костромской земле, замечаешь, что почти в каждой из них он выводит своих героев в сад, беседку, на бульвар, на берег Волги, на поляну, во дворик к голубятне, на скамейку под яблоньку, к качелям...

Во время проходящего в Костроме историко-художественного фестиваля «Вехи-93», в ходе смотра народных театров, посвященного 170-летию со дня рождения А.Н. Островского, репертуар сложился так, что давней задумке суждено было осуществиться.

В Костроме много уютных живописных двориков, в которых будто специально установлены декорации, — приходи и играй. Но, по многим причинам, нами был облюбован дворик углового дома на пересечении Молочной горы и улицы Островского № 1. Это бойкое место связано с именем Островского не менее, чем другие в Костроме.

Приехав в Кострому впервые, 20-летний начинающий драматург, проходя мимо углового дома (бывший Гостиный двор) и часовни на

Мшанской улице, 1, тогда еще не знал, что эта улица будет называться улицей Островского, что здесь будет построена читальня имени Островского, в которой впоследствии разместится театр юного зрителя (театр рабочей молодежи, где играл в юности своей известный драматург Виктор Сергеевич Розов, ставил свои первые спектакли ученик К.С. Станиславского режиссер Алексей Дмитриевич Попов), ныне в этом здании театр кукол.

С незапамятных времен гостиница превратилась в коммуналку. Люди обжили дворик: беседка, скамейки, выше крыши березы, куст сирени у калитки, пушистый кустарник вдоль металлической оградки — все-все говорит о том, что

здесь можно играть многие пьесы Островского.

Не договариваясь между собой, режиссеры взяли в постановку трилогию о Бальзаминове: «Праздничный сон — до обеда» — Антроповский народный театр, режиссер Ю. Муравьев; «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» — Кологривский театр, режиссер Н. Голубева; «За чем пойдешь, то и найдешь» — Чухломский театр, режиссер Н. Шмелев.

Как известно, сцен во дворе в этих пьесах достаточно. Эти спектакли в день рождения А.Н. Островского были показаны в Островском и в Щелькове.

А на фестивале «Вехи» в программу показа сцен из спектаклей, названных

Чухломский народный театр, впервые в области поставивший пьесу А.Н. Островского «Пучина». Лауреат фестиваля в г. Владимире. 1973 г.

выше, добавили сцену из спектакля «Волки и овцы» (Т.Шишкина, В.Морозов) Парфеньевского театра, «Бедная невеста» Буйского театра (режиссер Н.Юшко) и сцену за самоваром (Р.Крупина, В.Забазлаева) из спектакля «Не все коту масленица» Рождественского театра Шарьинского района (режиссер Н.Сазанова).

Природа создала довольно уютную декорацию, и зрелище получилось достаточно привлекательным. Зрители сидели на заранее привезенных скамейках. Для артистов были поставлены микрофоны, звучала музыка, вдоль оградки прогуливались артисты в костюмах, в легком гриме, одни проговаривали текст роли, другие примерялись к «природной сценической площадке».

Выступление начал театр малых форм Дома народного творчества (М.Пудкова, Н.Тукачева, Н.Корнеев). Их скорморошина смешила и радовала детей и взрослых одинаково. Во дворик заходили гуляющие по городу мамы с детьми, туристы с парохода и автобуса, хотелось посмотреть, сколько позволяло время, заходили ребята и, посмотрев немного, говорили: «Да тут кино снимают!»

К этому жители города привыкли – каждое лето съемки какого-нибудь фильма. Вот и сейчас во дворике сцены из спектаклей по пьесам Островского играют артисты народных театров. Их снимают режиссеры телеви-

Сцена из спектакля «Не все коту масленица» народного театра с. Рождественского Шарьинского района. 1993 г.

дения, записывают корреспонденты радио, а рядом на бульваре Сусанина и Молочной горе идут съемки фильма по пьесам Островского «Лес», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые», здесь тоже зрители – смотрят на Алексея Баталова и Галину Вишневскую. Надо же! Галина Вишневская играет Кручинину!..

Но вернемся во дворик.

Разве можно увидеть такое в театре? В тени, которая падает от берез, в плетеных креслах сидят у самовара и пьют чай, разговаривая о небылицах, возмущаясь нравами купца Ахова, две женщины из прошлого века, а их прислуга Меланья угощает тем временем пряниками, баранками и карамельками детей-зрителей, которые сидят по краешку клумбы, на скамейках, на траве. Осмелевшие воробьи, подхватывая крошки с земли, взлетают на куст сирени.

Ветерок ласково тронул косы березы, они зашелестели, туча на мгновение закрыла солнце и проплыла дальше. Это движение природы дополняло игру артистов, и никакого принуждения, запрета: заинтересовался – заходи, смотри. Насмотрелся – уходи тихо, в городе сегодня много интересного, одно слово – фестиваль!

Очень порадовали своим приходом артисты драмтеатра им. Островского, театра кукол, корреспонденты газет, гости фестиваля из Москвы и, в частности, Алла Кулагина – профессор МГУ, и Бонни Маршалл – профессор из Америки, которая с восторгом смотрела и народные театры, и фольклорные коллективы, ее лицо постоянно озаряла улыбка, она была так проста и ласкова со всеми, что многие думали, что она из Парфеньева или Чухломы, но не из Америки.

Из-за оградки несется смех, аплодисменты. Зрители смотрят спектакль на «природе». Сами собой складываются слова: театр начинался не в светлых дворцах при хрустальных люстрах, он начинался на площадях, ярмарках, во дворах, на задворках...

И если это так радостно и весело смотреть спектакли во дворе, то почему бы в летнее время не играть их во дворе?

*Н.С. ТИРАНИНА,
Костромской Дом
народного творчества*

Режиссер Костромского театра В.Ф. Шиманский (первый ряд в центре) с руководителями народных театров Костромской области. 1986 г.

Галичский народный театр в Костромском отделении ВТО. Слева – председатель ВТО Л.З.Свердлова. 1989 г.

Имеет сообщить

НАЗВАЛИ В ЧЕСТЬ ДРАМАТУРГА

В 1988 году в области проходил традиционный смотр народных театров на лучший спектакль по пьесам А.Н. Островского, посвященный его 165-летию. Чухломский народный театр со спектаклем «Блажь» выехал к сельским жителям в Повалихино. В то время, когда Николай Журавлев играл на сцене, у него родился сын. Вместе с поздравлением было предложение: назвать сына в честь Островского Александром. И хотя у отца были на этот счет другие планы, с мнением театрального коллектива пришлось согласиться, тем более что и отчество совпадало. Сейчас Александру Николаевичу Журавлеву уже 20 лет, драматургом он пока еще не стал, но уже учится на 3 курсе сельхозакадемии. Кстати, Островский тоже увлекался сельским хозяйством в Щелькове.

«Думаю, что не пропадём...»

Письма режиссера Владимира Шиманского актрисе Людмиле Свердловой

Кострома

10 декабря 1972 г.

Дорогая Люда!

Не писал долго, ибо дел было по горло. Сдача, премьера, поездка в Бобруйск (выписка, отправка вещей), и только сегодня вернулся в Кострому.

Премьера «Птиц» (1) прошла хорошо, даже больше. На сдаче худсовет после обсуждения приветствовал меня аплодисментами, мнение было единодушное: спектакль интересный, режиссер тоже. Зритель принял хорошо. Спектакль этот действительно мне удался в главном, о частностях говорить не приходится. Саркисов меня не подвел, сыграл весьма прилично. Короче, в театре прошел пока, в городе тоже. Хорошо идет этот спектакль и в Бобруйске, они играли его в Минске, где их очень хорошо приняли.

Завязались хорошие отношения с автором пьесы И. Друцэ. Я так надеялся, что этот спектакль изменит мою жизнь, принесет настоящий успех и т.д. Но... отзвучали аплодисменты премьеры, затихли кулуарные восторги, а рецензии до сих пор нет. Несмотря на то что в Минске спектакль был принят очень тепло, говорили, что на фоне того, что было (был фестиваль республиканских театров), это был самый интересный спектакль, газета ЛИМ

(Литература и искусство) поместила совершенно кретинистую рецензию какой-то идиотки, которая, видимо, не читала пьесы, извратила смысл ее и, естественно, спектакля. Так что мой уход из Белоруссии весьма разумный шаг. А карьеру я делать не умею и даже не могу извлечь пользы из того, что делаю, по общему признанию, неплохо. Чего-то, видимо, главного у меня нет, дело не в воле, а черт знает в чем. Ну его к черту, уж заел себя самоанализом. В общем, живу пока без изменений, только старею и все. Мать осталась пока в деревне все по тем же причинам.

Решается вопрос о следующей работе, пока все в поисках....

Целую, Володя.

* * *

Люда, здравствуй.

На этот раз письмо ваше получил и ответ написан неделю назад, но в театре столько событий, что письмо я так и не отправил, ожидал, что дела могут повернуть гораздо лучше. В театре ЧП. Долго рассказывать, в чем дело, но на стол директора легло 5 заявлений об уходе (непосредственный повод – невозможность проживания в общежитии, скандалы и пр.). И я надеялся, что не все, конечно, но кто-то уйдет, и тогда

я буду действовать. Но на прошлой неделе была комиссия из Москвы, которая решала судьбу гастролей в Москве и решила, вроде, положительно, естественно, Слюсарев сейчас унижается и никого не отпускает, уговаривает, ублажает и пр. Короче, история еще не закончена, к сожалению, из подавших заявления четверо мужчин и одна женщина. Чем все кончится, неизвестно. Слюсарев за, во всяком случае он мне обещает. Но есть смысл показаться в Куйбышеве, а вдруг?! Театр солиднее Костромы, а если что, так и уйти можно будет. Надо ехать. Я тут потихоньку завожу знакомства, думаю, что не пропадем...

У меня все нормально... Репетирую «Продавца дождя». Когда выпуск, пока неизвестно, репетиции идут хорошо.

Пишите. Целую, Володя.

* * *

Здравствуйте, Люся!

Только что услышал по радио – наш родной театр награжден орденом Трудового Красного Знамени. И заняло сердце. И радостно, и грустно. Лучшие годы отданы этому театру и... ничего, ровным счетом ничего. Обидно даже не то, что нет звания, а что старательно вычеркнул: и память, и спектакли... Так что я вас пре-

красно понимаю. Хотел по-слать телеграмму, но не хочу обнаруживать себя. Недавно вернулся в Ставрополь и с 1.XII начал репетировать «Берег». Был в Москве у Сельвинской, она оформляет (кстати, умерла В.М. Зайцева от рака год назад, та, что оформляла «Берег» в Костроме), потом уехал в Ленинград, был на банкете у Георгия Ал. (2), который он делал для коллектива. Все прошло несколько сухо, по обязанности, мне показалось, без души. Потом улетел в Минск, тяжело больна мама. Заболевание крови, пока неясно, злокачественное или нет. Лежит в гематологии. Вернулся на Сев. Кавказ. Стоит теплая погода, светит солнце, мороз 1-2°. Здесь я испытал истинный момент вдохновения и одним махом написал пьесу по роману Бондарева «Выбор». Условно назвал «Итальянец русского происхождения». Без ложной скромности могу сказать, что получилось очень неплохо. Буду добиваться разрешения у Бондарева.

Что касается театра, то все сложно. Краевой театр, труппа 30 человек, 25 эсэцин. Зрителя нет, а деньги есть. Режиссуру не уважают, так как последние годы они меняются, как перчатки. Если судить с позиций БДТ — это ужасно! Если с позиций Костромы, то не так уж плохо. Мужская часть достаточно крепкая, но режиссура. Очень низкого уровня, спектаклей хороших нет, ни одного. Я в подвешенном со-

Актриса и режиссер. Лиепая. 1966 г.

стоянии. Директор, который мне кажется родным братом Ваньки Ануреева, говорит, что все решится после моего дебюта. Репетировать сложно, они никто не читал «Берег», не увлечены, не заинтересованы. В этом плане Кострому вспоминаю, как рай. Но я иду ва-банк, спектакль будет намного «пышнее» костромского, точнее. В общем, все архисложно. Самое грустное, что ощущение такое, что я и не уезжал из Костромы. Так все похоже. И главное — актеры! И своя Солнцева, и Дима Кромский! Я

просто тихо смеюсь и над собой, и над ситуацией. Даже не могу понять, интересен я им, неинтересен? Первый раз такое у меня. Им все равно. Я уже думаю, что, может, и не стоит добровольно лезть в петлю? Г.А. обещал помощь, но я завяз здесь до 23 февраля, короче, повторяю, все отдано на волю Бога. Напишите, как там Эмиль, Таня, все ли хорошо. Привет Шувалову. Город неплохой, прилично обеспечивается. Если у Тани все хорошо, поздравьте от меня цветами. Пишите. Обнимаю, В.Ф.

* * *

Дорогая Люся!

...В театре все сложно. Приняли меня очень холодно, а «Берег» вообще враждебно, причем большая половина романа просто не читала. Режиссеры меняются, как перчатки, и у них отношение было как к очередному халтурщику. Директор меня поддерживал. Но я не растерялся. Сказалась накопленная энергия за два года, не прошло и месяца, как они на глазах изменились. Не обошлось и без хирургии... Теперь у меня атмосфера прекрасная. Работают на все 100, оказалось, что они хорошие актеры и просто так давно не работали. Я их всех уже полюбил, по-моему, в основном и они меня. Замечания хватают на лету, выполняют. Особенно хороши будет Гранатуров, просто блеск. Молодой Никитин, Меженин, конечно, не хватает Вас, Эмиля, хотя и здесь неплохие актеры. Песня осталась, все остальное начисто переделал. Ввел четырех

проституток. Они живой занавес гамбургских сцен. Сельвинская сделала отличные костюмы, интересное оформление. Хотя по духу спектакль, конечно, тот же. Новый год встречал один, никто меня не пригласил. Я веду себя очень замкнуто, отрепетировал и ушел... Спектакль должен получиться. На премьере должен быть Бондарев. Он избран кандидатом в депутаты одного из районов края, должен приехать. Но... назначат, не назначат – неизвестно. Директор хитрит, он вообще не хочет главного, о чем как-то признался мне, а все зависит от него. На днях (завтра) я беру его за глотку и ставлю ребром вопрос. Очередным, естественно, я здесь не останусь. Но пару мужиков отсюда прихвачу уж точно.

В.Ф.

* * *

Люся, дорогая, здравствуйте!

... Честно говоря, я не очень рвусь остаться здесь, хотя и

трудно будет опять начинать поиски. На душе пустота. Умерла мама, и я вдруг почувствовал, что я один, и ехать уже некуда, и никому неинтересна моя судьба. Жуткое ощущение транзитности своего бытия, нет Дома, некуда ехать и на вопрос – откуда вы – ответить нечего. Мой адрес – Советский Союз, как поется в известной песенке. Профессионально, мне кажется, я стал много крепче. Во всяком случае работаю легко, все рождается как-то само собой, без натуги. И людям нравится. Может, хоть это как-то оправдывает смысл моего бытия на этой земле...

В.Ф.

- 1) Спектакль «Птицы нашей молодости» по пьесе Иона Друцэ.
- 2) Гл. режиссер Ленинградского БДТ Г.А. Товстоногов.

*Подготовила
Н.А. ДРУЖНЕВА,
заместитель директора
ГАКО.*

Имеет сообщать

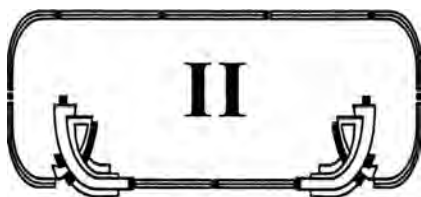
ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ НЕ ПРИЖИЛСЯ

В начале 1948 года, по просьбе руководителей Костромской области, в Кострому на годичные гастроли был направлен Государственный гастрольный театр музыкальной комедии с условием дальнейшей передачи этого театра со всем его имуществом городу Костроме.

Костромичам, при поддержке самого К.Е. Ворошилова (зам. председателя Совмина СССР), удалось добиться положительного правительственного решения, но... театр оперетты так и не прижился на костромской почве.

Министерство финансов воспрепятствовало выделению средств из областного бюджета на формирование и содержание театра...

ГУ «ГАНИКО» Ф.Р-765. Оп.2. Д.769. Лл.5, 14, 18, 39, 40.

ТЕАТР ОБРЕСКОВА И ЕГО ОПЕКУНЫ

По общему гербовнику (ч. III №43) – предок Обресковых шляхтич Обрыцкий выехал из Польши в Россию и стал в конце XVI столетия Михаилом Обресковым и основателем рода Обресковых. Его сын Яков Михайлович состоял в Ярославле городским дворянином. Все его многочисленное потомство обосновалось на ярославской земле.

Из рода Обресковых вышел известный дипломат Алексей Михайлович Обресков (1719–1787). Связь с костромской землей прослеживается с 1737 года, когда пост Галичского воеводы занимал майор Обресков, а с Чухломским уездом Костромской губернии прослеживается с Андреем Ивановичем Обресковым, подпоручиком в 1766 году, владельцем усадьбы Понежское, в которой он проживал с семьей: женой Маремьяной Алексеевной и сыном Евграфом Андреевичем.

Евграф Андреевич Обресков, по примеру отца выбравший военную службу, служил сначала в армии, а с 1772 года в гвардии Семеновском полку, в пятой роте. С 1778 года сержант, а по отставке от службы – капитан. Имел единственного сына Василия

Евграфовича, родившегося 12 апреля 1787 года. Он-то и является главным персонажем нашего очерка.

Его отец умер в конце XVIII века, и мать вышла замуж вторично за Николая Авраамовича Бартенева – представителя древнего костромского дворянского рода Бартеневых, из которого вышло много моряков. Видимо, под влиянием этого пасынок Н.А. Бартенева, Василий Обресков, был зачислен в морской кадетский корпус, который закончил в 1805 году. Однако он прослужил недолго: уже в следующем 1806 году пребывание на море убедило мичмана Обрескова, что он неправильно выбрал место службы, может, подвело здоровье... Бог весть. Последующий чин коллежского советника указывает уже на статскую службу Обрескова, но по имеющимся документам мы не можем проследить ее. Может, потому, что наши документы костромского происхождения, а Обресков мог служить по Ярославлю. Имени покойного отца находились в разных губерниях (Костромской и Ярославской) и после смерти его отошли к жене, матери Василия, а сле-

довательно, и ее второму мужу Н.А. Бартеневу, в том числе и чухломское село Понежское, однако Василий Обресков не был обделен: когда он был в подростковом возрасте, в 1803 году его мать отсудила для него спорное имение, состоящее в деревне Евсякове Чухломской округи Костромской губернии, подав апелляционную жалобу на предшествующее неправильное решение Костромского суда. Дело начинается вступлением, дающим четкую картину структуры семейства в 1803 году:

«Приносит жалобу определенная над имением малолетнего Морского кадетского корпуса гардемарина Василия Евграфовича сына Обрескова опекунша мать ево родная коллежская асессорша Надежда Васильева дочь по второму мужу Николаева жена Аврамова Бартенева на Костромскую палату гражданского суда, а о чем моя просьба, тому следуют пункты...» (1)

Мать Обрескова дело выиграла, и деревня Евсякова отошла во владение ее сына. А по смерти матери к нему отошло и Понежское, в котором он долгое время проживал с нею и где, потакая своей дав-

ней страсти, организовал театр из крепостных, не только своих собственных, но и скупаемых у других помещиков, если замечал в них искру таланта. В описании господского дома в Понежском, составленном после смерти хозяина опекуном П.А. Катениным, говорится о расположении помещений...

«Господский деревянный дом на каменном фундаменте двухэтажный мерою в длину 12 саж., в ширину 5 саж., в высоту до карниза 4 саж. 2 подъезда.

Означенный господский дом крыт кумпалом по скале тесом. Два фронтона против верхнего этажа с обеих сторон. Красного двора террасы на колоннаде оперены столбиками; с правой и левой рук в два крыльца, в верхний этаж прямые, обитые тесом. В верхнем этаже находятся 13 комнат: 1. Передняя. 2. Официантская 3. Столовая 4. Кабинет. 5. Колональная. 6. Зал. 7. Ванная. 8. Уборная. 9. Спальня. 10. Чайная 11. Детская и др. (2)

В верхнем этаже комнат восемь: среди них: гардеробная, столовая, девичья, спальня и другие. Театр размещался на первом этаже, в зале».

Труппа насчитывала 28 человек. Их имена, к счастью, дошли до нас:

1. Климент Антонов Соловьев. 2. Степан Антонов Соловьев. 3. Владимир Антонов Соловьев. 4. Александр Антонов Соловьев. 5. Фавиан Артемьев. 6. Увар Михайлов. 7. Петр Тиханов. 8. Фаддей Аве-

В.Е. Обресков

рьянов. 9. Павла Антонова. 10. Александра Антонова. 11. Клеопатра Артемьева. 12. Анна Фловианова. 13. Вдова Павла Лукианова. 14. Ее дочь Варвара. 15. Ее дочь Алимпида. 16. Вдова Дарья Григорьева. 17. Ее сын Александр. 18. Вдова Аграфена Максимова. 19. Алена Малофеева. 20. Василиса Нестерова. 21. Вдова Катерина Васильева. 22. Варнавий Иванов. 23. Жена его. 24. Его сын. 25. Девка Алена Григорьева. 26. Девка Марья Тимофеева. 27. Девка Агафья Артамонова. 28. Девка Настасья (3)

Как видим, в труппу входили не только актеры-одиночки, но и целые крестьянские семьи. Эту труппу обучал сам хозяин и посылал ее на гастроли в разные города: в Кострому с 1819 года, в Ярославль с 1827 года и в Рыбинск с 1829 года. Во время смерти, пришедшейся на 6 ноября 1830 года, он вместе с труппой находился в

Ярославле, где три месяца назад 7 августа 1830 года заключил с поручицей Барсуковой контракт об аренде каменного дома для театра сроком на два года. Василия Еврафовича похоронили на Леонтьевском кладбище Ярославля, а труппу вернули в Понежское. Покойный хозяин группы оставил непомерно высокие долги общей суммой свыше 40000 рублей, и их надо было покрыть, поэтому содержатели театра – опекуны имения продолжали давать спектакли. Об одной такой гастролы в солигаличскую усадьбу князя Леонтия Васильевича Шелешпанского Корцово оставил записи в своем дневнике немец-управляющий Карл Иванович Майер:

«Именины князя справляли 16 августа, после Успеньева дня. Праздновали пышно: театральное представление, музыка, песельники, катание на лодках, а в завершение праздника – фейерверк. Конечно же, угощение как для гостей, так и для крестьян... Комедиантов обрескинских пригласили, с ними столкнуться нетрудно, особенно за наши деньги. Комедианты народ все пустой, лядащий, а от людской кухни носы воротят, не привыкли, дескать...»

Управляющий довольно подробно описал пышное празднество:

«Картина являла некий город у подножья горы Вулкан. Боги даровали жителям хлебодородные нивы, плодоносные сады и виноградники. Филька (крепостной художник князя

Шелешпанского – Филофей Сорокин – Е.С.) весьма искусно все изобразил на двух филленках, даже овечек на лугах нарисовал. Жители сего благодатного края (актеры обрескинские и наши волонтеры) более были расположены к праздности и беспричинному веселью, коему и предавались без всякой умеренности. Возлияния и пляски с козлоногими сатирами шли чередой. Сатиры все обрескинские, скакали аж на два аршина вверх, нашим так нипочем не скакнуть... По знаку всех комедиантов с подмостков сдуло, и явилось бушующее море, в волнах коего боролось с непогодой судно, и так все это натурально проделано было, что и в самом деле казалось, на берегу моря сидишь. Как корабль в волнах исчез, тут и началось. Вулкан неожиданным образом извергся, да так громко, что многие гости в оторопь впали и в совершенное изумление пришли. Шутихи, фейерверковые бураки искры рассыпают, а из горы лава прет, натуральная такая, и когда лава доски укрыла, вновь явился Осип, встал в позу.

*Свирепый огонь зверем
пожрал все живое,
Пепел унылый укрыл все,
что когда-то цвело.
Даже доселе бесстрастные
боги стали не рады,
Явив слабым людям мощь
такую свою.*

Ажитация была велика. Угощались без меры». (4)

Мы имеем также возможность вместе с героями авто-

биографического романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» побывать на одном из спектаклей обресковской труппы. Два товарища-гимназиста Вихров (читай Писемский) и Плавин посещают театр Обрескова, гастролирующий в Костроме:

«Пойдемте сегодня в театр?» – обратился Плавин к Павлу. – «Пойдемте, – отвечал тот; при этом у него как-то екнуло сердце. – Я никогда еще в театре не бывал», – сказал Павел слегка дрожащим голосом.

«Что сегодня играют?» – спросил Плавин Симонова.

«Не знаю, не спросил – ...Да я сейчас сбегая и узнаю», – вызвался с полной готовностью Симонов и действительно сбегал.

«Сегодня отличное представление! – сказал он, развертывая и подавая заскоружлой рукой афишу, – Днепровская русалка, – добавил он, тыкая пальцем на заглавие.

Гимназисты мои после того остались в очень беспокойном состоянии. Время казалось им идущим весьма медленно... Часу в седьмом молодые люди, наконец, отправились.

Надобно сказать, что театр помещался не так, как все в мире театры – на поверхности земли, а под землею. Он переделан был из кожевенного завода и до сих пор еще сохранял запах дубильного начала, которым пропитаны были его стены. Посетителям нашим, чтобы попасть в партер, надобно было спус-

тись вниз по крайней мере сажени две. Когда они, наконец, уселись на деревянные скамейки, заиграла музыка. Занавес поднялся. С какою жадностью взор нашего юноши ушел в эту таинственную глубь какой-то очень красивой рощи, взди которой виднелся занавес с уходящей далью, а перед ним что-то серое шевелилось на полу – это была река Днепр!

Вышел Видостан в бархатном кафтане, обшитом позументами, в шапочке набекрень. После него выбежали Тарабар и Кифар. Все эти лица мало занимали Павла. Может быть, врожденное эстетическое чувство говорило в нем, что самые роли были чепуха великая, а исполнители их – еще и хуже того.

Занавес опустился. Плавин шепнул Павлу, что можно будет пробраться на сцену... Вошли, и, боже мой, что представилось глазам Павла! Точно чудовища какие, высились огромные кулисы, задвинутые одна за другую, и за ними горели тусклые лампы, мелькали набеленные и не совсем красивые лица актеров и их пестрые костюмы. Посредине сцены стоял огромный куст, подпертый сзади палками; а вверху даже и понять было невозможно всех сцеплений. Река оказалась не что иное, как качающиеся рамки, между которыми было большое отверстие в полу. Павел заглянул туда и увидел внизу привешенную доску, уставленную по краям лампами, а на ней сидела, качаясь и смеясь, ка-

кая-то вся в белом и необыкновенной красоты женщина. Открытие всех этих тайн не только не уменьшило для нашего юноши очарования, но, кажется, еще усилило его.

«Господа публика, прошу со сцены!» – раздался голос со держателя.

Павел почти бегом бросился на свою скамейку. В самом начале действия волны реки сильно заколыхались, и изпод них выплыла Леста, в фольговой короне, в пышной юбке и в трико. Павел тотчас же догадался, что это была та самая женщина, которую он видел на доске. Она появлялась еще несколько раз на сцене; унесена была, наконец, другими русалками в свое подземное царство; затем перемена декорации, водяной дворец, бенгальский огонь, и занавес опустился. Надо было идти домой. Павел был как бы в тумане: весь этот театр, со всей обстановкой, и все испытанные там удовольствия показались ему какими-то необыкновенными, не воздушными, не на земле (а как и было на самом деле – под землею) существующими – каким-то пиром гномов, одуряющим, не дающим свободно дышать, но тем не менее очаровательным и обольстительным!» (5) Описанный спектакль «Днепровская русалка» не мог состояться ранее 1834 года, хотя труппа гастролировала в губернском городе с 1819 года, поскольку именно в 1834 году Писемский поступил в костромскую гимназию. К этому времени

Обресков уже четыре года считался покойным: он умер 6 ноября 1830 года и поскольку не оставил семьи, а следовательно, и прямых наследников, то его движимое и недвижимое, в том числе и театр, отошло к его двоюродному брату Николаю Петровичу Шевелеву, который долго не мог войти во владение имением, поскольку за дурное поведение был сослан в Варнавин, а над имением установили опеку. Поручик Николай Петрович Шевелев родился в 1783 году, воспитывался в артиллерийском кадетском корпусе, из которого в 1799 году был выпущен корнетом в Кирасирский полк, что позднее именовался Харьковским драгунским полком. В 1800 году был отставлен от службы подпоручиком, но в том же году восстановился, будучи принят в Павлоградский гусарский полк. Был донатом ордена Иоанна Иерусалимского. Окончательная отставка произошла в 1815 году. Позднее отставной капитан Николай Петрович Шевелев исправлял должность Чухломского земского исправника. Он был женат на Настасье Ивановне Борноволовой и имел двух сыновей, поручика гвардии Финляндского полка Дмитрия Николаевича и подпоручика Петра Николаевича Шевелевых. Семья имела недвижимое в Костромской губернии Галичской округи – сельцо Панино (мужского пола 2 души), в деревне Михалева 25 мужска пола душ и Воробьева 4 муж-

ска пола душ. Им же принадлежала и усадьба Янино, и деревня Саватово – всего 117 душ крепостных. (6)

Первым опекуном имения покойного Е.В. Обрескова был назначен Петр Александрович Катенин – родной брат поэта Павла Александровича Катенина. В конце 1831 года он письменно жаловался губернатору на поведение своего подопечного:

«Его Превосходительству Господину Действительному Статскому Советнику Костромскому гражданскому Губернатору и разных орденов кавалеру Сергею Степановичу Ланскому. Статского Советника и кавалера Петра Александрова сына Катенина прошение.

Указом Чухломской дворянской опеки определен я опекуном и попечителем по имению умершего коллежского секретаря Василия Обрескова, следующему в принадлежности по наследству поручику Николаю Шевелеву, которому выдан был Его Превосходительством билет для устройства дел его по означенному наследству июня 27 дня сего года, а так как срок его уже истек и он господин Шевелев, не окончив еще свои дела из-за простудной болезни, препятствующей ему возвратиться в город Кострому, то дабы не подвергнуться мне какой-либо ответственности, насчет проживания его в наследственном имении без надлежащего вида, приемлю решимость довести о сем до сведения Вашего Превосходи-

гельства и присовокупить покорнейшую просьбу, на предмет сего учинить по благоусмотрению Вашему кому следует предписание прошения.

Сие писал со слов просителя вольноотпущенный дворовый человек Александр Иванов.

К сему прошению Статский советник и кавалер Петр Александров сын Катенин руку приложил». Жительство имею Чухломского уезда в селе моем Борееве. Декабря 6 дня 1831 года. (7)

Прошло несколько лет, пока наследник Н.П. Шевелев смог войти во владение имением из-за своего подневольного положения. За это время сменилось несколько опекунов взятого под опеку имения покойного В.Е. Обрескова: после уехавшего в Петербург

Петра Александровича Катенина опекуном стал господин Лермонтов, а вслед за ним Мануйло Федорович Сальков. Видимо, именно он был содержанием крепостной труппы Обрескова, дававшей гастрольные спектакли в Костроме и других городах, в том числе и описанного Писемским спектакля «Днепровская русалка».

В 1836 году умер Николай Петрович Шевелев, и имение Василия Евграфовича Обрескова, коему он был наследник, перешло сыновьям покойного. Поскольку им отошло и имение отца из рода Шевелевых, они постарались избавиться от обресковского имения, к тому же обремененного долгами. В местной прессе появилось следующее объявление:

«О продаже имения. От костромского губернского прав-

ления объявляется, что в оном по определению Чухломского уездного суда будет продаваться с публичного торга принадлежащее наследникам коллежского секретаря Василия Обрескова подпоручикам Дмитрию и Петру Шевелевым состоящие в Чухломском уез-

де пустоши Бекреница, Матвейкова и Глебова и пожни Звезлица, Избищева и Голенищева, в коих земли разных угодий всего 1,435 десятин с саженьями оценки годового дохода в 100 рублей на удовлетворение состоящих на г.Обрескове взысканий. День торга назначен 29 числа будущего декабря...» (8)

На погашение долга также работали крестьяне Понежского и крепостные актеры труппы Обрескова. Это и сберегло от продажи саму усадьбу. Как же сложилась дальнейшая судьба крепостных актеров? Кто-то вернулся к своему начальному статусу крестьянина и занялся сельским хозяйством, а кто-то ушел в профессиональные актеры, благо грядущая реформа освободила всех от крепостной зависимости. Досконально известно, что из обресковской труппы стали профессиональными артистами Немчинова (Леста из «Днепровской русалки») и некто Роминский, но идентифицировать их с именами в списке труппы мы не можем.

Е.В. САПРЫГИНА,
краевед

Примечания:

1. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 506. Л. 1
 2. ГАКО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 305. Л. 150.
 3. Чухломский музей. КП 906, инв. №1457
- Журнал «Наше наследие». №79-80. 2006. С. 198-199
- А.Ф. Писемский. Собрание сочинений. Т. 4. М. 1959. С. 54-57
- ГАКО. Ф. 121. Оп.1. Д. 801. Л. 3-4
- ГАКО. Ф. 133. Оп.2. Т.V. Д. 7092. Л.18
- Костромские губернские ведомости. 1838 год. Ноябрь.

Ф.Сорокин. Портрет кн. Шелешпанского, владельца ус. Корцово, где выступала труппа Обрескова.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН КУЛИС

Его фамилия филологу покажется «говорящей», а философу напомнит об экзистенции, непостижимой и необъяснимой.

Судите сами. Было у купца два сына, подобно отцу торговавших житом и, по Дарвину, воспроизводивших себя в прогрессии. Старший из них, Иван Григорьевич Живущев (1712–1766)¹, купец третьей гильдии, от первого брака имел сына Ивана², появившегося на свет в 1737 году, а от второго – дочерей Матрену, Аксињу, Евдокию и Марию³, родившихся в 1754, 1755, 1756 и 1762 годах и вышедших замуж за костромских мещан: Ивана Алексеевича Мыльников (1752–1780)⁴, Григория Андреевича Щепетильникова (1755 – не ранее 1792)⁵, Гавриила Петровича Кулемина (1753 – не ранее 1792)⁶ и Афанасия Федоровича Логинова (1758–1811)⁷. Купец той же гильдии Федор Григорьевич Живущев (1722–1788)⁸, наоборот, имел трех сыновей и дочь Дарью⁹, родившуюся в 1756 году и вышедшую замуж за мастера рукавичного цеха костромской Ремесленной управы Ивана Васильевича Рукавишника (1764–?)¹⁰.

Сын Ивана Григорьевича, воздвигнувший двухэтажный каменный дом на Богословской улице (ул. Горная, 13), имел уже пять дочерей и трех сыновей – Василия (1773–1810)¹¹, Григория (1778–

1804)¹² и Ивана (1781–1841)¹³, каждый из которых в свою очередь также родил сына, а то и двух, построил дом и т.д. Так же, впрочем, как и сыновья Федора Григорьевича Живущева: Дмитрий (1748–1807)¹⁴, построивший двухэтажный каменный дом на Нижне-Набережной улице (ул. Лесная, 19), Михаил (1751–1802)¹⁵, построивший двухэтажный каменный дом на Кинешемской улице (не сохранился), и купецкий расходчик (1797) Андрей (1761–1831)¹⁶, построивший двухэтажный каменный дом на Александровской улице (ул. Свердлова, 27).

Обязательную программу, другими словами, они выполнили и, казалось бы, могли этим удовлетвориться, но что-то непостижимое и необъяснимое не позволяло. Так, вышеупомянутый Дмитрий Федорович Живущев, первым браком женатый на дочери костромского мещанина Ивана Ивановича Варасова (1712–1775) Ульяне (1748–1790)¹⁷, а вторым – на дочери костромского купца третьей гильдии Гавриила Илларионовича Советова (?–?) Прасковье (1761 – не ранее 1811)¹⁸, отец двух взрослых сыновей, на седьмом десятке лет усыновил еще и мальчика из небогатой семьи – Михаила Афанасьевича Боровикова, именовавшегося отныне по определению магистрата и с согласия родителей Михаи-

лом Дмитриевичем Живущевым (1795–1847)¹⁹.

Еще более разительная перемена в том же возрасте произошла с Алексеем Андреевичем Живущевым (17.02.1801–17.04.1890), сыном купецкого расходчика и купцом первой гильдии, владельцем одиннадцати лавок в Мучных рядах и отцовского двухэтажного каменного дома на Александровской улице, отцом двух сыновей и двух дочерей, костромским бургомистром (1860–1863) и кавалером ордена Святого Станислава третьей степени (1858) и серебряной медали «За усердие» на Анненской ленте (1853)²⁰, без видимых причин оставившим служебное поприще и вместо обзаведения парохомом и паровой мельницей, подобно другим костромским хлебогорговцам, остаток жизни благоустроившим чужих детей и родителей.

«Со времени вступления своего в ведомство Императорского Человеколюбивого общества в 1864 году он постоянно оказывал свое сочувствие делу благотворения и оное выразил пожертвованием в разное время свыше 3000 рублей, склонив, как известно комитету, и других лиц ко взносу капиталов на вечное время. Когда же на такое сочувствие и усердие купца Живущева обращено было внимание совета Императорского Человеколюбивого общества и когда вследствие

этого он утвержден был в звании попечителя костромского комитета, то свое усердие выразил еще шире – именно: пристроил на свой счет к каменному двухэтажному дому на Лазаревском кладбище еще таковой же каменный дом с особою кухнею и столовою и каменные погребки, пожертвовав при этом 20 железных кроватей; все это обошлось ему, по свидетельству членов особой комиссии, не менее 9000 рублей. Такая постройка купца Живущева дала возможность комитету соединить всех призываемых в один дом, а через это иметь лучшее за ними наблюдение и при уменьшении расходов вести лучший порядок, а слабым и больных отделить в особое помещение», – говорил в представлении Алексея Андреевича к золотой медали «За усердие» на Анненской ленте в 1872 году²¹.

А еще через десять лет тот же автор не без удивления констатировал: «Попечитель Алексей Живущев, постоянно сочувствуя благотворения, не перестает выражать оное своими материальными пожертвованиями и после получения Всемилостивейше пожалованной ему золотой медали на Андреевской ленте. Так, в прошедшем 1881 году он соединил главный дом комитета с каменным флигелем, построенным покойным попечителем Дмитрием Федоровичем Суворовым, каменною пристройкою в два этажа, с тою целью, чтобы главный дом, где помещается

детский приют, отдавать в наем для покрытия могущих быть у комитета дефицитов от недостаточности его средств, а пристройку и флигель г. Суворова обратить на помещение приюта и комитета; в нынешнем же 1882 году на годовом собрании 31 мая г. Живущев заявил свое желание пристройку эту отделать на свой счет. Как пристройка, так и отделка обойдутся ему свыше 5000 рублей»²².

Экзистенциализм, между тем, располагает такими понятиями, как «трансценденция», то есть выход человека за пределы своей личности, и «коммуникация», то есть прорыв к другому человеку, испытывающему такое отчаяние, а «страх и трепет» Кьеркегора перед конечностью бытия и сострадание Шопенгауэра, облегчающее страдание, при Живущеве, собственно, и зародились, но если воздействие на него философских универсалий остается всего лишь предположением, то воздействие искусства имеет документальное подтверждение. Да и не противоречит экзистенциализму – тот же Шопенгауэр упоминал умиротворение от искусства.

Делопроизводитель (1869) и почетный член (1872) Костромского губернского попечительства о детских приютах и историк костромского Мариинского детского приюта Павлин Александрович Островский (1834–1890)²³ писал: «12 ноября 1849 года Государыня Императрица соизволи-

ла разрешить покупку у костромских мещан Солодовниковых принадлежащего им здания театра для приращения средств к содержанию Мариинского детского приюта... Затем в 1863 году Государь Император высочайше соизволил на продажу с публичного торга принадлежащего детскому приюту старого деревянного здания и употребление для отделки нового 9 т. р. из запасного приютского капитала с возложением на губернское попечительство обязанности изыскивать средства к скорейшему возмещению приютской казне затраченных денег. Благодаря особенному содействию бывшего в то время костромским губернатором генерал-лейтенанта Н.А. Рудзевича было устроено новое каменное здание на Павловской улице, стоившее 44956 р. 50 1/4 к., в т.ч. 35956 р. 50 1/2 к. пожертвованы разными по подписке лицами»²⁴. Одним из них и был Алексей Андреевич Живущев, в предпоследний день мая следующего года удостоившийся за это высочайшей благодарности²⁵.

«Костромские губернские ведомости» писали: «Старый театр, в который еще в прошлом году публика спускалась с опасностью упасть и аплодировала, чтобы согреть озябшие руки, покончил свои дни. Его продали с торгов за 2300 р.»²⁶.

Актер Петр Михайлович Медведев (1837–1906) так вспоминал это «чудо в своем роде: прежде это был пиво-

варенный завод, из него соорудили театр. Он стоял на горе фасадом на улицу, а задом на Волгу. С подъезда публика входила в галерею, потом уже спускалась вниз, в ложи 3-го яруса, потом в бельэтаж и, наконец, попадала в бенуар и партер. В случае пожара из этой ямы выбраться было бы невозможно. На Волгу был только один выход со сцены»²⁷.

А новый театр в одном из периодических изданий описывался так: «Заместо старого сарая, заменявшего для костромичей здание театра, в Костроме на Павловской улице рядом с домом дворянского собрания в прошлом 1863 году заботами начальника губернии Н.А. Рудзевича сооружен роскошный каменный театр, подобный которому вряд ли можно отыскать в провинции. В нем помещаются 126 кресел, 87 мест за креслами, 10 бенуаров, 18 бельэтажей, 18 лож 2-го яруса и две средних ложи: одна в бельэтаже, роскошно отделанная, а другая во 2-м ярусе. Затем целый ярус (верхний) составляет галерею на 200 мест. Обновляла театр труппа г. Васильева-Гладкова числом до 20 артистов»²⁸.

В ее репертуаре были «Скупой» Ж.-Б. Мольера, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Ревизор» и «Женитьба» Н.В. Гоголя, «Свадьба Кречинского» А.В. Сухова-Кобылина, «Горькая судьбина» А.Ф. Писемского, «Мишура» А.А. Потехина, «Липочка» В.П. Острогорского и целых девять

пьес А.Н. Островского – «Бедность – не порок», «В чужом пиру похмелье», «Грех да беда на кого не живет», «Гроза», «Доходное место», «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется», «Свои люди – сочтемся» и «Семейная картина»²⁹.

Был открыт «абонемент на 24 спектакля. Цена местам: ложи – бельэтаж 5 р. (для абонентов на 24 спектакля 90 р.), бенуар 4 р. (для аб. 80 р.), 2-го яруса 3 р. (для аб. 60 р. и литерная 2-го яруса для аб. 80 р.), кресла первых рядов 1 р. 50 к. (30 р.), прочих рядов 1 р. (для аб. 20 р.), сталь 90 к. (18 р.), галерея 25 к.»³⁰.

Четверть столетия театр работал на благо сирот, а затем и всех остальных горожан – после того как в 1875 году за треть себестоимости был продан городской думе³¹. Костромской комитет Императорского Человеколюбивого общества решил «не отчуждать этот театр частным лицам, а передать его в ведение города на условиях возможно для него льготных и притом безобидных для кассы приюта. Театр построен только частью на средства приюта, большая же часть расходов на сооружение этого театра была собрана по подписке с частных лиц, преимущественно торгового сословия»³².

Осталось сказать, что незадолго до смерти Алексей Андреевич Живущев удостоился также звания потомственного почетного гражданина (01.11.1883). Он похоронен на

Лазаревском кладбище³³. Как и все Живущевы.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 200. Б/ш. Д. 4446. Л. 568 об.
2. Там же. Л. 568 об.-569; Оп. 3. Д. 392. Л. 673 об.-674.
3. Там же. Б/ш. Д. 4446. Л. 569.
4. Там же. Л. 583.
5. Там же. Оп. 3. Д. 184 а. Л. 39.
6. Ф. 206. Оп. 1. Д. 10. Л. 5 об.
7. Ф. 200. Б/ш. Д. 4419. Л. 98.
8. Там же. Д. 4446. Л. 569 об.
9. Там же. Л. 570.
10. Ф. 206. Оп. 1. Д. 17. Л. 31, 32.
11. Ф. 200. Б/ш. Д. 4419. Л. 128 об.
12. Там же.
13. Ф. 200. Оп. 3. Д. 660. Л. 258-259.
14. Там же. Б/ш. Д. 3926. Л. 163.
15. Там же. Оп. 3. Д. 392. Л. 1384-1385.
16. Там же. Д. 519. Л. 12 об.-13.
17. Там же. Б/ш. Д. 3926. Л. 163.
18. Там же. Оп. 3. Д. 184 а. Л. 43.
19. Там же. Б/ш. Д. 4419. Л. 12 об.-13.
20. Ф. 200. Оп. 3. Д. 375. Л. 17 об.-18; Д. 392. Л. 1384 об.-1385; Д. 519. Л. 12 об.-13; Д. 660. Л. 13 об.-14; Д. 854. Л. 7 об.; Оп. 6. Д. 424. Л. 19 об.; Б/ш. Д. 2425. Л. 63 об.-64; Ф. 207. Оп. 1. Д. 106. Л. 74 об.-77; Ф. 397. Оп. 1. Д. 81. Л. 13, 51; Ф. 497. Оп. 2. Д. 1318. Л. 6; Д. 1444. Л. 1; Д. 2113. Л. 45 об.-46; Д. 2508. Л. 63-63 об.; Д. 2513. Л. 46 об.-48.
21. Ф. 397. Оп. 1. Д. 84. Л. 48 об.-49.
22. Там же. Л. 87-88.
23. Ф. 130. Оп. 13. Д. 20. Л. 3 об.-4; Ф. 400. Оп. 1 доп. Д. 8. Л. 4 об.-8.
24. Островский П.А. Костромской Мариинский детский приют. Исторический очерк. Кострома. 1885. С. 9-10.
25. ГАКО. Ф. 397. Оп. 1. Д. 84. Л. 49.
26. Костромские губернские ведомости. – 1863. – № 35. – Часть неофициальная. – С. 228.
27. Медведев П.М. Воспоминания. Л., 1929. С. 98.
28. Русская сцена. Театральный журнал, издаваемый под ред. Н.В. Михно. СПб., 1864. Т. II. № 4. С. 189.
29. Там же. С. 191.
30. Костромские губернские ведомости. – 1863. – № 35. – Часть неофициальная. – С. 228.
31. Журнальные постановления Костромской городской думы за 1875 год. Кострома. 1876. С. 64-68.
32. Журнальные постановления Костромской городской думы за 1873 год. Кострома. 1874. С. 151.
33. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 299.

П.П. РЕЗЕПИН, краевед.

«НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ...»

Инскрипты и экслибрисы театральных обществ и деятелей
на книгах костромских библиотек

40-летний юбилей государственной службы Сергея Ивановича Бирюкова, бывшего нижегородского вице-губернатора, и прощание его с нижегородцами при переходе в Кострому по случаю избрания костромским предводителем дворянства. - Кострома: Губ. тип., 1915. - 20 с. - На правах рукописи.

Надпись на книге: *«Уважаемому Василию Ивановичу Смирнову на добрую память от С. Бирюкова».*

Штампы: «Ивановская Обл. Научн. Библ. Отдел краевой. Фонд...Инв. №...»; «Библиотека Костромского Облгосархива»

ГАКО № 21981

«Из библиотеки Сергея Ивановича Бирюкова. №... Отд...»

Кн. штамп, круглый, диам. 33 мм.

Бирюков Сергей Иванович (22.04.1858, с. Ивановское Костромского у. Костромской г.-1938, п. Кратово Московской обл.) – выпускник Санкт-Петербургского Пажеского корпуса (1868). Участник

русско-турецкой войны (1877-1878). Отставной штабс-капитан (1890). Земский начальник 2 участка Костромского уезда (1890-1896). Непременный член Костромского губернского присутствия (1896-1904). Томский (1904-1906) и нижегородский (1906-1914) вице-губернатор. Предводитель Костромского губернского дворянства (1914-1917). Действительный член Костромской (1895) и Нижегородской (1906) губернских ученых архивных комиссий, Костромского научного общества (1913), Костромского губернского статистического комитета (1914) и др. Корреспондент «Красного мира», «Поволжского вестника» и др. Автор воспоминаний «Вспомнилось. Из музыкально-театральной хроники г. Костромы в начале 90-х годов прошлого столетия» (1926). Владелец фамильной библиотеки, 500 томов которой в 1918 г. передал библиотеке Костромского государственного рабочекрестьянского университета.

Соч.: Исторический очерк о селе Коробове, населенном белопашцами, потомками Ивана Сусанина. - Н.Новгород, 1910.

Лит.: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708-1917. - М., 2003. - С. 421, 429, 449; Указ Правительствующего Сената и заключение прокурора по делу нижегородского вице-губернатора С.И. Бирюкова. - Н.Новгород, 1908; Костромская усадьба / Т.В.Йенсен, И.Ю.Кондратьева, Д.Б.Ойнас, А.И.Сорокин. - Кострома, 2005. - С. 208-220; Костромской государственной рабочекрестьянский университет. Отчет о деятельности КГРКУ со дня

возникновения 7-го ноября 1918 г. по 7-е ноября 1919 г. - Кострома, 1920. - С. 48.

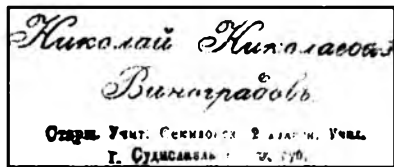
Арх.: ГАКО. Ф. 205. Оп.1 канц. Д. 397. Л. 1 об.; Ф. 593 (1 е.х.); Р. 838. Оп. 1. Д. 20. Л. 1-10; КИАМЗ. КОК 19774/15, 19774/16.

Смирнов Василий Иванович (26.01.1882, с. Большая Брембола Переславского у. Владимирской г.-22.10.1941, г. Архангельск) – краевед, археолог, этнограф. Выпускник Владимирской духовной семинарии (1902) и Московской духовной академии (1906). Учитель истории (1908-1917) и библиотекарь ученической (1910-1913) и фундаментальной (1915-1917) библиотек Костромской губернской гимназии. Член-учредитель (05.06.1912), ученый секретарь (05.12.1912) и председатель (08.04.1920-29.08.1930) Костромского научного общества по изучению местного края. Редактор «Трудов КНО» (1920-1929). Корреспондент «Бороны», «Костромской жизни», «Краеведения», «Красного мира», «Педагогического листка», «Поволжского вестника», «Северной правды», «Советской археологии», «Советской этнографии», «Ученых записок МГУ» и др.

Лит.: Российская музейная энциклопедия. - М., 2005. - С. 603; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования. 1814-1914. - Сергиев Посад, 1914. - С. 137; Китицина Л.С., Третьяков П.Н. Памяти В.И. Смирнова // Советская археология. - 1968. - № 4. - С. 239-243; Кононова О.В. Всякое новое дело он привык начинать с библиографии:

краевед, археолог, этнограф, библиограф В.И. Смирнов (1882-1941) // Библиотека в контексте истории. Матер. 5-й междунар. науч. конф., Москва, 21-23 окт. 2003 г.- М., 2003.- С. 451-462; Сизинцева Л.И., В.И. Смирнов (1882-1941) // Отечество: краевед. альманах.- М., 1992.- С. 263-276.

Арх.: ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 434. Л. 9 об.; Ф. 432. Оп. 1. Д. 4596. Л. 99-100; Р. 550 (169 е.х.); РГАЛИ. Ф. 1522 (8 е.х.).

«Николай Николаевич Виноградов. Старш. Учил. Семиловск. 2 классн. Учил. г. Судиславль Костр. губ.»

Кн. штамп, прямоуг., 70x27 мм.

Виноградов Николай Николаевич (10.11.1876, с. Чмугово Галичского у. Костромской г.- 08.01.1938, Петрозаводский р-н Карельской АССР) – историк, этнограф, фольклорист, диалектолог, театровед, драматург и поэт. Выпускник Костромского духовного училища (1891) и Костромской духовной семинарии (1897). Учитель Семиловской двухклассной школы Костромского уезда (09.09.1897). Действительный член Костромской губернской ученой архивной комиссии (1902), Императорского Русского географического общества (1906-1909), Общества любителей древней письменности (1908), Костромского научного общества (1912), Костромского церковно-исторического общества (1912) и др. Помощник редактора журнала «Живая ста-

рина» (1906-1908). Редактор журнала «Соловецкие острова» (№ 1-2) и «Материалов Соловецкого общества краеведения» (№ 1-3). Корреспондент «Библиографических известий», «Еженедельника искусств», «Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», «Костромских губернских ведомостей», «Костромских епархиальных ведомостей», «Костромского листка», «Костромской жизни», «Костромской старины», «Красного мира», «Поволжского вестника», «Русского библиофила», «Сборника Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», «Северной правды» и др. Расстрелян.

Соч.: Народная драма «Царь Максимилиан и непокорный сын Одольф» // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН.- 1905.- Т. X.- Кн. 2.- С. 301-338; Великорусский вертеп // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН.- 1905.- Т. X.- Кн. 3.- С. 360-382; Кн. 4.- С. 404-414; Русская народная драма (Программа собрания сведений) // Живая старина.- 1906.- Вып. 4; Народный театр // История русской литературы / под ред. Е.В. Аничкова.- М.- 1908.- Т. I.- Вып. 5; Народная драма «Царь Максимилиан» // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН.- 1913.- Т. X.- Кн. 7; Отд. отт.- СПб., 1914; Материалы по истории костромского театра // Еженедельник искусств.- 1921.- № 2.- С.11-18; 250-летие русского театра // Искусство в Костроме.- 1922.- № 2.- С. 1-3; Театральная старина // Там же.- № 3.- С. 5-7; С миру по крошке – голодный сыт: Агитпьеса.- Кострома, 1922.

Лит.: Российская музейная энциклопедия.- М., 2005.- С. 96. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917-1991).- СПб., 2003.- С. 100; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образования до наших дней).- Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки.- Пг., 1915.- Т. I.- С. 132; Сизинцева Л.И. Па-

радоксы судьбы // Русское подвижничество.- М., 1996.- С.383-387.

Арх.: ГАКО. Ф. 130. Оп. 9. Д. 3695. Л. 46; Оп. 11. Д. 1837. Л. 56 об.; Ф. 406. Оп.1. Д. 1909. Л. 18.

Портреты М.Е. Дарского в ролях: Шейлока, Гамлета, Ромео, Отелло, Уриэля Акосты, Фердинанда, Франца, Кина и Ричарда III-го. С прил. статьи: (Оттиск из «Театрального Мирка», 6 окт. 1891 г., № 40).- СПб.: тип. С.Н. Худекова, 1891.-32 с., фот.

Надпись на книге: *«На добрую память глубокоуважаемой Наталии Адамовне Олевинской от благодарного за внимание М. Дарского. г. Кострома. 20-го февр.14 г.»*

КОУНБ № Ц15480.3

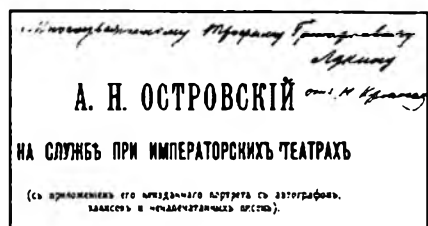
Дарский Михаил Егорович (настоящая фамилия Шавров) (1865-1930) – актер и режиссер. Учился в Санкт-Петербургском университете. С 1882 г. выступал в любительских спектаклях. С 1884 г.- на профессиональной сцене, в т.ч. в Санкт-Петербурге (1892-1894), провинции (1894-1898), МХТе (1898-1899) и Александринском театре (1902-1904). Художественный руководитель Ярославского театра (1900-1901). С 1905 г. занимался педагогической деятельностью.

Лит.: Театральная энциклопедия / гл. ред. П.А. Марков.- М., 1963.- Т. II.- Стб. 304; Петровская И. Театральный Петербург, нач. XVIII в.-окт. 1917 г.: обзорение-путеводитель //И. Петровская, В. Сомина; под общ. ред. И. Петровской.- СПб., 1994.- С. 174, 191, 216, 217, 245-247, 345, 379; Станиславский К.С. Статьи, речи, беседы, письма.- М., 1953.- С. 104; Ходотов Н.Н. Близкое – далекое.- Л.; М., 1962.- С. 152, 155, 156, 291, 304, 308.

Олевинская Наталия Адамовна (23.09.1873, г. Кострома-?) – дочь костромского городского архитектора (1874-1875) Олевинского Адама Петровича (1824-?).

Лит.: Резепин П.П. Городские архитекторы // Губернский дом.- 2005.- № 5/6.- С. 69.

Арх.: ГАКО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 537. Л.2.

Кропачев Николай Антонович.

А.Н. Островский на службе при Императорских театрах. (С приложением его неизданного портрета с автографом, записок и ненапечатанных писем): Воспоминания его секретаря Н.А. Кропачева.- М.: Изд. М.Н. Доленго-Грабовского, печатня А.И. Снегиревой, 1901.- 108, ЛП с., порт.

Надпись на книге: «*Многоуважаемому Трофиму Григорьевичу Лукину от Н. Кропачева*».

КОУНБ № Н 47567.2

Кропачев Николай Антонович (1841, Великое Княжество Финляндское – не ранее 1916) – писатель. Чиновник Министерства государственных имуществ (1858-1868) и московской Петровской земледельческой и лесной академии (1868-1881). Личный секретарь А.Н. Островского (1886). Делопроизводитель управля-

ющего московскими Императорскими театрами (1886-1887). Библиотекарь Императорского Московского университета (1889-1899). Корреспондент «Гудка», «Московских ведомостей», «Новой костромской жизни», «Русско-го архива», «Русского обозрения», «Сына Отечества» и др.

Соч.: Бери, да помни меня. Сцены из московской жизни в 2-х действиях.- М., 1878; Без протекции. Комедия в 4-х действиях.- М., 1884 (в соавторстве с Ефремовым Д.П.); А.Н. Островский. Из воспоминаний его секретаря Н.А. Кропачева.- М., 1889; Слезы и смех. Стихотворения, бывшие и не бывшие в печати.- М., 1909; А.Н. Островский (Воспоминания его бывшего личного секретаря) // Русское обозрение.- 1896.- № 6; 1897.- № 2; А.Н. Островский. Воспоминания его личного секретаря // Русское слово.- 1911.- № 125.

Лит.: Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь.- М., 1994.- Т. 3.- С. 160-161; Русская интеллигенция.- СПб., 2001.- Т. 1.- С. 541-542; Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей.- СПб., 1914.- Т. 3.- С. 276; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней).- Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки.- Пг., 1915.- Т. 1.- С. 421; Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей.- М., 1960.- Т. 4.- С. 255; А.Н. Островский. Новые материалы и исследования.- М., 1974.- Кн. 1.- С. 192; Кн.2.- С. 86, 93, 96; Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина и др.- М., 1980.- Т.12.- С. 566.

Арх.: ГЦТМ. Ф. 350.

Лукин Трофим Григорьевич - ? сын драматурга Григория Григорьевича Лукина, автора пьес «Баловень», «Не ревнив», «Чужая душа – дремучий лес» и др.

Лит.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней).- Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки.- Пг., 1918.- Т. II.- С. 52; Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина и др.- М., 1980.- Т.12.- С. 569.

Островский Александр Николаевич.

Доходное место: Комедия в 5-ти дейст. - М.: в тип. Александра Семена, на Софийской ул., 1857.- 116 с.

Надпись на книге: «*Александру Ивановичу Григорьеву от автора*».

КОУНБ № Ц68845.2

Островский Александр Николаевич (31.05.1823, г. Москва – 02.06.1886, пг. Бережки Кинешемского у. Костромской г.) - драматург.

Лит.: Краткая литературная энциклопедия.- М., 1968.- Т. 5.- Стб. 490-500; Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.- СПб., 1897.- Т. XXII.- С. 352-355; Русский провинциальный некрополь.- М., 1914.- Т. I.- С. 647.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 8. Д. 8. Л. 166 об.-167; ГМПИМЗ «Щелыково» (154 е.х.).

Григорьев Александр Иванович (1787, Москва – 1863, там же) – сын надворного советника Григорьева Ивана Григорьевича (1752-не позднее 1818). Выпускник Московского университетского благородного пансиона. Канцелярский чиновник Правительствующего Сената в Москве и секретарь Московского магистрата. Драматург-дилетант. Отец Аполлона Александровича Григорьева (1824-1864).

Лит.: Басова Н.Ф. С автографом драматурга // Губернский дом.- 1993.- № 3.- С. 54.

Григорьев А.А. Воспоминания.- М., 1988.- (Литературные памятники).- С. 11, 14-18, 21, 23, 24, 29-31, 33-38, 45, 51-67, 73, 74, 76, 79, 94, 96, 297-299, 311, 313-316, 322, 323, 327; Григорьев А.А. Материалы для биографии / под ред. В. Княжнина.- Пг., 1917.- С. 316-317.

Арх.: ЦГИАМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 544. л. 2-3; Ф. 203. Оп. 745. Д. 53. Л. 87 об.

Островский Александр Николаевич.

Не от мира сего: семейные сцены в 3-х дейст. // Русская мысль.- 1885.- № 2.- С. 156-231.

Надпись на книге: «*Михаилу Андреевичу Адамову от автора*».

Штамп: «Книжная торговля П.Ф. Яковлева в Москве. Косьмодамианск. п. прот. Твер. ч.»

КОУНБ № Ц 47564.2

Адамов Михаил Андреевич (1847-?) – актер труппы Императорских театров (1863). Артист балета (1869-1882). Переписчик пьес и ролей (1881) и артист (1888-1898) Малого театра.

Лит.: А.Н. Островский. Новые материалы и исследования.- М., 1974.- Кн. 1.- С. 168; Басова Н.Ф. С автографом драматурга // Губернский дом.- 1993.- № 3.- С. 54.

Чаев Николай Александрович.

1612 год и избрание на царство Михаила Феодоровича Романова: летопись в лицах, в 5-ти дейст. К представлению дозволено С.-Петербургу 26 апреля 1900 г., № 3120 / изд. С. Рассохин.- М.: Типо-литогр. А.С. Клименкова, 1900.- 91 с.

Надпись на книге: «...*Губернской костромской гимназии от автора 18 генваря 1901 г. Москва*».

Шапки: «Фундаментальной библиотеки Костромской гимназии»; «Библиотека Костромского университета инв. № 17597.2»; на пер.: «Б. К. Г.»

КОУНБ № 51089.2

Чаев Николай Александрович (26.04.1824, Нерехтский уезд Костромской губ.- 16.11.1914, г. Москва) – писатель. Выпускник Костромской губернской гимназии (1842), юридического факультета Московского университета (1850). Действительный член (24.11.1864) и председатель (1872-1874, 1878-1884) Общества любителей российской словесности. Член (1874) и председатель (1887) Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. Заведующий репертуарной частью московских Императорских театров (22.09.1886). Корреспондент «Библиотеки для чтения», «Грамотея», «Древней и новой России», «Ежегодника Императорских театров», «Исторического вестника», «Московских ведомостей», «Пчелы», «Русского архива», «Русского вестника», «Русского обозрения», «Современных известий», «Эпохи» и др. Автор драм и исторических хроник «Дмитрий Самозванец» (1865), «Князь Александр Михайлович Тверской» (1864), «Свекровь» (1870), «Сват Фадеич» (1864), «Грозный царь Иван Васильевич» (1869), «Царь и великий князь всея Руси Василий Иванович Шуйский» (1886), исторических романов «Подспудные силы» (1870-1897), «Богатыри» (1872), книги «Наша старина по летописям и устному преданию» (1862) и др.

Лит.: Краткая литературная энциклопедия.- М., 1975.- Т. 8.- Стб. 425; Театральная энциклопедия / гл. ред. П.А.

Марков.- М., 1967.- Т. V. – Стб.717; Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.- СПб., 1903.- Т. XXXVIII.- С. 362; Энциклопедический словарь / бр. А.и И. Гранат.- Т. 11.- СПб., Б.г.- Стб. 727; Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей.- М., 1960.-Т. 4.- С. 509; А.Н.Островский. Новые материалы и исследования.- М., 1974.- Кн. 1.- С. 309.

Арх.: ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 85. Л. 185 об.-186; РО ИРЛИ. Ф. 386 (16 е.х.)

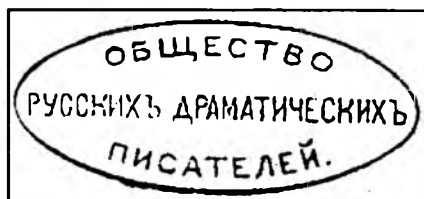
«*Библиотекарь Мозер. С.-Петербург. Александринский театр*»

Кн. штамп, овал., 35×23 мм.

Мозер Александр Христианович (Христофорович) (1845-?) – драматург и переводчик. Суфлер и библиотекарь Александринского театра (1863-1882). Литографировал новые пьесы членов Общества русских драматических писателей (1875-1877) для библиотеки Общества русских драматических писателей.

Соч.: Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан: комедия в 5-ти действиях.- СПб., 1874; Охота за пациентами: комедия-водевиль в 1 действии.- СПб., 1874; Ключ от кассы: водевиль в 1 действии.

Лит.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней).- Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки.- Пг., 1918.-Т. II.- С. 125; Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей.- М., 1960.-Т. 3.- С. 99; Т. 4.- С. 322; Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина и др. - М., 1979.- Т. 11.- С. 496, 503, 523, 544, 635, 701; Т.12.- С. 574.

«Общество русских драматических писателей»

Кн. штамп, овал., 63×26 мм.

«Общество русских драматических писателей» было учреждено в Москве 21 октября 1874 г. для защиты авторских прав драматургов (с 1877 г. – «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов», с 1904 г. разделилось на московскую и петербургскую организации). Издавало каталоги пьес членов общества, учредило ежегодную Грибоедовскую премию за лучшую пьесу (1879) и пр. Председателями общества были А.Н. Островский, Н.А. Чаев, С.А. Юрьев, А.А. Майков, И.В. Шпажинский и др. Членами общества состояли И.С. Тургенев, А.К. Толстой, Н.А. Некрасов, Н.С. Лесков, А.Ф. Писемский, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов и др. (619 членов в 1897 г.).

Лит.: Театральная энциклопедия / гл. ред. П.А. Марков.- М., 1965.- Т. IV.- Стб.126-127; Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.- СПб., 1897.- Т. XXI а.- С. 622-623; Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования. 1874-1898.- М., 1899; Билибин В.В. Общество русских драматических писателей и оперных композиторов.- М., 1901; Нос А.Е. А.Н. Островский: (биограф. очерк).- М., 1890.- С. 25-27; Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина и др.- М., 1978.- Т. 10.- С. 99-100, 108-109, 259-261, 602, 605, 620.

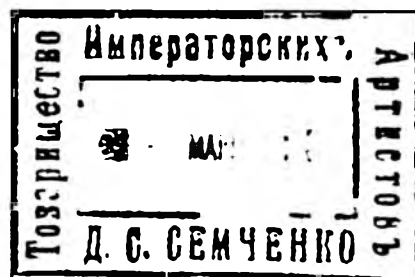

«Московская театральная библиотека Е.Н. Разсохиной. Москва, Тверская, дом Пушкина, Георгиевский пер.»

Кн. штамп, прямоугол., 46×32 мм.

Разсохина Елизавета Николаевна – учредительница и владелица Театрального агентства в Москве по адресу: Георгиевский пер., дом Сушкина. Там располагалась платная театральная библиотека, владельцем которой в 1875-1914 гг. был драматург и издатель пьес Сергей Федорович Разсохин. Этой библиотекой пользовался А.Н. Островский.

Лит.: Вся Москва: адресная и справочная книга на 1895 г.- М., 1895.- Ч. 1.- Стб. 844; Вся Москва: адресная и справочная книга на 1908 г.- М., 1908.- Отд. I.- Стб. 893; Отд. III.- С. 328; Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-Libris).- М., 1905.- С. 240; А.Н. Островский. Новые материалы и исследования.- М., 1974.- Кн. 1.- С. 136, 137, 140; Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина и др.- М., 1980.- Т. 12.- С.16, 64, 65, 70, 135, 215, 227, 276, 277, 367, 588; Театр и искусство.- 1911.- № 46.- С. 875.

«Товарищество Императорских Артистов Д.С. Семченко»

Кн. штамп, прямоугол., 56×36 мм.

Семченко Дмитрий Сергеевич – провинциальный антрепренер. Арендовал Костромской городской театр с 01.09.1913 по 01.09.1915 г.

Лит.: Журналы Костромской городской думы за 1913 год.- Кострома, 1915.- С. 100-102.; Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 г. / Костром. губ. стат. комитет.- Кострома, 1914.- С. 67; Степаненко Е.Т. Хозяин русской сцены: Кострома. Русский театр. А.Н. Островский: спец. вып. журнала «Губернский дом».- Кострома, 1999.- С. 134-136; Костромская жизнь.- 1914.- № 20, 35, 38, 214; Поволжский вестник.- 1914.- № 2419, 2420, 2422; Театр и искусство.- 1914.- № 29.- С. 618; № 39.- С. 782; № 45.- С. 876.

Арх.: ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12527. Л. 275.

*О.В. ГОРОХОВА,
библиограф областной
научной библиотеки,
кандидат исторических наук*

ЭТО ЗАБЫТОЕ СЛОВО – РЕЦЕНЗЕНТ

Где-то в середине XIX столетия среди актерской братии родились слова, весьма любезные сердцу артистов ампула героев-любовников.

Мне наплевать на рецензентов!

Успех у дам – мой верный щит!

Я не ищу ангажемента, Ангажемент за мной бежит. Говоря откровенно, такое горделивое самомнение абсолютно не соответствовало действительности. Плевать на рецензента никто не осмеливался, более того, искали его благосклонности, поскольку замолвленное им со страницы газеты или журнала слово дорогого стоило. Если же общего языка не находили, то заваривались конфликты, исполненные нешуточных драматических страстей и напряжений. Бывало, дело доходило до того, что рецензент, по той или иной причине невзлюбивший, к примеру, актера Иванова, откровенно заявлял: «Я тебя раскритикую даже тогда, когда ты не будешь занят в спектакле». И не бросал слов на ветер. Писал примерно так: «В спектакле «Гамлет» роль могильщика очень плохо играл артист Петров. Но если бы эту роль исполнял артист Иванов – было бы еще хуже».

С наступлением века 20-го столкновения между рецензентами, антрепренерами и актерами приобрели поистине эпидемический характер. Так, в январе 1903 года в

Казанском драматическом театре назревало серьезное противостояние между антрепренером Н.И. Соболячковым-Самариным и рецензентом «Казани театральной» Переверзевым. По окончании спектакля содержатель театра, перехватив в темном месте представителя прессы, заявил, что желает с ним поговорить. «Переговоры» происходили следующим порядком: антрепренер левой рукой крепко стиснул плечо критика, правой схватил его за грудь и угрожающе прошипел:

– Если ты посмеешь написать про меня еще что-нибудь скверное, я из-з-зобью тебя... слышишь? – и сделал энергичный жест кулаком. – Изобью при публике в зрительном зале!..

Заслышав приближающиеся шаги, антрепренер, как ни в чем не бывало, приветливо и демонстративно громко произнес:

– До свидания, господин Переверзев!

Растерявшийся поначалу рецензент при последних словах Соболячкова-Самарина вне себя от гнева наградил того отборными бранными словами, выкрикнув напоследок: «Да как вы смеете?! Вы же антрепренер казанского театра, а не какого-нибудь нижегородского балагана!..» («Театр и искусство», 1903, № 7, с. 164).

Скоро эта неприглядная история попала на страницы

столичного журнала, вызвав горячие споры, обсуждения и осуждения театральной общности Российской империи. Как, впрочем, и инцидент между антрепренером и местной прессой, случившийся в том же 1903 году в Костромском драматическом театре.

30 января антрепренер Иван Александрович Панормов-Сокольский участвовал в дивертисменте в качестве артиста. После первого прочитанного стихотворения он дважды выходил на вызовы публики. Но когда аплодисменты стихли, с галерки раздался свист. Возмущенный Иван Александрович в ответ прочел следующие стихи, адресуя их свистуну: «Дураков свистунов не убавишь на свете, а на умных тоску наведешь», после чего по требованию зрителей прочел еще четыре стихотворения.

На следующий день «Костромской листок» сообщил, будто бы публика устроила Панормову-Сокольскому скандал и освистала его. Иван Александрович, потрясенный такими несправедливыми отзывами «Листка», 4 февраля в бенефис режиссера Селиванова, поднося бенефицианту подарок, произнес: «Дорогой Тихон Николаевич, работать нам пришлось при очень трудных обстоятельствах. Костромская пресса почти со дня открытия сезона систематичес-

ки меня обливают грязью. Без поддержки со стороны прессы, конечно, трудно работать. Но мы с вами победим. Дела у нас в Костроме блестящие. Мы должны поблагодарить костромскую публику, которая не придавала значения издевательствам прессы. Помните русскую поговорку: «Бог не выдаст – свинья не съест».

Речь Панормова вызвала шумные восторги галерки и возмущение партера.

Присутствовавший на бенефисе представитель газеты «Северный рабочий» после первых слов антрепренера демонстративно вышел из зала, а после отослал свой редакционный билет Панормову, выразив при этом возмущение его поступком. Вице-губернатор также был недоволен отношением антрепренера к местной прессе, о чем сообщил ему на следующий день в негодующем письме.

Поразмыслив над случившимся, Иван Александрович написал покаянное письмо в журнал «Театр и искусство», которое заканчивалось словами: «Я понимаю, что я не должен был со сцены этого говорить, я должен был помнить, что я антрепренер и актер... Но я и человек тоже, и позволил себе в нервном состоянии сказать в резкой форме несколько лишних слов, что весьма понятно и извинительно». («Театр и искусство», 1903, № 8, с. 184).

В мятежную и беспокойную пору Октябрьской рево-

люции столкновения рецензентов с лицедеями стали еще более острыми и непримиримыми. 24 ноября 1917 года в газете «Поволжский вестник» появились «впечатления театралы», в которых, в частности, отмечалось: «Где в труппе герой-любовник?... На этом амплуа числится г. Максимов – артист с выгодной внешностью, хорошим голосом, свободно держится на сцене, но лишенный искренности, душевных эмоций...»

В этот вечер Максимов играл свой бенефисный спектакль «Набат» Сумбатова. Узнав о том, что его имя упоминается печатными словами не с тем восторгом и пиететом, с каким, по его мнению, следовало бы, Максимов прекратил играть спектакль и обратился к публике с «бранливыми и нехорошими словами» по адресу автора заметки. Он грозно сверкал очами и, потрясая крепко сжатым кулаком, заключил свой пылкий монолог словами:

– И это сделал, простите за выражение, интеллигент... Я предлагаю этого субъекта публично освистать!..

Зрители освистывать «интеллигента» не стали, а «впечатлительный театрал» в тот же вечер взялся за перо и ответил новой публикацией под названием «Актер-большевик» («Поволжский вестник», 1917, 30 ноября). Почему окрестил героя-любownika таким словом с политическим подтекстом? Да потому, что господин автор для своей реабилитации при-

бегает не к печати, а к модному, чисто большевистскому способу – «натравливать толпы на автора неугодной ему заметки».

В начале 20-х годов XX века в Костроме создается городская театральная коллегия, получившая право «объединять, направлять и контролировать всю театральную жизнь города, начиная с обсуждения и утверждения репертуара». В ее обязанности входило и распределение билетов на спектакли с последующим утверждением президиума горисполкома.

Тогда же при театре создается художественно-политический совет (благополучно доживший до наших времен, отказавшись впоследствии от слова «политический»), призванный осуществлять «контроль масс и идейное руководство театра». Особое место отводилось Гублиту, в котором следовало регистрировать все драматические, музыкальные, хореографические коллективы, труппы, кружки и студии, а также каждое их публичное выступление, а кроме того, тексты докладов, лекций, рефератов.

Владельцы ресторанов, кафе, пивных, приглашавшие артистов для выступлений, должны были получать разрешение в Гублите. Сверх того, каждое разрешение, выданное Гублитом, подлежало обязательному визированию в отделе Управления Губисполкома. Нарушители данной процедуры привлекались к ответственности по ст. 224

Уголовного кодекса РСФСР (штраф до трехсот рублей золотом или принудительные работы). («Красный мир», 1923, 3 июля).

Серьезной проблемой для членов городской коллегии стала проблема театральные рецензий. По их мнению, критические отзывы о спектаклях старого буржуазного времени являлись ущербными, поскольку много места уделяли персонально тем или иным артистам с целью «выдвинуть их или похоронить». К тому же оценка артиста рецензентом всегда субъективна и пристрастна, а потому неинтересна зрителю и «вредна для труппы артистов в целом; такая рецензия вызывает в артистической среде склоку, раздоры, зависть, сплетни и тому подобное». («Красный мир», 1920, 4 янв.). Чтобы добиться «всестороннего рецензирования спектаклей», при редакции газеты «Красный мир» формируется бригада критиков из пяти человек.

«Бригада» взялась за дело рьяно. Но своеобразно. Полагая, что «революция своим чудовищным огнем театра еще не согрела и не осветила», обезличенные «голоса из публики», «зрители», загадочные Теокулусы, скрывающиеся за инициалами А.Р., Х.О., П.А.Л., вместо заинтересованного и доброжелательного анализа сложной и противоречивой театральной жизни тех лет заполнили страницы газет затаенными угрозами: «К барьеру!», «Те-

атром нужно заняться», «Театром следует заняться», «Требую еще одного отчета».

Побывав на «Маскараде» Лермонтова, они выносят грозную резолюцию: «Далеко не совершенное в литературном и сценическом отношении юношеское произведение поэта бесконечно чуждо идеологии сегодняшнего зрителя и даже сегодняшнему актеру... Арбенин-Нерадовский сделал все, чтобы оживить риторический стих драмы. Но все же его сценическое напряжение не всегда достигало цели и не могло этого достигнуть по вине пьесы... Весь ансамбль мужественно старался гальванизировать труп Лермонтовского романтизма». («Красный мир», 1923, 7 окт.).

Не ко двору рецензентам «новой складки» пришлось и трагедия А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович», эта, по их разумению, «полная никудышности и затхлости, лживая в историческом отношении, церковно-славянская пьеса». («Северная правда», 1928, 8 дек.). Режиссеры П.Сазонов и Б.Седой пытались объяснить, что «Царь Федор» – одна из лучших пьес русского классического репертуара и по сценичности, и по языку., и в историческом отношении». («Северная правда», 1928, 18 дек.). «Вполне допустимой» признавала постановку и редакция газеты, но, несмотря на это, трагедию вскоре с афиши убрали.

В октябре 1930 года в Ко-строме появились красочные

афиши, приглашавшие на «Концерт-монтаж», воскрешающий XVI съезд ВКП (б) и речь на нем тов. Сталина. Клубные и профсоюзные работники первыми поспешили на представление, «чтобы поучиться художественно оформлять вопросы дня». И что увидели?

На сцене, кроме микрофона, не было ничего, что напоминало бы о деловой обстановке партийного съезда. Докладчик, по свидетельству очевидцев, текст речи тов. Сталина «читал превосходно». Вкрапленные в процесс чтения произведения пролетарских композиторов, другие художественные номера, по замыслу постановщиков, должны были создавать еще большее впечатление от исторической речи вождя, вселять в слушателей «бодрость, силу, отвагу». Однако желаемого эффекта не случилось.

«Что это было со стороны исполнителей: тупость или культурное вредительство? – допытывались потом зрители. – С какой стороны исполняемые номера подходили к теме вечера? Смаковать во всех видах и на всех голосах блаженство любви, дивную ночь, бурную страсть, шаловливых вакхов и порхающих шестикрылых херувимов... все это простиительно было бы гимназисточкам мирного времени, а никак не артистам, выступающим в качестве художественных пропагандистов речи тов. Сталина». («Северная правда», 1930, 8 окт.).

Заметка, сообщающая о том событии, называлась «непростительная халтура». На нынешний взгляд ничего особенного в том нет. Читали отзывы и похлеще. Но надо помнить: время тогда было жестокое. Что ни день, со страниц газет слышались призывы, один другого немилосерднее: «Перелома еще нет – его нужно создать», «Ударить по черепашьям темпам», «Не давать потачек классовому врагу!», «Разоблачать до конца кулацких агентов!», «Заглянуть в каждую квартиру!..» И в этом ряду – «Непростительная халтура». Было от чего и над чем задуматься «художественным пропагандистам».

В годы Отечественной войны и во второй половине XX столетия слово «рецензент» приобрело изначальный авторитет и значимость. В городе издавалось две газеты – «Северная правда» и «Молодой ленинец», – тем не менее, каждая новая постановка удоставалась внимания местных критиков, в качестве которых выступали писатели и журналисты: М.Боржек, О.Гуссаковская, С.Степанова, А.Часовников, Е.Старшинов, Ю.Лебедев, Н.Скатов, В.Александров, Е.Голубев, Арк. Пржиалковский, Б.Негорюхин, Н.Белевцева, Т.Гончарова, К.Котляревская, Н.Врубель, М.Нольман, многие их коллеги. Да, в критических материалах явственно чувствуется идеологический подтекст, свойственный требованиям тех лет, но каждая рецензия являлась предметом заинтересованного разго-

вора о творческих обретениях и потерях театра, об актерских и режиссерских работах, сценнографических решениях.

Тогда же при Костромском отделении всероссийского театрального общества (ныне – Союз театральных деятелей России) действовала секция рецензентов, которой руководил Игорь Александрович Дедков. Ах, какие страсти кипели на ее заседаниях при обсуждении спектаклей, как непросто приходилось рецензентам высказывать критические замечания режиссерам и актерам, слыша в ответ резкое несогласие критикуемых. Если Игорю Александровичу удавалось смирять гнев оскорбленных, как они считали, талантов, гасить горячность диалогов, вносить в обсуждения атмосферу деловитости, спокойствия и благоразумия, то с отъездом Дедкова секция приказала долго жить.

Неприятие критических замечаний, несдержанность страстей, непререкаемая уверенность в собственной творческой непогрешимости скоро отлучили рецензентов от театра Островского, о чем многие, в том числе и в коллективе, сожалеют по сей день.

Когда закучерявилась перестройка, а вслед ей Россию потрясли новые экономические отношения, местная критическая мысль почувствовала себя неуютно. Прежние периодические издания упразднили отделы культуры, во вновь рожденных на рецензентов смотрели как на

«пережиток прошлого». За последние пять лет ни одна премьера театра не получила критического осмысления. «Вот если бы вы о закулисном скандале написали», – заявил откровенно один редактор. Скандалы, понятно, вещь притягательная, но ведь не скандалами единими живы читатели и зрители.

На театральной карте России начала XXI века Костромской драматический занимает далеко не последнее место. Многие спектакли, мимо которых прошли местные рецензенты и пресса, тепло приняты и по достоинству оценены костромской публикой, они завоевывали престижные места и премии на Всероссийских и Международных театральных фестивалях в Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле, Рязани, Калуге, Пензе, Трабзоне и Стамбуле (Турция). Но, доведись будущим театральным летописцам разглядеть за репертуарной афишей этого периода «необщее выражение» творческого лица коллектива, им придется непросто. Ибо в графе «театральная рецензия» – прочерк. А без ее живого, сиюминутного, доброжелательного и нелицеприятного, похвального либо занозисто-терпкого слова жизнь каждого спектакля, радости и муки его создателей и участников уходят в небытие, не оставляя после себя никакого отклика в памяти потомков.

*Е.Т. СТЕПАНЕНКО, зав.
литературной частью
театра им. А.Н.
Островского*

«ТРИЖДЫ ИСПОЛНИЛ НАРОДНЫЙ ГИМН...»

Военная духовая музыка в творческой жизни Костромского театра

История Костромского драматического театра неразрывно связана с военной музыкой. В разные годы в оркестровой яме и в театральных ложах играли военные оркестры костромских полков и батальонов, а в числе руководителей театрального оркестра были и военные капельмейстеры.

В XIX веке в дни государственных праздников военные музыканты Костромского гарнизона нередко приглашались руководством театра для исполнения гимна, который чаще всего звучал перед началом или после окончания спектакля. Одно из первых дошедших до нас описаний игры военного оркестра в стенах театра относится к 1852 году. Рассказывая о праздновании тезоименитства императора Николая I, журналист газеты «Костромские губернские ведомости» отмечал, что на спектакле «Дедушка русского флота», проходившем 6 декабря в честь этого события, присутствовало около 500 посетителей. В заключение спектакля «хор артистов, расположенный по бокам сцены, при аккомпанементе военного оркестра, торжественно пропел священный для каждого русского сердца гимн «Боже, царя храни» (1). Вероятнее всего, в этот день в театре играл оркестр Суздальского пехотного полка, квартировавший в середине XIX века в Костроме.

Артистов театра связывала дружба с российским воин-

ством. Военнослужащие достаточно часто посещали спектакли, проходившие в стенах городского театра. 20 октября 1878 года в Кострому прибыло 7 рот гренадерского Малороссийского полка. Вечером в театре давался спектакль, на который были приглашены офицеры и нижние чины полка, имеющие знаки отличия военного ордена. Перед началом спектакля, «при громких овациях публики», всей труппой был исполнен Народный гимн (2). Следует подчеркнуть, что до революции 1917 года в дни государственных торжеств зрительный зал украшался флагами, а театральная сцена – макетами пушек и других военных доспехов, освещавшихся огнями. Снаружи театра зажигалась иллюминация.

Сохранились свидетельства приглашений хоров, состоящих из нижних чинов костромских полков, для участия в спектаклях. Так, в 1862 году на сцене театра была поставлена пьеса в пяти действиях «Дмитрий Климовский», песни и пляски в которой были «мастерски исполнены гарнизонными солдатами» (3).

Помещения театра зачастую становились центром празднования различных юбилейных дат. Значительным событием в культурной жизни Костромы конца XIX века стало празднование 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

30 мая 1899 года учащиеся города присутствовали в театре на праздничном мероприятии, посвященном юбилею поэта. В этот день под сводами городского театра выступал оркестр Солигаличского резервного батальона. Здесь же хор под управлением П.А. Преображенского исполнил несколько концертных номеров, среди которых был гимн А.Ф. Львова «Боже, царя храни». Журналист газеты «Костромской листок» отмечал, что «дети оставили театр под звуки марша» (4).

Интерес для современных исследователей может представлять опубликованная в костромской печати рецензия на спектакль «Жизнь за царя», поставленный в стенах театра одной из московских трупп в январе 1908 года.

«Перед поднятием занавеса по желанию публики оркестр военной музыки исполнил трижды национальный гимн. По окончании гимна торжественно настроенная публика каждый раз требовала повторений, раздавались единодушные крики «ура», «bis» и «браво». (...)

Большой успех имел г. Жданов (Сусанин)... ему был поднесен публикой букет с лентой национальных цветов... Тогда же вновь трижды был исполнен оркестром по требованию публики народный гимн, покрытый криками «ура», «bis», «браво». (...)

В последнем действии при выходе царя Михаила Феодоровича раздались аплодисменты и местами «ура». По закрытии занавеса военный оркестр вновь трижды исполнил Народный гимн по требованию публики...

Исполнение Народного гимна публика прослушала стоя» (5).

Военные оркестры нередко приглашались руководством театра за плату и для игры в антрактах. Чаще всего в исполнении военных музыкантов звучала популярная классика, а также военные марши и танцевальные пьесы. Сохранилось свидетельство того, что в октябре 1917 года произошел конфликт между антрепренером и военным оркестром (вероятнее всего – оркестром 88-го пехотного запасного полка), в результате чего духовая музыка в антрактах перестала звучать, что выз-

вало недовольство любителей театрального искусства (6).

В штате театра был и свой театральный оркестр, среди руководителей которого наибольшую память оставили о себе И.П. Сахаров, С.И. Виноградов, одновременно являвшийся военным капельмейстером пехотного Пултусского полка, а также А.А. Громов, служивший в годы первой мировой войны в симфоническом оркестре лейб-гвардии Измайловского полка, квартировавшего в Петрограде. Капельмейстеры неоднократно организовывали собственные бенефисы, во время которых исполнялись самые разнообразные сочинения. Так, 19 ноября 1899 года, во время бенефиса И.П. Сахарова, прозвучала музыка Дж. Россини, М.И. Глинки, П.И. Чайковского, Дж. Мейербера (7).

В первые послереволюционные годы на театральной

сцене регулярно проводились торжественные заседания, митинг-спектакли, вечер-спектакли. Военные духовые оркестры, принимавшие в них участие, в обязательном порядке исполняли «Интернационал», революционные песни. В исполнении музыкантов-духовиков звучали и произведения крупной формы. Так, 18 марта 1920 года духовой оркестр под управлением капельмейстера К.Н. Васильева во втором отделении вечер-спектакля, посвященного Парижской коммуне, исполнил фантазию Сауля «Торжество революции» (8).

25 апреля 1925 года в стенах Костромского театра прошел юбилей семи работников сцены, двое из которых – бывший военный капельмейстер С.И. Виноградов и флейтист А.П. Сергеев – всю свою жизнь посвятили духовой му-

Музыканты Костромского драматического театра. Сидит 2-й слева – бывший военный капельмейстер 88-го пехотного запасного полка К.Н.Васильев. Фото 1920-х гг.

А.А.Громов - музыкант симфонического оркестра Измайловского полка, г. Петроград. Фото 1916 г.

зыке. В честь этого события была поставлена пьеса А.Н. Островского «Счастливей день», состоялся концерт с участием юбиляров, прошло горжественное заседание (9). В июле 1936 года, в день закрытия очередного театрального сезона, музыканты и любители театрального искусства Костромы отметили очередной юбилей А.П. Сергеева – 60-летие творческой деятельности (10).

На театральной сцене в разные годы выступали прославленные творческие военные коллективы, приезжавшие на гастроли в Костромской гарнизон. Летом 1937 года здесь прошли гастроли одного из армейских коллективов – красноармейского балалаечного оркестра, в исполнении которого прозвучали такие популярные песни, как: «Соловей» А.Алябьева, «Конармейская» Д.Покрасса, «Песня о Родине» И.Дунаевского. В рецензии на концерт заместитель директора театра им. А.Н. Островского Аудерский отмечал: «Выступление оркестра превратилось в подлинно народное представление. (...)

Выделяется богатая музыкальная культура исполнителей, яркость..., искреннее бодрое веселье и жизнерадостность» (11).

В годы Великой Отечественной войны костромичи имели возможность слушать в театре Образцовый оркестр и джаз-ансамбль Московского военного округа под управлением майора С.А. Панфилова, Краснознаменный ан-

самбль песни и пляски под управлением профессора А.В. Александрова, оркестры ленинградских военно-учебных заведений, располагавшиеся на костромской земле. Следует отметить, что, помимо военных коллективов, свое искусство здесь неоднократно демонстрировал Государственный хор Союза ССР под управлением А.В. Свешникова (в 1941 и 1943 годах), джаз оркестр под управлением Д.Я. Покрасса (в 1944 году), другие творческие коллективы.

В послевоенное время традиция выступлений военных оркестров гарнизона в театре им. А.Н. Островского продолжилась. Чаще всего оркестры обслуживали здесь торжественные собрания, посвященные государственным праздникам. Один из старейших российских военных дирижеров подполковник К.Н. Бузин вспоминал, что в 1957 году оркестр Костромского военномехимического училища исполнил на театральной сцене в концертной программе ряд переложений симфонических произведений, среди которых особую сложность представляла Вторая рапсодия Ф.Листа (12). Театральный оркестр в этот период пополнялся за счет военных музыкантов, совмещавших службу в армии с работой в театральной яме. Во второй половине 1950-х годов партию трубы здесь исполнял Е.Н. Шутов, кларнета – Н.Ф. Щетинин, тромбона – В.И. Рябчиков, тубы – П.Савельев. Последним руководителем оркестра был скрипач Л.Дорогов.

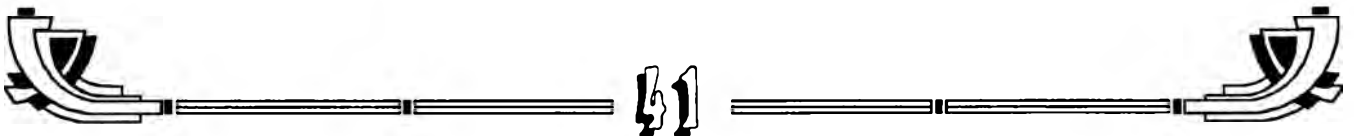
Интересным событием в жизни театра 2-й половины 1980-х годов стало приглашение духового оркестра для участия в театральной постановке пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» главным режиссером Ю.Ф. Зайцевым. В составе оркестра, участвовавшего в спектакле, были ветераны духовой музыки, студенты и преподаватели Костромского музыкального училища, военные музыканты Костромского высшего военного командного училища химической защиты. Роль капельмейстера сыграл актер А.Жадан.

Сегодняшнее руководство Костромского драматического театра им. А.Н. Островского поддерживает творческую дружбу с военными музыкантами. Одной из новых традиций, возникших в стенах театра на рубеже XX-XXI веков, является участие военного оркестра в открытии очередного театрального сезона.

*Э.Г. КЛЕЙН, дирижер
Военной академии РХБЗ,
кандидат культурологии*

Примечания

1. Костромские губернские ведомости. 1852. 13 декабря.
2. Костромские губернские ведомости. 1878. 25 октября.
3. Костромские губернские ведомости. 1863. 1 декабря.
4. Костромской листок. 1899. 30 мая.
5. Поволжский вестник. 1908. 2 февраля.
6. Поволжский вестник. 1917. 21 октября.
7. Костромской листок. 1899. 21 ноября.
8. Красный мир. 1920. 21 марта.
9. Северная правда. 1925. 28 апреля.
10. Северная правда. 1936. 16 июля.
11. Северная правда. 1937. 10 июля.
12. Бузин К.Н. Воспоминания. Архив автора.

«В КОСТРОМЕ БЫЛ ДАЖЕ ХОРОШИЙ ДЕРЕВЯННЫЙ ТЕАТР»

Известный балетмейстер и педагог Адам Петрович Глушковский был одним из основателей московского балета. «Выдающийся мастер хореографии», пенсионер императорских театров», кроме всего прочего, оставил интереснейшие воспоминания, причем не только о балете и театре, но и всей русской общественной жизни первой половины XIX века. Публикуем те страницы воспоминаний, где говорится о приезде в Кострому Московского императорского театра. К сожалению, документальных сведений об авторе сохранилось немного, точные даты его рождения и смерти неизвестны.

...Из города Суздаля мы прибыли в село Иваново, в котором провели трое суток, дожидаясь из С.-Петербурга от главного театрального начальства предписания с назначением постоянного места для жительства. По распоряжению высшего начальства конторе театра с артистами назначено было остановиться в городе Костроме на все время пребывания французов в России. Ехавши в город Кострому, Театральное училище два дня имело стоянку в селе, принадлежавшем князю П.А. Вяземскому; этого села я не помню по названию; знаю только, что в нем все крестьяне занимались деланием серебряных и медных серег, колец, крестиков и прочих мелочных вещей.

Из села Иванова мы переехали в город Нерехту. На другой день рано утром я, инспектор театрального училища Владыкин и фортепьянный учитель Муромцев пошли осмотреть город. Пройдя несколько шагов, мы встретили конвой казаков, гнавший из

под Москвы пленных французов; он остановился у ротной квартиры костромских ополченцев, чтобы сдать им пленных для отвода в город Кострому. Я, подошедши с товарищами к пленным, спросил их, какой они нации (De quelle nation etes vous?). Они отвечали: «Мы французы» (Nous sommes Francais). Потом – где они были взяты в плен (Ou avez vous ete Faits prisonniers?) – «В окружности Москвы», – отвечали они (Aux environs de Moscou). Я хотел дать несчастным пленным денег; в это время пьяной ратничий прапорщик схватил меня за руку и, обнажив шпагу, сказал: «Ты что бормочешь с французами и как смеешь давать им денег? Пойдем-ка к капитану!» Капитана застали мы в пьяном виде: на лице его отражалось яркое зарево пожара, притом он едва держался на ногах. Когда прапорщик доложил ему обо мне, он велел свести меня в сарай и влечь в спину сто фухтелей; я было стал с ним объясняться, но он не хотел

принимать от меня никакого оправдания. На мое счастье, в то время приехал осматривать пленных полковой командир Шуль...; так как он был человек с хорошим образованием, то я обратился к нему с объяснением по моему делу. Шуль..., найдя капитана и прапорщика в нетрезвом виде, сделал им строгий выговор, а также и я не остался без такового выговора за то, что я не вовремя завел разговор с французами; он между прочим присовокупил: «Не приезжай я на этот случай, вы могли бы подвергнуться большой неприятности». Потом позволил мне идти на мою квартиру. Поблагодаривши полковника за его внимание ко мне, я опрометью пустился домой. Этот случай дал повод моим товарищам во время дороги смеяться надо мною по поводу обещанных фухтелей за неуместный разговор на французском языке.

Из Нерехты мы без всяких приключений приехали в город Кострому, где был гражданским губернатором Нико-

лай Федорович Пасынков. Когда представлялось ему театральное начальство и предъявило предписание от обер-гофмаршала А.Л. Нарышкина (и) министра внутренних дел, в котором предназначалось московской театральной конторе, артистам и Театральному училищу и прочим людям, принадлежавшим к Московскому театру, иметь постоянное пребывание в городе Костроме, губернатор, прочтя бумагу, объявил, что он не может выполнить это предписание, потому что все дома заняты военным постом и, сверх того, проходящие через город большие партии рекрут имеют дневки на обывательских квартирах, вследствие этого многие костромские жители за недостатком квартир проживали по деревням. Он предложил театральной дирекции на время обывательские квартиры в заштатном городе Плесах, который от Костромы отстоит на 50 верст, а через три месяца, по выходе войск из города, обещался поместить нас на их квартиры. Поэтому театральная дирекция по необходимости должна была переселиться в заштатный город. Можно сказать, что в то время артисты по выезде из Москвы, как цыгане, блуждали с места на место и нигде не могли найти себе приюта.

Театральное училище, остановившееся на постоялом дворе, а прочие артисты, размещаясь по домам и квартирам, пробыли в Костроме двое суток. После этого по

распоряжению театрального начальства нанята была до города Плеса большая барка, в которой поместился весь театральный кортеж с театральной конторою, гардеробом, нотной и драматической библиотекой, театральными воспитанниками, воспитанницами и другими женщинами, которых едва могли угорворить сесть на барку; им казалось ужасным плыть на ней по такой большой реке, как Волга; и притом от большой гяжести барка возвышалась над поверхностью воды не более как на 4 вершка. Поутру, часов в 9, мы отчалили от берега; погода была тихая, только в сумерки, часу в 5-м, поднялся довольно сильный ветер, так что на реке показались волны, которые начали покачивать барку. Хотя она шла подле берега бечевой и не было большой опасности, но женщины и воспитанники Театрального училища были в большом страхе. При этом, как нарочно, лопнул бечевой канат, от этого произошел сильный удар по барке; поднялась страшная суматоха: некоторым женщинам представилось от испуга, что барка разбилась о камень и что они тонут; некоторые из них хотели даже бросаться в воду, чтобы доплыть до берега; с большим трудом могли успокоить их тем, что барке оставалось немного доплыть до берега. Сошедши на берег, женщины стали на колени, благодарили бога за спасение; в то время они походили на мо-

реплавателей, выдержавших большое кораблекрушение: у страха глаза велики. По счастью, в недалнем расстоянии от сего места находилась деревня; в ней мы остановились, поужинали и на следующее утро, когда погода стихла, на той же барке отправились далее.

28 сентября мы приплыли к заштатному городу Плесы. Этот город разделялся на два отделения: на высокой горе и по берегу реки Волги почти все строения были деревянные, кроме нескольких церквей и развалин, некогда бывших присутственными местами. Гостиный двор, т.е. лавки, были деревянные без всякого фасада и порядка: в одной продавали деготь, сало, колесы, веревки, а рядом с ней торговали чаем, пряниками, сахаром и вином; подобным образом были расположены и другие лавки. Аптеки и лекаря в городе не было, лекарства кое-какие продавались в москательной лавке, а вместо лекарей служили три отставные за старостию лет фельдшера, которые лечили какими-то травами; больниц не было. Жителей в Плесах было до 2000 душ; народ был красивый, здоровый. Мужчины весною ловили рыбу, занимались по Волге гнать лес и тянуть бечеву, а бабы и девки пряли лен и ткали на продажу холстину. Жизнь в городе была дешевая: телятина, баранина, свинина, куры, гуси, утки, молоко, масло, овес и дрова были нипочем. Театральной конторе, гарде-

робу и библиотеке был отвeден двухэтажный деревянный дом на берегу Волги, а Театральное училище поместили в трех мешанских домах, стоявших на горе; в одном жили мальчики, а в другом – девицы, третий же дом был нанят для классов воспитанников; чтоб сделать зало для танцев попросторнее, сняли в доме перегородки.

Спустя неделю по приезде нашем в Плесы началось у воспитанников Театрального училища ученье. Приходский священник учил закону Божию, Шмелев – русской словесности, Скоков – пению, Дровлянский – рисованию, Глушковский – танцам, а Фрыгин приготавлиал пьесы для домашнего театра костромского губернатора. Во время пения, разучивания пьес и танцев хозяин дома с дочерью и соседними девушками собирались под окнами училища слушать пение и смотреть, что делалось в училище, но более всего внимание простолюдинов было обращено на танцы; особенно удивляло их то, что девушки подымали ноги в разные стороны, прыгали, вертелись; бабы, которые были посмелее, говорили: «Ах, матки мои, как их вертит нечистая сила; как она их подымает!» Некоторые из них плевали, крестились и читали про себя молитвы; другие же, остолбенев от удивления, стояли с разинутыми ртами. Через несколько времени после того жители города Плес

стали бегать от дома, занимаемого Театральным училищем, как от чумы; хозяин же его соглашался заплатить большие деньги за то, чтобы прекратили преподавание чортовой науки. Когда же я ходил по городу, то некоторые обыватели указывали на меня пальцами и называли «чортовым помощником». В доме, где я квартировал с музыкантом Суслиным, бабы и девки боялись разговаривать с нами, потому что считали меня начальником «чортовых плясок», а потом малопомалу к нам привыкли и были к нам впоследствии очень, очень благосклонны.

Читателю записок покажется, может быть, удивительным невежество жителей Плеса, но нужно принять в соображение, что описанные мною предрассудки обнаружались в 1812 году, стало быть, 56 лет тому назад, и притом в захолустье России, где никто не имел никакого понятия о театре. Даже в самой Москве, в сердце России, в то время многие за грех считали бывать в нем, но гораздо удивительнее этого невежества то, что в самом Париже во время последнего года консульства Наполеона некоторые даже из французского духовенства имели предубеждение против артистов театра. [...]

Гора, на которой мы квартировали в городе Плесах, была очень высока и крута, а зимою было трудно сойти с нее; в то время спускались с нее на салазках или на пал-

ках с железными острыми наконечниками, на которые при спуске с горы упирались. Так как контора театра была на берегу реки Волги, то нередко и мне приходилось спускаться с нее таким образом.

В 6 верстах от Плес было село Никольское; в нем было до 800 душ, принадлежавших его превосходительству Семену Федоровичу Аладьину, который имел в Москве свой дом у Никиты Мученика, в Большой Басманной. Незадолго до вступления французской армии в Москву он с женою Мариєю Павловной и детьми поселился в Никольском. В это время у него жили там московские жители: семейство Поляковых, Степановых, стряпчий Яков Алексеевич Шангин и капитан Дмитрий Иванович П. Семен Федорович, узнавши, что поблизости его имения поселились артисты Московского театра, прислал ко мне лошадей и пригласил меня приехать и познакомиться с ним. Когда я приехал к нему, он просил меня поучить его детей танцам. Условились в цене, я распорядился так: в субботу, отучивши поутру в Плесах театральных воспитанников, тотчас же ехал к генералу Аладьину в село Никольское, давал его детям три урока в неделю – в субботу, в воскресенье и понедельник – и в тот же день, отобедавши у него, опять возвращался в Плесы.

Семен Федорович и Мария Павловна были наидобрей-

шие люди, любили разделить хлеб и соль со знакомыми. У них часто бывали соседи по имению, как, например, действительный статский советник Коптев, полковник Коблуков и др. Несмотря на то что Москва была в плену, в селе Никольском было довольно весело. Так как многие барыни в то время были в сильном испуге от того, что Москва была занята французами, то Семен Федорович для рассеяния своей супруги приглашал на святках гостей и делал вечера, на которых танцевали, пели, играли в фанты, наряжались в разные костюмы, а меня упростили танцевать соло из балета «Зефир», что я и исполнил. Протанцовав им Зефира, я чуть не улетел в Елисейские поля: костюм на мне во время танцев был самый легкий – шелковое трико и коротенький кисейный тюник с крылышками, грудь и руки – по плечи голые; в зале же, в которой я танцевал, было довольно свежо, потому я простудился.

Воротясь вечером того же дня в свою квартиру, я занемог горячкой с пятнами, одиннадцать дней был без памяти и в этом положении чуть было не выбежал в одной сорочке на улицу; дирижер балетной музыки Суслин, живший со мной в одних комнатах, удержал меня. Впоследствии он заразился от меня тою же болезнью, но не был так сильно болен, как я. При Театральном училище находился в Плесках подле-

карь Швалев, который хотел меня вылечить следующим средством: напоить чаем с водкой и пустить мне несколько чашек крови. К счастью моему, во время моей болезни проезжал через город в деревню к одному помещику доктор Петерсон, которого дирекция театра пригласила ко мне на помощь. Он не позволил пускать кровь и поить чаем с водкой, а велел настоять в теплом вине с уксусом камфару и тереть ею все мое тело по нескольку раз в день, делать катаплазмы из горчицы, прикладывая их к рукам и ногам и поить меня бузиным цветом для произведения испарины. Хотя Швалеву было очень обидно то, что его методу лечения не одобрили, однакож он должен был повиноваться доктору и исполнять его приказания. Театральный подлекарь был так искусен в своем деле, что к нему можно было применить пословицу: «не бойся так болезни, как дурного лекаря». По отъезде Петерсона из Плес Швалев на другой день определил, что мне не придется существовать более на белом свете. Воспитанницы Театрального училища и их надзирательницы уже оплакивали мою смерть. В этом году повсеместно свирепствовала сильная горячка, а особенно в тех местах, где был неприятель; народ умирал тысячами, заражаясь друг от друга. Во время моей болезни добрая старушка, хозяйка моей квартиры, проси-

живала ночи до дневного света у моей постели. В ночь на двенадцатый день моей болезни, сидя по обыкновению подле меня, она заснула; между тем в эту ночь сделался перелом моей горячки к выздоровлению: из носу пошла у меня кровь; горло, грудь, одним словом, почти всего меня облило кровью. Старуха, проснувшись и увидя меня в таком положении, бросилась к спящему Суслину, разбудила его и сказала, что я зарезался; потом, несмотря на поздний час ночи, побежала в Театральное училище, разбудила надзирательницу театральных воспитанниц Лобанову, которая во время моей болезни часто меня навещала, а также и подлекаря Швалева и объявила им о моей смерти. Придя ко мне и увидя меня облитого кровью, они с радостью воскликнули: «Слава богу, он будет жив!»; они успели рассмотреть, что кровь шла из носу. Как ни мало сведущ был подлекарь Швалев, однакож понял, что в моей болезни сделался перелом.

Меня обмыли теплым вином с камфарой, надели чистое белье и показали доброй старухе, что у меня горло целое. Старуха очень обрадовалась, увидев, что я жив, а то она боялась ответственности за то, что заснула подле меня и тем допустила меня зарезаться.

На другой день я опаматовался и начал понемногу узнавать людей, но долгое вре-

мя от слабости не мог держаться на ногах; меня водили по комнате под руки, и при этом я едва мог передвигать ногами. При начале моего выздоровления у меня сделался большой аппетит, однакож я воздерживался от пищи и ел только один бульон из курицы с белым хлебом.

В феврале месяце к театральному начальству пришла бумага от костромского гражданского губернатора с уведомлением, что войска из города Костромы выступили, что он получил предписание от министра внутренних дел о помещении театральной дирекции в городе Костроме. Тогда все театральные отправились на санях в город Кострому, а я и С. Суслин были приглашены С. Ф. Аладьиным в село Никольское, где по милости его и Марии Павловны имели хороший стол, вино и теплую квартиру; от того здоровье мое совершенно поправилось, и в половине великого поста я с Суслиным отправился в город в кибитке. Приехавши в Кострому, я остановился один в доме секретаря удельной конторы, поблизости Богоявленского монастыря.

В то время в городе была большая дешевизна на все жизненные потребности. Главная промышленность Костромской губернии состояла в приготовлении полотняных изделий; многие купцы ее заключали подряды с казной на поставку парусины для Балтийского и Чер-

номорского флота. Купечество было богато, из них особенно славилась Угличанинов, Стригалева, Стоюнин, Дурыгин, Юдин и др.; я был знаком с ними и по несколько раз обедал у них. Как по местоположению, так и по архитектуре город очень хорош: торговые каменные ряды выстроены на манер С.-Петербургского гостиного двора, сверх того, река Волга делает город живописным, а Ипатьевский монастырь напоминает нам славную эпоху из русской истории, когда Михаил Федорович избавился от опасности быть захваченным поляками в плен, удалился в Ипатьевскую обитель под покров Бога и матери его. В оном же городе перед алтарями Божиими архиепископ читал грамоту о избрании на царство Михаила Федоровича. В начале 1812 года из местечка Шклова, принадлежавшего генералу Зоричу, был переведен в город Кострому кадетский корпус, который во время царствования Императрицы Екатерины II содержался на иждивении генерала Зорича.

В Костроме был даже хороший деревянный театр. Труппа актеров была довольно порядочная; лучшими артистами в ней были: Василий Михайлович Лазов, Борисоглебский, Бажанов и Львова-Синецкая, которая еще в то время обещала быть хорошей актрисой. На этом театре давались оперы, трагедии и комедии; балета же не было. Оркестр музыки был

очень хорош; он принадлежал помещику Карцеву. Сдержателем театров Костромского и Ярославского был Александр Константинович Глебов.

В то время как Московский театр помещался в городе Костроме, у губернатора Николая Федоровича Пасынкова давались часто спектакли на домашнем его театре; в них участвовали некоторые артисты и воспитанники Московского театра. Эти спектакли приносили большую пользу воспитанникам тем, что они практиковались, а губернатору делалось угождение, и он со своей стороны делал театральным артистам всевозможные пособия в назначении квартир в обывательских домах с отоплением, освещением и проч.

В день рождения Марии Алексеевны, жены губернатора, назначена была опера «Калиф Багдадский», музыка соч. Боельдье. Надобно сказать, что в канцелярии губернатора служил секретарем бывший архиерейский певчий; он отлично знал музыку; в операх, в которых были хоры, он их разучивал и участвовал. Хотя г. секретарь был нетрезвого поведения, однакож губернатор делал ему снисхождение, потому что он был лихой бумажный крючковой, и как в то время еще не было Свода законов, то он ворочал законами по желанию губернатора. В день представления оперы «Калиф Багдадский» случилась беда: секретарь так напился, что не

мог стоять на ногах. Сколько ни репетировал хор, все выходила разладица, потому что без него хористы никак не могли петь. Что делать? Гости были созваны; губернаторша вышла из себя и всю беду взвела на мужа, обвиняя его в неумении обращаться с подчиненными. «В день моего рождения, – говорила она, – осмелился ничтожный червь нанести мне такое огорчение; кому? – мне, губернаторше! Это ужасно! Спектакль хоть отменяй!» – кричала она. Губернатор уверял свою жену, что спектакль непременно устроится, а секретаря приказал окатить холодной водой и положить на ледник, чтобы холод выгнал из него хмель, а после спектакля опять напоить водкой, чтобы предохранить от болезни. Из уважения к губернатору и его супруге подчиненные, находившиеся на репетиции оперы, единогласно и с восторгом одобрили способ отрезвления секретаря, не думая о том, что от этого он мог получить сильную горячку. Пословица справедлива: «большая собака лает, а маленькие тявкают». Действительно, наш секретарь отрезвился, и опера пошла как нельзя лучше.

Чтоб сделать угодное начальству, люди часто подвергаются опасности лишиться жизни. На страстной неделе по реке Волге, во время разлива, плыли горы льду; перевоз на лодках в город был невозможен, а губернатору прислан был указ и орден

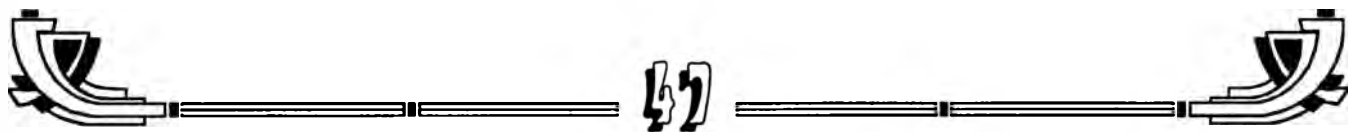
Анны 1-й степени. Ему очень хотелось в 1-й день светлого воскресенья Христова надеть на себя присланный орден. Он приказал исправнику переправиться по Волге на другой берег реки и доставить ему указ с орденom. Чиновнику нечего было делать – надобно было избрать одно из двух: или не плыть и лишиться места, или плыть, подвергая жизнь свою опасности; нужда до всего доводит. Исправник, переплывая на другую сторону реки и возвращаясь обратно в город, был на волоске от смерти: его лодка не раз подвергалась опасности быть опрокинутой и сдавленной глыбами льду. Несмотря на это, исправник был так счастлив, что избавился от угрожающей смерти и исполнил приказание начальника; в противном случае ему угрожала беда – изгнание из службы с волчьим аттестатом, т. е. как волку нет места в стаде, так и ему нигде не было бы места на службе. Между тем исправник за примерно ревностную службу был представлен к награде годового жалованья и к повышению чином. В то время нередко делались такие дела.

Но было бы слишком строго судить о человеке по двум совершенно случайным происшествиям, и в оправдание губернатора может служить то, что таков был дух времени: тогда начальники держали своих подчиненных в страхе и заставляли трепетать в своем присут-

ствии. Слепое повиновение старшим по должности было причиной исполнения подобных требований, т. е. из невозможного делать возможное, что и удавалось исполнять подчиненным нередко с риском жизни, как-то: переправа через большую реку или лечение пьяного зимою посредством окачивания водой и отдыха на леднике [...]

Когда в большие праздники костромской губернатор с женою своею отправлялся в собор, за несколько минут до их выезда скакал на дрожках частный пристав в собор с уведомлением, что едет губернатор. Его превосходительство начальник города с супругой ездил не иначе, как в карете, запряженной четверкой лихих рысаков. Подле его кареты скакал верхом полицмейстер, позади нее летели верхом его ординарцы, а затем ехали в разных экипажах и другие власти костромские. Простой народ и купечество при проезде губернатора скидывали шляпы и кланялись в пояс.

Раболепствовали не только перед губернатором, но и перед его родственниками. Дядя губернатора, Кологривов, будучи любим костромским дворянством за добродушие и гостеприимство, к несчастью, имел слабость к вечеру чрезмерно напиваться. Вследствие этого он предавался большому разгулу, с хором певчих из своих крепостных людей ходил в безобразном виде ночью по

городу, распевая песни; иногда приходила ему фантазия подходить к какому-нибудь дому под окно и давать нечто вроде серенады. Хотя хозяину дома была бы и неприятна его серенада, однако он не смел на это жаловаться, опасаясь обратить на себя гнев губернатора.

У костромского губернатора я учил детей – его дочь и сына Геннадия – и ставил на его домашнем театре из театральных воспитанников разнохарактерные дивертисменты, в которых он сам несколько раз участвовал. Николай Федорович Пасынков любил весело пожить; у него бывали ежедневно гости и на нескольких столах играли в карты. Спектакли и балы у него были очень часто. Нельзя было не заметить на его балах одного ополченца. Когда он подходил к даме ангажировать ее на кадрили, имея в виду показать свою молодцеватость, он ударял о паркет пяткой, поправлял свои усы и голову вздергивал кверху, как будто говоря: «Каков я молодец!» Он был ростом пигмей, зато голова у него была огромная, с большими выпуклыми глазами и длинным носом; можно сказать, что природа на его голову слишком много употребила материала. После ужина у губернатора бывали фейерверки и катанье на лодках по Волге с песельниками – одним словом, губернатор в Костроме жил, как сыр в масле.

Многие из находившихся в Костроме французских плен-

ных солдат были хорошими мастеровыми: каретниками, садовниками, портными, сапожниками и проч. Костромские помещики и купечество с дозволения правительства брали их к себе на поруки, в услужение; за их труды кормили их, одевали и давали жалованье, чем пленные были очень довольны. На мою долю достался мне французский солдат Анри, родом из Марсея; он служил в 13-й егерской дивизии под командою генерала де Соля и был взят в плен под Смоленском. Его мастерство состояло в том, что он плел из соломы разного рода корзинки и лечил от зубов [...]

В Костроме я имел довольно танцевальных уроков, как-то: у Ушакова, управляющего удельными крестьянами, костромского дворянского предводителя князя [Д. Н.] Козловского и т. д. [...]

Когда я жил в Костроме, меня часто посещал актер Воеводин; даже иногда он у меня ночевал. У него была страсть дразнить француза Анри. Надобно сказать, что в то время во всей французской армии Наполеон был кумиром, которому они, как божеству, поклонялись; на того, кто бранил или порицал его, они готовы были идти с ножом. Однажды Воеводин, будучи у меня в гостях, вздумал по обыкновению подтрунить над Анри, сказав ему: «Наполеон... казак...», и для объяснения значения этих слов он прибег к пантомиме, потому что не знал француз-

ского языка: задрожав всем телом, он взял веревку, завязал ею себе руки; этим он хотел сказать, что Наполеон боится казаков, потому что они могут взять его в плен. Француз понял, что это была злая насмешка над его императором, обратился ко мне со следующими словами: «Пожалуйста, скажите г. Воеводину, что стыдно ему смеяться над несчастьем моего государя». Но Воеводин не дал французу окончить речи и продолжал: «Наполеон крапкин». Потом пальцем стал пилить себе шею, прибавив еще: «Наполеон пуф», т. е. убит. Француз побледнел от гнева, затрясся и, с яростию схватив со стола нож, хотел нанести им удар Воеводину. Как ни был Воеводин расположен к веселости, однако сильно струсил и онемел от страха. Я успел удержать руку француза, иначе бог знает что могло бы случиться. Они в этом случае оба были виноваты: один каждый раз, когда приходил ко мне, дразнил француза, а другой хотел жестоко отплатить за обиды, ему нанесенные. Оба они были ребята добрые, потому я их тотчас помирил. С этих пор Воеводин перестал дразнить француза. [...]

Воспоминания балетмейстера. «Искусство». 1940. Орфография и пунктуация оригинала сохранена.

«ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ»

Из музыкальной и театральной хроники гор. Костромы в начале 90-х годов прошлого¹ столетия

Вниманию читателей «Губернского дома» предлагаются мемуары за подписью «Старый театрал», повествующие о некоторых фрагментах театрально-музыкальной жизни Костромы конца 19 века. Воспоминания принадлежат перу С. И. Бирюкова, бывшего в 1890-1896 гг. земским начальником в Костромском уезде, и находятся на хранении в Государственном архиве Костромской области в фонде Р-838 «Краеведческие учреждения Костромской области»². Это 9 страниц рукописного текста, написанных на пожелтевших листах бумаги чернилами довольно-таки крупным, но не очень разборчивым почерком. К сожалению, документ пострадал во время пожара в облгосархиве в 1982 году. Все листы по левому краю обгорели, что сказалось на сохранности текста. Поэтому при подготовке рукописи к публикации все утраченные слова были помечены знаком: [...]. Автором часть фамилий, упоминаемых в тексте, была дана в сокращенном варианте, при публикации эта особенность была сохранена.

В начале 90 годов прошлого столетия, существовавший в то время музыкально-драматический кружок временно [...] прекратил свою деятельность, за отсутствием достаточных местных музыкальных сил.

В качестве пианиста, и редкого по такту и музыкальности аккомпаниатора, обыкновенно выступал служивший по акцизу Н. А. С-в. О силе его таланта можно судить по тому, что он был приглашен в музыкальную [...] будучи еще студентом, такую вокальную знаменитостью, как Альма Фострем.

Это произошло при следующих обстоятельствах: А. Ф. давала концерт в зале Дворянского собрания и ее обычный аккомпаниатор неожиданно заболел, а она в этом отношении была очень требовательна и капризна. Был момент, хотели уже отменить

концерт, зала была переполнена, т. к. концертистка не хотела петь с случайным музыкантом, признавая вполне [...], что при плохом сопровождении может потерять и лучший солист. Кто-то предложил бывшего тут же, в комнате для артистов [...] студента С-ва. Фострем сначала ответила усмешкой, но когда ей предложили сейчас же, тут же попробовать и С-в взял несколько аккордов мелодии одного из романсов, а Фострем взяла втихомолку несколько нот, просияла, не пропев и 3 фраз, схватила С-ва за руку и сказала: довольно [...]! А по окончании концерта горячо благодарила дилетанта, выручившего концерт, и щедро его вознаградив, пригласила с собой в ближайшую артистическую поездку.

В качестве скрипача обыкновенно выступал кассир Гос-

банка К. Ф. Л-г. Играл он «средне», и репертуар его был ограничен. Но человек он был очень отзывчивый и добрый и никогда не отказывался принять благосклонное бескорыстное участие в любом концерте.

Выбор исполняемых им пьес очень оригинален, так, например, он очень любил исполнять на скрипке попури из Тангейзера, особенно марш из этой Вагнеровской оперы.

Сольные выступления ограничивались местными любительницами: окончившей консерваторию М. Г. М-вой музыкальной, обладавшей прекрасным хорошо обработанным и звучным сопрано. В дуэтах с нею выступала иногда А. А. Ан-ва; иногда выступала в концертах Ю. С. Преображенская. Иногда в качестве скрипача выступал тогда еще очень юный, но

блестяще талантливый Е. С. Чижевский.

В 1893 году председательницей музыкально-драматического кружка была избрана недавно поселившаяся в Костроме П. Д. Ан-ва. Она энергично принялась за оживление деятельности кружка, и хлопоты увенчались значительным успехом к общему удовольствию Костромы. Она съездила в Москву и вошла в отношение с профессором консерватории Лавровской, которая с удовольствием согласилась один раз в месяц отпускать на гастрологи в Кострому кого-либо из оканчивающих курс ее учеников и учениц, а также и других классов.

Таких артистов кто-нибудь из семьи встречал на вокзале, привозил под гостеприимный кров, где они проводили 2-3 дня в семье хозяйки на всем готовом.

Одной из первых ласточек музыкальных была юная Абрамович, колоратурное сопрано, впоследствии прима Венского опереточного театра. [...] еврейка, с очень заметным природным акцентом лишь только начинала петь, при пении акцент был совсем незаметен. Обладала она прекрасным голосом, была очень музыкальна и хорошо владела колоратурой.

[...] приезжала Е. И. Збруева, впоследствии крупная звезда Мариинского театра в Петербурге, редкое контральто по силе, музыкальности исполнения и бархатности тембра. Она была родом ко-

стромичка, ее брат был нач. Ветлужского уезда. Она, когда училась, имела очень ограниченные средства, жила более чем скромно в Москве с матерью и сестрой, которая служила хористкой в Московской опере.

Приглашаемая часто петь в концертах, Е. И. Збруева принуждена была часто отказываться за неимением подходящего костюма. Узнав об ее стесненных обстоятельствах, две ее поклонницы в Костроме поднесли ей, после концерта букет цветов, который вместо ленты был перевязан целым куском тонкой шелковой материи, в количестве достаточном для целого платья.

Я встретился с Е. И. Збруевой в Петербурге, после ее 25-летия сценической жизни, когда она достигла высочайшего артистического и материального положения, она с умилением вспоминала об этом случае в начале своей сольной карьеры, и признавалась, что это платье ее не раз выручало. Вот образчик отношения [...] нашей прежней казенной сцены к нашим отечественным талантам: окончив блистательно Московскую консерваторию будучи принята после удачного дебюта на сцену Московского Большого театра ей не только не давали ответственных ролей, но выпускали в опере [...], где она пела ничтожную роль [...]! Выдвинул ее лишь случай. В Петербурге заболела артистка, исполнявшая Ваню в «Жиз-

ни за царя». Московская исполнительница этой роли, тоже заболела, и выписали Е. И. Збруеву. Это представление в народном спектакле, с самой сановной публикой, решило её участь. Блистательно проведя партию Вани, будучи в расцвете своего таланта, она была переведена в столичную Мариинскую оперу, где блистала ярким талантом более четверти века.

Виднейшей гастролершей была Ав-нович, меццо-сопрано, впоследствии солистка Музыкальной драмы. [...] приезжал тенор Чупрынин, впоследствии занявший видное положение в Мариинском театре, принимавший участие в вокальном квартете Кедровых, пользовавшемся большим успехом и у нас и за границей. В качестве музыкальных исполнителей приезжал талантливый солист Дубинский, а из Петербурга солист Н. И. Дягилев, ученик Верховича.

К тому времени относится и приезд [...] к своей родственнице артистки В. Ф. Комиссаржевской, которая приняла благосклонное участие в одном из концертов кружка, но не в качестве драматической артистки, составившей впоследствии карьеру большого таланта, а скромной певицы, обладавшей небольшим, но приятным сопрано.

В конце 90-х годов в городском театре была очень недурная труппа [Бельского], в составе ее была очень та-

лантливая артистка Турчанинова, впоследствии занявшая ответственное место [в театре] Суворина, и не менее талантливая Алла Назимова, обладавшая [...] материальными средствами, поражавшая публику, как [...] асной] игрой, так и чудными костюмами.

К тому же сезону относится приезд на гастроли артиста Суворинского театра П. Н. Орленева, поставившего силами местной труппы «Федора Иоанновича» А. Толстого. Приехав всего на 3-4 дня, Орленев у Назимовой прогостил более [...] недель и увез её в свою дальнейшую артистическую поездку.

Уезжая в Америку, Орленев увез Назимову с собой, где она освоившись с английским языком, поселилась там совсем, имела свой собственный театр и труппу. В Костроме она исполняла с Орленевым роль царицы Ирины. Кроме «Федора Иоанновича» Орленев поставил в Костроме впервые «Братьев Карамазовых» в инсценировке Дельера [...] и неподражаемо исполнял Дмитрия Карамазова, этим летом, будучи в Москве, он исполнял эту же роль, несмотря на свой преклонный теперь возраст.

Открытием этого сезона был очень талантливый артист Абрамов, который в «Федоре Иоанновиче» исполнял Василия Шуйского, в «Братьях Карамазовых» - Смердякова.

После «Карамазовых» Орленев ставил «...дие» Бобо-

рыкина и небольшой водевиль, где играл очень комическую роль денщика.

После в одном частном доме Орленев выступал экспромтом и в декламации. Он декламировал под музыку «Алешу Поповича» [...], причем его декламацию экспромтом же сопровождала костромичка окончившая консерваторию Е. И. К-ва, впоследствии еще не раз выступавшая в качестве пианистки в концертах в Костроме. Затем она сопровождала в качестве аккомпаниаторши солистку Мариинской оперы Долину, когда та гастролеровала по России и, между прочим, заезжала в Кострому.

[...] дворянских и земских собраний [...] устраивал благотворительные спектакли, используя большой съезд иногородних.

В один из таких спектаклей произошел следующий забавный случай. Поставлена была пьеса «Общество [рения] скуки», главную роль внучки в которой прекрасно исполняла Л.Д.

В середине первого действия вдруг наступила пауза, и игравшая роль бабушки очень талантливая любительница Г.П-ва неожиданно умолкла. Бывший тут на сцене в роли [...] П.Н. Ц-в старался спасти положение, предложил бабушке [...], но она их откинула, подошла к авансцене и обратилась к публике: «Так играть нельзя, Н.М. Р-в (играл роль профессора) не вышел вовремя, к

такому отношению к сцене я не привыкла. Занавес!» Опустили занавес, и публика замерла в недоумении. С Г. П-вой сделалась истерика! В конце концов выяснилось, что т. к. Н. М. Р-в был на этот день в суде и, боясь, что задержат, просил пропустить его первый выход, где он только проходит по сцене, говоря 2-3 слова и на общем собрании артистов было так и решено, о чем знала и П-ва, но забыла. Когда все это выяснилось, бабушка успокоилась, опять подняли занавес, и спектакль мог беспрепятственно продолжаться, тем более что и профессор прибыл в театр. Но почему-то режиссер вместо продолжения акта по окончании перерыва, решил начать его сначала!

В той же пьесе, в сцене в саду, для создания солнечного эффекта, точно против публики поставили софит с сильным прожектором. Все кто [...] в его лучах, настолько сильно охватывались лучами, что были все в легких летних платьях был очень комичный вид, как бы просвечиваемых рентгеновскими лучами.

Старый театр.

Бирюков, Бульварная 17
Кострома 4 ноября 26г.

*Публикацию подготовила
Н. А. ДРУЖНЕВА,
заместитель директора
ГАКО.*

Примечания

1. Имеется ввиду XIX век.
2. ГАКО. Р838, оп.1, д.201.

Александр Сергеевич Дурново родился в Костроме в 1876 году. Отец его, Сергей Александрович, был канцелярским служителем Костромской контрольной палаты. Мать Александра Дмитриевна, в девичестве Борноволокова, происходила из известного рода, прадед ее – Третий Степанович Борноволоков, известный ученый, назначенный правителем Русской Америки, но трагически погибший в пути следования на корабле «Нева» на Аляску. Александр Дурново закончил Костромскую гимназию, затем – мединститут. В начале XX века служил санитарным врачом в Макарьево, в первые годы советской власти заведовал Костромским губздравотделом. С детских лет любил театр, сам подвизался на костромской сцене, играя «характерные» роли. Впрочем, в 20-е годы XX века многие врачи, учителя и даже чиновники участвовали в театральной и музыкальной жизни Костромы. Доктор медицинских наук, профессор Горьковского мединститута А.С. Дурново скончался в 1944 году.

Предлагаем вниманию читателей главу из его воспоминаний о костромском периоде жизни.

...Благодаря близости к театру дяди Гриши и дяди Геннаши, мы получили возможность часто бывать бесплатно в театре. Кроме того, завязалось знакомство с актерами. Труппа была совсем плохая: в ее составе преобладала захудалая провинциальная актерская мелкота, но был один крупный актер, которого занесла судьба в Кострому, – комик и актер на характерных ролях Вальяно. Это был человек тучный, по характеру независимый, опытный и талантливый актер, не смешивавшийся с мелкотой в пьянстве, обычном в то время в актерском мире. К счастью для нашего семейства, не было в составе труппы актрисы достаточно интересной и не занятой сердечными делами с кем-либо из труппы.

Папа был знаком с многими актерами, но почему-то у него не установилось знакомства с Вальяно, хотя папа и

был горячим поклонником этого актера.

Я помню, тогда говорили, что будто бы Вальяно принадлежит первый и лучший перевод «Прекрасной Елены», в которой он играл когда-то не то Калхаса, не то Менелая.

Во время близости к театру моих двух дядей мне было лет 10. Театром я увлекался до самозабвения, любил ходить за кулисы, смотреть, как меняют декорации, как между кулис бродят актеры с ролями в руках – подзубривают перед выходом, как суетится режиссер и так называемый сценарист, проверяющий реквизит – все ли на месте. Я готов был каждый день ходить в театр, но папа решительно возражал против этого: но тем не менее мне удавалось пробираться в театр в среднем 1 раз в неделю.

Мы жили тогда на Марьинской улице в антресолях дома (кажется, еврея Гельфина, впоследствии купленного Ан-

дросниковой) рядом с Окружным судом – совсем близко от городского театра.

Одну из комнат мама сдала актеру Егорову, бывшему на выходных ролях, но считавшему это большой несправедливостью к себе: он был уверен в том, что призван играть «героев» и «первых любовников». Это был человек среднего роста, коренастый, с мало культурным, но типичным актерским бритым лицом; он держал «фасон» и в повседневной жизни, в тех случаях, когда рядом были посторонние люди: он манерно жестикулировал, выпячивал грудь вперед, говорил напыщенно с цитатами из разных ролей. Папа к нему относился иронически, но не обижал своим колким языком.

Егоров жил очень бедно – определенно голодал: но это не мешало ему временами напиваться. Чем больше он хмелел, тем больше проникался уверенностью в большом сво-

ем артистическом будущем. Его обуревало желание тут же исполнить какую-либо сцену из классиков. Я хорошо помню, как он с завыванием, с шепотом, с зловещными паузами читал монолог Отелло, завершая трагическим возгласом: «Я взял его за шиворот, собаку, и поразил его вот так!» При этом он ударял себя в грудь столовым ножом и падал на пол. В таком же стиле он декламировал монолог Гамлета: «Быть или не быть? – таков вопрос. Что лучше, что благородней для души – сносить ли удары стрел враждующей фортуны, или покинуть море бедствий?!» После этого следовала пауза, во время которой Егоров с отчаянием хватался за голову, сгибался театрально к земле, то выпучивал, то закрывал глаза и, протянув вперед руки, шепотом произносил: «Умереть... уснуть...», а затем кричал: «... страшны сновиденья!» Мы с Лелей были потрясены; мама произносила: «Как это у вас страшно выходит... не ушиблись ли вы?». Папа добродушно смотрит на Егорова и говорит с тонкой иронией: «Я очень люблю Шекспира, вы... тоже, кажется, предпочитаете декламировать именно Шекспира».

Егоров, не поняв иронии, с покрасневшим лицом от алкоголя и от напряжения отвечает: «Да... это настоящие трагедии... сколько силы... чувства...»

Выпив еще несколько рюмок, удовлетворенный своим успехом и выпивкой с закуской, уходит он в свою комнату.

Папа говорит маме: «Несчастный человек, бездарный – своих ролей не знает, а чужие декламирует, колотясь об пол!»

Мама жалела Егорова и дипломатично время от времени приглашала его пообедать или попить чаю.

После «представлений» Егорова мы с Лелей тотчас же принимались изображать и Отелло, и Гамлета. Особенно я склонен был к точному воспроизведению и манеры исполнения, и интонаций голоса этого неудачника-актера.

Однажды поздно вечером, когда мы вернулись из театра, где шла, кажется, Мария Стюарт, вошел к нам в комнату Егоров.

– Что вы скажете о сегодняшнем спектакле, Сергей Александрович? – обратился он к папе.

Папа ответил, что, по его мнению, при недостатке сил и средств лучше бы избегать ставить пьесы, требующие обстановки и хорошей сыгранности.

– Да... Но вы же скажете обо мне?

Егоров играл какого-то посланника, который должен был передать королю важные вести в довольно длинном монологе. Короля играл Вальяно.

– Вы, Василий Федорович, должно быть или не успели выучить роль, или вас сбил суфлер... вы почему-то в одном месте неожиданно для всех замолчали, а Вальяно стал говорить, закончив свою речь заявлением, что королеве следовало бы прислать к

нему «кого-нибудь умнее вас. Идите!» В чем дело – публике было не понятно, но, конечно, все поняли, что тут было что-то неладно.

– Да... не хорошо вышло... не образумлюсь, виноват... не успел доучить роль... Вальяно разозлился, публично выругал меня дураком... этого ведь в пьесе нет... выгнал меня... а по окончании акта налетел на меня с кулаками... попомни, говорит, сегодняшний день, Егоров... я тебе этого не прощу... отомстит мне Вальяно... я его знаю...

Расстроенного вконец Егорова напоили, накормили...

Прошло некоторое время... Поставили князя Серебряного. Пьеса для детей особенно интересная и понятная.

Вальяно в этой пьесе играл Митьку, который выступает в единоборстве с каким-то окольным. Митька вступает в борьбу с дубиной, а его противник со шпагой. По ходу действия Митька одолевает противника, избивая его дубиной. Окольного играл Егоров. Эта сцена прошла очень живо – Митька одолел и бил как следует окольного. Мы были довольны игрой и Вальяно, и Егорова. По ходу пьесы мы были всецело на стороне Митьки – так и надо было окольному!

Вернувшись из театра счастливые и довольные интересной пьесой, мы с большим аппетитом ужинали и пили чай.

Вдруг вбегает мама из кухни, растерянная, и задыхающимся голосом говорит: «Сергея, там на лестнице или в

сенях кто-то ворочается, охает и стонет... я напугалась до смерти... и руки, и ноги дрожат... не случилось ли чего-нибудь там!»

– Что ты пустяки говоришь, кому там стонать? Это тебе послышалось... Пора привыкнуть, наконец, к тому, что гробов бояться нечего. Как тебе не стыдно, взрослый человек, а всякой чепухе веришь...

Дело в том, что в первом этаже того же дома, где мы жили, была гробовая мастерская гробовщика Кабанова, и в сенях, через которые мы проходили к лестнице в наши антресоли, у стен обычно стояли сделанные за день гробы.

Мама была суеверна и по вечерам боялась выходить в сени и на лестницу. Поэтому всякий раз, как ей надо было пойти или в чулан, или куда-либо в другое место в вечернее время, она неуклонно требовала, чтобы ее кто-нибудь из нас сопровождал.

Страхи мамы перед гробами заразили и нас – мы тоже через сени с гробами и по лестнице стали бегать, а не ходить: временами охватывало такое чувство, что вот-вот или схватит тебя кто-нибудь сзади, или появится перед глазами какое-либо существо в белом. Мама стала уверять, что она хорошо слышала стон...

Вооружившись поленом и косарем, которым щеплют лучину, – другого подходящего оружия у нас в доме не оказалось, – папа пошел в сени, сопровождаемый мною со свечей в руках, Лелей и мамой,

державшихся на почтительном расстоянии от нас двоих.

Действительно – кто-то стонет!

Папа кричит: «Кто ж там?!»

– Это я, Сергей Александрович, – Егоров...

– Где вы? Что с вами?!

За углом уборной на скамейке сидел Егоров, придерживая рукой поясицу.

Папа помог Егорову встать – он был пьян, но на ногах хорошо держался. Егоров, пока мы его вели, несколько раз останавливался, стонал и хватался за поясицу. При попытках выпрямиться он стонал сильнее, тотчас же переходя в согнутое положение.

Когда усадили Егорова в комнате на кушетку, на которой он мог принять более безболезненное положение, он трагически заявил: «Как он меня бил... что ни удар, то я чувствовал... бьет от души... как он бил!.. публика хохочет, а он бьет... и больше ничего... публике весело... и убежать нельзя... пиесу испортишь... бьет и под хохот публики приговаривает – вот тебе за посланника, не порти чужих ролей!» Безнадежно трагически махнув рукой, Егоров продолжал: «Помните, я говорил, что Вальяно отомстит... отомстил... и ничего не скажешь... в роль вошел... на то и актер... да еще первый»

Папа и мама предложили пригласить врача.

– Нет, нет и еще раз нет!... Что мне доктор, когда... на душе ад... кипенье... лучше дайте мне рюмочку-другую...

– Не будет ли вам, Василий Федорович, вы, кажется, уже выпили? – осторожно вмешивается мама.

– Да, я после этого пил, много пил... несите, говорю, скорее полбутылку, пока не умер... несите... не бойтесь, я благороден... заплачу... побежали в буфет... буфетчик поверил... записал за мной... хочу, чтобы забыть... женщина, благородная женщина – помощи страдающему брату...

Егорову дали водки несколько рюмок и отвели его спать.

Несколько дней Егоров жаловался на боль в поясице, а затем все вошло в его обычное русло.

На другой же день мы с Лелей играли на своей сцене «Князя Серебряного» и в частности сцену избиения окольного – я играл с успехом Митьку, но до слез Лельку не довел.

Сцену мы устроили в углу той комнаты, в которой спали, поставив к стене 2 доски, заклеенные обрезками старых обоев, и повесив на сахарную бечевку простыню, которую можно было поднимать кверху, подтягивая двумя бечевками, привязанными к нижним углам нашего занавеса.

Главные роли играл я, вторые роли играл Леля и приходившие к нам товарищи.

Пиесы мы сочиняли сами тут же во время исполнения – говорили, что кому в голову придет, придерживаясь сюжета какой-либо из пиес, виденных нами в театре.

Нашими зрителями были: няня, папа, мама, приходившие к нам гости – взрослые и дети. Иногда приходил и Егоров, который видел, как мы играли Отелло и Гамлета, пользуясь примерами его блестящего исполнения классиков.

Наряду с этим я устроил маленький театр в ящике из-под каких-то покупок. В этом театре у меня были и кулисы, и деревья, которые ставились посередине сцены, и так называемые «задники» разных типов – и стены комнат и дворцов, и пейзажи. Артис-

ты вырезывались мною из иллюстрированных журналов, из газетных объявлений, наклеивались на картон от папиросных и конфетных коробок; эти же журналы служили мне и для вырезывания деревьев, видовых панорам для задников и пр. В этом театре я ставил различные пьесы, говоря за всех действующих лиц и женскими головами, и мужскими, что я делал, сгущая голос и придавая звуку хриплый оттенок.

Наши снисходительные зрители обычно давали одобри-

тельные отзывы о нашем и особенно моем искусстве; это поднимало нашу энергию и толкало на новые искания путей театрального отображения виденного и слышанного.

Эта близость к театру, несомненно, сыграла роль в поддержании исключительно большого интереса к сцене, на которой в дальнейшем я подвизался с большим успехом как режиссер и как актер комических и так называемых «характерных» ролей.

Александр Сергеевич ДУРНОВО (1876-1944). Воспоминания. Рукопись. КОУНБ. Орфография оригинала сохранена.

П.Н. ОРЛЕНЕВ

«В КОСТРОМЕ Я В ПЕРВЫЙ РАЗ СЫГРАЛ ГАМЛЕТА»

«Подлинный король сцены» Павел Николаевич Орленев в конце XIX – начале XX века весьма успешно гастролитировал по России, бывал не раз и в Костромском театре, где играл царя Федора Иоанновича, Раскольникова, Дмитрия Карамазова, Гамлета. В Костроме познакомился с Аллой Назимовой, которую увез в Америку, где она стала знаменитой киноактрисой. В 1926 году Павел Орленев получил звание народного артиста Республики.

В то время во всех московских газетах печатались объявления на первой странице. Посылались эти газеты в провинцию. Через несколько дней я начал получать массу телеграмм, и все с оплаченными ответами и приглашением приехать на гастроли. Мне предлагали прекрасные условия. Тогда все антрепренеры предлагали треть валового сбора, дорогу в оба конца и номер в гостинице. Я не отвечал на эти телеграм-

мы, но после второй гастроли ко мне пришел в уборную один из моих первых антрепренеров, у которого я, будучи молодым актером, создал роль сапожника в водевиле «С места в карьер» – Д.А. Бельский. Он очень просил выручить его, приехать на восемь спектаклей в Кострому, говорил, что мы сыграем по четыре спектакля «Федора» и «Преступление». Я опять стал отказываться, говоря, что как только кончу с театром Кор-

ша, сейчас же примусь за работу над Карамазовым, которого я буду играть у Корша. Он стал убеждать меня сыграть раньше Карамазова в Костроме, говорил, что я в Москву приеду уже с готовой ролью, сыграв в Костроме под его режиссерством. Этим он меня убедил, и я обещал к нему приехать.

Спектакли у Корша кончились, и я, списавшись с Бельским, просил его найти мне уединенную комнату, где бы я

мог, не встречаясь с его актерами, заканчивать работу. В труппе Бельского я встретил начинающую актрису Аллу Назимову. Увидев ее в роли Поппеи в «Камо грядеши», я решил, что только она будет играть роль Грушеньки. Труппа, да и сам Бельский протестовали против этого, но я уже почувствовал, что слово гастролера – закон, и настоял на своем. Все мои гастроли прошли с материальным и художественным успехом, затем я приступил к репетициям «Братьев Карамазовых». В первый раз мне роль совсем не удалась. Во второй спектакль я уже почувствовал роль. (1) (73) В это время я получил приглашение в Вологду к М.М. Судьбинину. Там также с большим успехом провел я свои гастроли.

В этом городе я начинал в 1886 году свою карьеру, и теперь одевался я в той же самой дорогой для меня по детским воспоминаниям маленькой общей уборной, и здесь получил телеграмму от Бельского из Костромы с просьбой повторить мои спектакли, так как публика еще не вся пересмотрела их. Настроение мое в это время было очень нервное: хотелось все больше и больше развернуть себя, и я почувствовал страшное влечение осуществить давнишнюю мечту свою сыграть Гамлета в переводе Полевого. Я еще с детства знал его наизусть. Оставаясь один, я все время играл с большим увлечением монологи Гамлета.

Кончив гастроли, заработав большие деньги, я решил устроить своим сотрудникам товарищеский ужин. Кутили мы два дня, и мне совершенно не с чем было выехать. Хорошо, что мне поднесли дорогие золотые часы, и я их послал заложить, расплатился с гостиницей и поехал опять в Кострому, где возобновил свои гастроли. Я сказал Бельскому о своем желании сыграть Гамлета, и он мне обещал сделать новые декорации и выписать из Москвы стильные костюмы. В январе я был приглашен на гастроли в Рязань к Зинаиде Александровне Малиновской, умнейшей женщине и благороднейшему человеку. Я у нее гастролировал больше трех недель, делая полные сборы.

Помню нашу встречу с Шаляпиным – я еще и раньше встречался с ним у известного артиста Мамонта Дальского. Шаляпин в то время «приживал» у Дальского и больше был на побегушках. Бывало, Федор Иванович (он служил хористом в Мариинском театре (2) (76) подойдет к пианино и выколачивает одну ноту и гудит, пока Дальский его не прервет и строго спросит: «А ты забыл, какой сегодня день? – среда». Это значит – на Невском в колбасной «Мария» дежурное блюдо сливочных сосисок, и Шаляпин сейчас же отправляется за сосисками. Но, помню, раз он на пути к двери обернулся и промычал нам всем: «Погодите, сукины дети, я вам покажу, кто я».

В Рязань Шаляпина привез знаменитый Михаил Валентинович Лентовский, когда-то гремевший в Москве, «маг и волшебник», как многие его называли. Он снял для Шаляпина концертный зал на два вечера. После второго концерта Шаляпин прислал ко мне в уборную своего приятеля Владимира Алексеевича Гиляровского. Он мне передал приглашение Шаляпина после спектакля «Федора» приехать на вокзал. Как раз при В.А. Гиляровском на этом спектакле произошел инцидент: пришел вице-губернатор к З.А. Малиновской с требованием, чтобы Орленев не смел на сцене во время исполнения «Федора» креститься. А я тогда был пропитан насквозь Дмитрием Карамазовым, его удалым духом, и сказал Малиновской: «Я не только вашего вице, но и самого губернатора в 24 часа выставлю из Рязани». Вице-губернатор стоял тут же в коридоре, и Малиновская стала убеждать его, что я сумасшедший. Вице-губернатор удалился, а я пошел играть. Оставшийся в уборной Гиляровский написал на моей коробке папирос:

Здесь Орленева известного лишили знамения крестного.

Дядя Гиляй.

Спектакль я все-таки благополучно провел в крестах. После спектакля я поехал на вокзал. Поезд отходил в семь часов утра. Шаляпин пил коньяк и был в ударе. Говорили мы с ним об искусстве, и он обещал прислать мне длинное

подробное письмо, он спяну все мог обещать. Мы выпили весь буфетский коньяк, и когда его не стало, Шаляпин послал хозяина буфета искать коньяк по аптекам, а я невольно вспомнил, как Мамонт Дальский посылал его за сосисками.

Из Рязани в Кострому меня отправили наложенным платежом, так как я брал всегда у антрепренеров деньги на дорогу, а в следующем городе новый антрепренер высылал ему мой долг.

1901 год. В Костроме я в первый раз сыграл Гамлета. (3) (78) Гамлет в первом моем толковании удался. Приехал мой друг и инсценировщик Константин Дмитриевич Набоков из Петербурга в Кострому смотреть Гамлета. Он остался доволен и сказал мне, что А.С. Суворин просит меня сыграть в Петербурге Карамазова. А я уже почувствовал всю прелесть гастролера: все за тобой ухаживают и уборную наполняют цветами, сам назначай кому хочешь роли, да и вообще пиши свои законы. Я подумал и сказал Набокову: «Передай Алексею Сергеевичу, если он хочет выписать меня в Петербург как гастролера, я сейчас же все брошу и приеду». В тот же день Набоков послал ему мой ответ. Суворин протелеграфировал: «Ожидаю с нетерпением».

Закончив свои гастроли, я на масленице приехал в Петербург. Постом были объявлены гастроли в Малом те-

атре. Актеры, увидав мою гастрольную афишу, стали протестовать, говоря, что это их дискредитирует. Где-то бродяжил человек, пьянствовал – и вдруг его выпускают в красной строке. Когда дирекция объявила мне о протесте актеров, я страшно возмутился и, разгоряченный, поехал к старику Суворину объясняться. «Почему, – закричал я на него, – вы им не объявили, что меня вы позвали на гастроли? Я только тогда согласился приехать, когда получил на это ваше согласие. Я об условиях с вами не говорил, но красная строка мне необходима для продолжения моих гастролей по провинции». И я ему продиктовал: «Пишите им сейчас же приказ, чтобы гастроли мои были, иначе вы покинете Малый театр». Милый старик согласился и написал приказ. Гастроли состоялись, имели большой успех, сборы были полные, но в это время я получил повестку с извещением, что должен отсидеть неделю на Семеновском плацу за прежние скандалы.

Помню, пришлось мне сидеть на четвертой неделе поста. Спектаклей не было. Перед тем как отправиться в тюрьму, я получил пьесу Гауптмана «Микаэль Крамер», которая должна была пойти в бенефис Якова Сергеевича Тинского в театре Суворина. Увидав, что роль очень мала, я сказал, что буду играть, если к пьесе пристегнут один из моих водевилей

– «Невпопад». Дирекция согласилась, а я с пьесой «Крамер» отправился отсиживать наложенное наказание. Когда мы ехали с помощником пристава в тюрьму, вспомнив о том, что там не дают пить, мы заезжали во все пивные и рестораны, встречавшиеся на нашем пути, «набираясь духу» на целую неделю. Случайно я попал в камеру № 23, в ту самую, где год назад сидел К.В. Бравич, тоже за буйство...

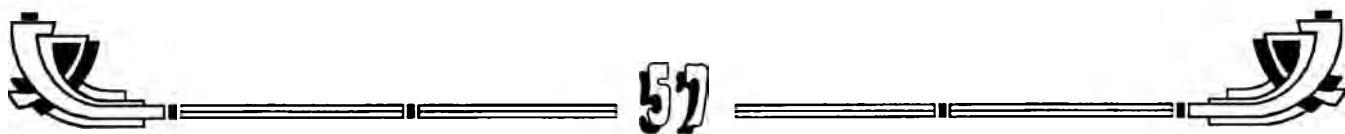
Примечания

1) (73) Орленев гастролеровал в Костроме 17-28 ноября 1900 г. Там 24 ноября он впервые сыграл Дмитрия в «Братьях Карамазовых». «Талантливый артист исполнением этой роли лишней раз доказал свою высокую способность к истолкованию персонажей психически неуравновешенных», - писал 26 ноября «Костромской листок». При участии Орленева шли также «Царь Федор Иоаннович», «Преступление и наказание», «Возмездие» П.Д. Боборыкина.

2) (76) Ошибка: Шаляпин не служил хористом в Мариинском театре.

3) (78) 2 января 1901 г. спектаклем «Царь Федор Иоаннович» Орленев начал новый тур гастролей в Костроме. 10 января он впервые сыграл роль Гамлета и ею же 14 января закончил гастроли. «Костромской листок» сдержанно писал 12 января: «Без сомнения, г. Орленев много и долго поработал над ролью принца датского; игра его, за немногими исключениями, была ровна, красива и в некоторых отдельных сценах оригинальна; таково исполнение знаменитого монолога «Быть или не быть». Монолог этот артист начал в глубокой задумчивости с книжкой в руке, как будто бы он высказывался по поводу записанных в ней мыслей, затем тон его окреп, и он, кажется, вопреки характеру всего монолога, вложил в дальнейшие слова много жару и решимости... Сильно и правдиво проведены были г. Орленевым сцены с Офелией («Иди в монастырь») и сцены с комедиантами».

«Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим». «Искусство». 1961 г.

«МЫ РАБОТАЛИ В КОСТРОМЕ, ДЕЛАЯ ТВОРЧЕСКИЕ ПРОБЫ И ЗАГОТОВКИ...»

Зимой 1919 – 1920 года костромские театралы имели возможность наблюдать творческие искания двух молодых режиссёров, ставших впоследствии известными советскими театральными деятелями, – Алексея Дмитриевича Попова и Николая Васильевича Петрова. Оба они начали свой театральный путь в МХТе, правда, позднее Петров переехал в Петроград и до своего приезда в наш город уже «сумел покорить и заставил признать себя даже спесивых премьеров Александринской сцены и саму М. Г. Савину»¹. О своём костромском сезоне Н. В. Петров написал позднее в своей книге «50 и 500» (Всероссийское театральное общество, 1960 г). Мы предлагаем страницы этих воспоминаний. А в качестве комментария к мемуарам прилагаем в сокращении несколько публикаций из костромской газеты «Красный мир».

Обстоятельства, предшествовавшие приезду труппы петроградского театра в Кострому, можно понять из двух корреспонденций костромского журналиста Василия Старикова. А появившаяся в газете рецензия на один из спектаклей петроградской труппы секретаря Костромского горкома партии П. А. Бляхина, впоследствии автора знаменитых «Красных дьяволят» и других книг и киносценариев, о которой умалчивает в своей книге Петров, существенно дополняет рассказ об атмосфере театральной и общественной жизни Костромы 1920 года.

... Через пять дней² удивлённые костромичи наблюдали, как через Волгу, покрытую белым снежным ковром, медленно тянулся обоз из пятидесяти семи розвальней, на которых перевозился театральный груз и ехали актёры.

Мы привезли с собой полностью четыре готовые постановки. Костромичи же привыкли, что спектакли зимнего сезона проходят в стандартных, существующих в театре декорациях, и им было внове, что театральная труппа привозит с собой свои декорации, костюмы и мебель. Что-то в этом было не так, да и труппа выглядела как-то странно.

Не усмотрели костромичи среди нашей компании ни

привычного комика, ни героя, ни героини, ни комической старухи, которые в жизни носили свою театральную маску и так разительно отличались от обычных людей.

Удивление костромичей сменилось огорчением, а огорчение породило и недоверие.

– Кто же у них будет играть героинь?

– Да и героя тоже не видать!

– Ну разве может сезон быть без комика?

– Ох, уж этот Полтевский³. И кого это только он нам привёз?

Мы не обращали внимания на эти шушуканья и разворачивали подготовительные ра-

боты к открытию сезона, действительно, в невиданных для костромичей масштабах. Убеждённые, что сумеем завоевать их любовь, мы решили выпускать каждую неделю новую постановку, полностью делая для неё новые декорации и костюмы. Четыре готовых спектакля давали нам месячный резерв времени, и мы смело приняли такой напряжённый план. Оборудовали декорационную и костюмерную мастерские и приступили к работе. Помещение же столовой, ее стены и потолок расписали сообразно своим творческим индивидуальностям два приехавших с нами художника: А. Божерьянов и Ю. Бонди.

Если в прошлые провинциальные сезоны мы целиком подчинялись театральному режиму провинции, то на этот раз нам – я думаю, в то время единственному театру на необъятной территории России – удалось впервые подчинить провинциальное дело своим творческим законам.

Интересно, что в это же время в Костроме находился еще один театральный коллектив, точнее, театр-студия, так как он не претендовал на ежедневные спектакли и только иногда показывал свои работы. Руководил этой студией А. Д. Попов.

Итак, сезон открылся, как и подобает открываться в русском театре, «Ревизором». Декорации были Бориса Кустодиева. Спектакль имел шумный успех у костромичей, и мы были очень довольны.

Второй постановкой была «Жизнь человека» Л. Андреева. Спектакль шёл, с нашей точки зрения, вполне благополучно. Но всех нас, помню, поразило одно обстоятельство: зритель никак не реагировал на происходившее на сцене. Полная тишина во время действия, никаких реакций по окончании актов и абсолютное безмолвие в конце спектакля. Как будто публика присутствовала на гражданской панихиде – даже в антрактах все разговаривали шёпотом.

Вспоминаю, какой горячий спор возник у нас после спектакля. Наиболее восторженный и вечно увлекавшийся Саша Божерьянов кричал:

– Вот это успех! Дошло! Забрало!..

Другие спорили с ним и утверждали, что это скорее похоже на катастрофу. Подождём второго спектакля.

И на втором спектакле «Жизни человека» произошло то же самое.

Спор наш получил неожиданное разрешение в городском комитете партии, куда я был приглашён после второго спектакля.

– У нас нет никаких оснований запрещать ваш спектакль, он очень хорош, и вы видите, что зрительный зал был битком набит на обоих представлениях, но мы очень просим вас больше его не играть. Уж очень он пессимистичен, а наша жизнь сейчас хоть и трудная, но героическая. Слишком большие противоречия между действительной жизнью и вашим спектаклем. Повторяем, мы не настаиваем, а просим его больше не играть.

Я обещал, что мы не будем больше играть «Жизнь человека», и, идя домой, размышлял о тех новых взаимоотношениях театра и зрителя, которые складываются на наших глазах.

Да, мы столкнулись с новым явлением в жизни театра и начали как-то по-иному подходить к репертуару. Для нас стало яснее, почему «Борьба» Голсуорси принималась зрителем так страстно и активно и почему к «Драме жизни» Гамсуна он оставался равнодушным.

Современную, актуальную тему требовал зритель!

Именно в Костроме впервые задумался я над этим вопросом, хотя, разумеется, не представлял еще себе хорошенько всю его глубину и сложность.

Что же касается «Жизни человека», то мы сняли этот спектакль с репертуара, хотя по плану должны были сыграть его шесть раз.

Однажды после репетиции ко мне подошёл помощник режиссёра и сказал, что меня срочно вызывает какой-то гражданин. Я вышел.

– Петров?

– Да.

– Пойдём.

Содержание этого лаконичного, всего из трёх реплик, разговора было мне до конца понятно. Продолжение – шло уже в Чрезвычайной комиссии.

После обычных вопросов об имени, фамилии, происхождении – сразу:

– А Леви знаешь?

– Максима Филипповича? Знаю! А в чём дело?

– Кто он? – продолжался допрос. – Что за зашифрованную переписку ведёте с ним?

Следователь вынул из папки какую-то бумагу. Всё сразу прояснилось, едва я взглянул на неотправленную телеграмму, которую посылал две недели тому назад.

Подбирая репертуар, хотя бы в какой-то мере отвечающий нашему времени, мы решили поставить одноактную пьесу Артура Шницлера «Зелёный попугай». События пьесы развиваются в день взятия Бастилии. Пьеса эта

глубоко театральна, её основная политическая тема решена автором в атмосфере жизни кабачка, где актёры разыгрывают жизненные сцены, полные глубочайшего трагического и политического содержания. Но одного «Зелёного попугая» для целого спектакля было мало, и мы решили поставить одновременно с ним пантомиму «Шарф Колумбины». Музыка к этой пантомиме написана Донаньи, а либретто – Артуром Шницлером.

Клавир же этой пантомимы, постановку которой мы собирались, но не успели осуществить в Петрозаводске, в один из исполнительских вечеров «Таранты» находился у М. Ф. Леви, и в телеграмме я просил переслать клавир мне. Клавир представлял собой уникальную ценность, и я послал Леви телеграмму следующего содержания:

«Очень прошу шарф Колумбины переслать оказией Марии Фёдоровне, она оказией перешлёт мне Кострому».

– Что такое за шарф Колумбины? Почему оказией? Кто такая Мария Фёдоровна? – продолжался допрос.

У меня в кармане как раз была корректура ближайшей афиши, где в анонсе объявлялось, что следующими постановками будут «Зелёный попугай» Шницлера и пантомима «Шарф Колумбины».

Это окончательно рассеяло сомнения моего следователя, и, уже вежливо прощаясь, он просил прислать билетик на спектакль.

– А относительно телеграммы вы не беспокоитесь. Я её сегодня же срочно отправлю, сегодня же будет вручена.

На этом мы расстались. А на премьере спектакля Шницлера мой новый знакомый пришел за кулисы поблагодарить за удовольствие.

После случая с «Жизнью человека» отношения с партийным руководством города у нас с каждым днём укреплялись.

Помню, что секретарь горкома Павел Бляхин занимался, помимо своих партийных дел, и литературой. Мы поставили его пьесу «Провозглашение коммуны» и тем самым завязали с автором самые дружеские связи. Верным другом нашего театра был и председатель городского исполкома, старый большевик Борис Михайлович Волин. В моём архиве сохранилась такая записка.

«Т. Петров.

Будет ли пробный грим?

Для Маркса у меня нет ни сюртука, ни белой груди, ни монокля (чёрного шнурка). Придётся Вам озаботиться обо всём этом.

С приветом Бор. Волин».

Вспоминаю, в вечер, посвящённый Дню победы, 15 февраля 1920 года, мы решили после официальной части показать ожившие портреты Маркса, Энгельса и Ленина. Точно загримированные и одетые по портретам, актёры должны были стоять за тюлем, натянутым на большие золочёные рамы, и по услов-

ному сигналу произносить текст из произведений, подобранных к этому дню.

В горкоме эта мысль очень понравилась, но были высказаны пожелания, чтобы исполнителями этих образов были не актёры, а люди, которых предложит горком.

Исполнение образа Маркса взял на себя Борис Волин. Готовясь к этому выступлению, он и прислал мне вышеприведённую записку.

<...>

В конце сезона я решил осуществить задуманную постановку на сцене «драмы для чтения» А. В. Луначарского «Фауст и город».

Я доложил товарищам по Оргупу свой план, он был принят, а ввиду сложности постановки мне был отпущен двухнедельный срок для работы.

Две недели для изготовления декораций, шитья костюмов и музыкального решения спектакля? Две недели для репетиционной работы с актёрами? И всё это вы успели и сделали? – такие вопросы вправе задать мне читатель, хотя бы чуть-чуть знакомый с процессами работы в театре, ну, а профессионал театра, вероятно, просто улыбнётся и скажет, что у автора этих строк неплохая фантазия. И я, пожалуй, тоже соглашусь с ним, так как даже фотографии этого спектакля, лежащие передо мной, скорее рождают мысль, что это фотографии твоих мечтаний, а не реальных дел.

И всё-таки с документами не поспоришь – они неумо-

лимо доказывают, что так было и что ты умел так работать. А энергию так работать рождала мечта о новом театре, который мы строили, и уверенность, что мечта эта осуществима.

Мы работали в Костроме, делая творческие пробы и заготовки для репертуара нашего театра, когда он вернётся в Петроград и откроет свои спектакли в помещении на Фонтанке.

«Борьбу» Голсуорси, трилогию Гамсуна «У врат царства», «Драма жизни» и «Закат», «Фауст и город» Луначарского и шницлеровский вечер «Зелёный попугай» и «Шарф Коломбины» мы считали творческими заготовками, которые нетрудно будет довести до конца, по-новому, в масштабах эстетических требований Петрограда оформить, и тогда они смогут прочно войти в репертуар Малого драматического театра.

Оставалось сыграть несколько последних спектаклей, попрощаться с радушными костромичами, упаковать большой театральный багаж и двинуться всей компанией на родину.

Мысли всего коллектива были уже в Петрограде, и вдруг за три или четыре дня до отъезда из Костромы мы получили телеграмму от комиссара театров и зрелищ, гласящую: «В связи с большими успехами проделанной вами работы и желая сохранить дружескую связь с костромичами, предлагаю вам

продолжить работу в Костроме ещё на один год». А вслед за этим мы узнаём, что наше помещение на Фонтанке передано Большому драматическому театру.

– Так вот в чём дело...

Так как большинство театрального багажа было уже отправлено, то мы решили не выполнять приказа и, приехав в Петроград, драться за свои права.

Но из драки, конечно, ничего не вышло, и тусклый, равнодушный взгляд Крюкова победил наш пламенный энтузиазм. Театр распался, рассыпался и был ликвидирован.

«Утраченные иллюзии» – так назвал Божерьянов наше последнее совещание, когда было решено закрыть театр.⁴

В ПЕТРОГРАД ЗА АРТИСТАМИ

Около двух недель тому назад мы с тов. Полтевским по поручению театральной коллегии гор. отдела нар. образ. выехали в Петроград с целью пригласить один из петроградских театров на зимний сезон в Кострому или, если бы это не удалось, подыскать ответственного режиссера и главные персонажи для драматической труппы. В последнем случае предполагалось пополнить труппу местными любительскими силами.

В Петрограде нам повезло. Отдел театров и зрелищ в лице комиссара театров – артистки М. Ф. Андреевой со-

чувственно откликнулся на предложение Костромы и согласился отпустить на сезон молодой, но уже успевший окрепнуть и приобрести симпатии петроградской публики коллектив малого драматического театра. Впрочем, едва ли бы нам удалось заполучить этот театр в Кострому, но не бывать бы счастьем, да несчастьем помогло. Помог обострившийся в Петрограде топливный кризис, театры рисковали остаться нетопленными – и разрешение было получено... Жилищный отдел пошел навстречу в смысле подыскания квартир для приезжающих, и, если таковые будут найдены, труппа к 10-му декабря будет здесь. 15-го декабря предполагается открытие сезона.⁵

Малый драматический коммунальный театр, с которым заключен договор на текущий зимний сезон, является одним из интереснейших театральных организаций Петрограда.

В течение нескольких лет слепилась и крепла актерская семья. Прошлую зиму труппа провела очень удачный сезон в Петрозаводске. В этом году молодой театр уже первыми постановками выдвинулся в первые места среди многочисленных театральных коллективов красной столицы. Из переговоров с отд. театров и зр. видно было, как ценят и любят эту многообещающую труппу в Петрограде. <...>

Мне удалось видеть лишь первую постановку этого сезона – «Ревизор» в декораци-

ях и костюмах по эскизам худ. Кустодиева да ещё генеральную репетицию старинной народной пьесы испанского классика Лопе де Вега «Овечий источник» («Фуенте Овехуна»).

Обе постановки производят очень хорошее впечатление.

«Ревизор» идёт при переполненном зале.

Я видел, как зал, наполненный школьниками, радостно отзывался на знакомые и всегда новые слова гоголевской комедии. При театре в настоящее время работает довольно многочисленная драматическая студия.

Возможно, что в случае переезда труппы в Кострому эта работа будет продолжена с костромскими любителями.

Выехать в Кострому труппа рассчитывает почти в полном составе. Приедет, веро-

ятно, около сорока человек артистического и 5–6 технического персонала.

С труппой приедет художник-декоратор Юрий Бонди⁶, м. б., свой композитор.

Во главе труппы стоит Н.В. Петров, около 8 лет работающий режиссером в Петроградском государственном Александровском⁷ театре.

По договору коллектив будет давать около 20 – 22 спектаклей в месяц, причем еженедельно: один спектакль для красноармейцев, один для школьников; на два спектакля билеты будут распределяться по рабочим организациям. Следующие спектакли будут предоставлены для горожан г. Костромы. В репертуаре приезжающей труппы, кроме вышеуказанных пьес, имеются пьесы: «Брандт», «Синяя птица», «Михаэль Крамэр»,

«Гибель Надежды», «Возчик Геншель», «Легкомысленная комедия», «У моря», «Дядя Ваня», «Бешеные деньги», «Апостол Сатаны» («Ученик Дьявола») и много других.⁸

Примечания

¹ Зоркая Н. М. Алексей Попов. – М.: Искусство, 1983. С. 106.

² На предыдущей странице мемуаров рассказ о премьере «Маскарада», состоявшейся в столице в декабре 1919 г.

³ А. Н. Полтевский – инструктор по художественному воспитанию Костромского отдела народного образования.

⁴ Петров Н. В. 50 и 500. – М.: ВТО. 1960. С. 181 – 187.

⁵ Красный мир, 3 декабря 1919 г.

⁶ Журналист допустил ошибку. Юрий Михайлович Бонди и после отъезда театра Н. Петрова еще работал в Костроме, и в следующем сезоне он впервые осуществил на костромской сцене постановку драмы А. Блока «Роза и крест», следуя непосредственным указаниям автора.

⁷ Так напечатано в газете.

⁸ Красный мир, 5 декабря 1919 г.

Подготовил
В.К.СМОРЧКОВ

Б.А.БАБОЧКИН

«НАШИМ ОСНОВНЫМ ЗРИТЕЛЕМ БЫЛИ КОСТРОМСКИЕ ТЕКСТИЛЬЩИКИ...»

Первую известность двадцатилетний Борис Бабочкин получил в Костроме, где появился в 1925 году. Играл в спектаклях «Блудливый директор», «Проститутка», «Федька-есаул». Образ Федьки помог ему в работе над образом Чапаева в одноименном фильме братьев Васильевых, где Бабочкин планировался вначале на роль Петьки. Из Костромы Борис Андреевич уехал в Ленинград, затем переехал в Москву, где в 1934 году и вышел знаменитый фильм, принесший главному герою всемирную известность. Учителем своим народный артист и трижды лауреат государственных премий Б.А. Бабочкин считал актера И.Н. Певцова, который сыграл в «Чапаеве» роль белогвардейского полковника Бороздина. И.Н. Певцов также играл на сцене Костромского театра – в 1906 году.

Я начал свою жизнь профессионального актера в 1921 году. Я застал старый театр, старый в полном смысле сло-

ва, дореволюционный – ростки нового, советского только начинали пробиваться. В 1925 году я служил в Кост-

роме в театре имени А.Н. Островского.

Современный репертуар и его нэповский уклон были

представлены такими комедиями, как: «Блудливый директор», «Шпанская мушка» и «Контролер спальных вагонов» – в них я имел особенный успех. В качестве боевиков шли переводные новинки – «Проститутка» Виктора Маргерита, «Аборт» – автора не помню и т.д. – все в этом же роде. И вот на этом жизнерадостном фоне прошли у нас сразу три первые советские пьесы: «Виринея» Сейфулиной, «Яд» Луначарского и «Федька-есаул» Ромашова. Я был занят во всех этих пьесах. Вообще, в первые годы своей работы я играл каждый день. Боюсь, что теперь, играя недопустимо редко, я могу потерять легкость и свободу, приобретенную тогда, – это будет очень жаль. В «Федьке-есауле» я играл красноармейца-фронтовика, не помню, как его звали, но это была роль простака, а я тогда занимал ампула простаков. И вот на премьере в какой-то праздничный день мне пришлось единственный раз в жизни выйти на аплодисменты уже разгримированному и в собственном штатском костюме. Публика – нашим основным зрителем были костромские текстильщики – стояла, хлопала и кричала мне минут двадцать после того, как кончился спектакль. Я понял, что во мне они – вернувшиеся с фронтов гражданской войны – узнали себя. В дневнике Л.Н. Толстого от 14 октября

1909 года есть запись: «Произведение искусства только тогда настоящее, когда воспринимающий не может себе представить ничего иного, как именно то самое, что он видит, или слышит, или понимает. Когда воспринимающий испытывает чувство, подобное воспоминанию – что это, мол, уже было и много раз, что он знал это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого». То, что произошло между мной и публикой в этот вечер, и было вот это самое, и вылилось оно в то, что на театральном языке называется овацией, а для меня это было крещением, я как бы получил в этот вечер звание советского актера, я понял в тот вечер, что это значит – советский актер, и нет у меня с тех пор другого счастья и другого смысла жизни, как быть советским актером.

Вот эти встречи со зрителем, когда во мне, в создаваемом мною образе зритель узнает себя, и есть то главное, что мне нравится в современном нашем театральном искусстве, когда я актер. А когда я зритель, то мне нравится, что я на сцене вдруг увижу себя как человека, что-то вспомню о себе и узнаю себя. К сожалению, такие моменты бывают редко, слишком редко, и вот это мне в театральном современном искусстве меньше всего нравится. Слишком редко вижу я на сцене современ-

ного театра проявления настоящего искусства, вспышки подлинного таланта. Правда, средний актерский уровень повышается. Это замечал еще персонаж чеховской «Чайки» доктор Дорн, но сколько же пройдет времени, пока этот средний уровень повысится достаточно?

Мое отношение к современному театральному искусству, вернее к современному состоянию театрального искусства, очень противоречиво. Слова «нравится» и «не нравится» сюда, мне кажется, не совсем подходят. Я слишком люблю наш театр, чтоб сказать, что он мне «нравится». Но бывают моменты, когда я на вопрос, что в нем «нравится» и что «не нравится», ответил бы: разве мученику могут нравиться орудия пытки, жестокость которых он испытывает на себе каждый день? Впрочем, этот юмор слишком мрачен, чтоб определить отношение актера к своему театру. Мы любим наш театр, хотя он разочаровывает нас, вероятно, чаще, чем нужно и чем можно. Но каждое резюмирование вызывает в настоящем артисте новую энергию поиска, а поиск сам по себе – творческое счастье, а если этот поиск завершается находкой, открытием, то вся жизнь приобретает смысл.

«Театр», 1967, № 10.

Коллектив Костромской оперы на сцене драматического театра. 1923 г.

Худ. руководитель Б.М.Седой среди молодежи передвижного показательного театра. 1927 г.

Бригада Костромского театра на Калининском фронте. 1943 г.

Народный артист СССР А.Д.Попов среди артистов облдрамтеатра им. А.Н. Островского. 1948 г.

«ИСТРЕБОВАТЬ РЕГИСТР»

Ордер

г-ну полицмейстеру коллеж[скому] советнику Кузмину

[Для] донесения господину министру полиции рекомендую Вам немедленно истребовать от содержателя театра за его подписанием регистр разыгрываемым на театре пьесам. Причем к [...] вашему предписывается, дабы содержателем театра к представлению назначены одни только те пьесы, кои или означены будут в том регистре или на некоторые от г[осподина] министра полиции получено будет одобрение.

13 декабря 1811

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 4595, л. 346. Черновик.

[1811 год]

Репертуар

Декабрь

3, Воскр.: Военная тюрьма.

7, Четвер.: Благодетельный расточитель.

10, Воскр.: Лиза и Говорун.

14, Четвер.: Эдип в Афинах.

17, Воскр.: Русалка. Часть 1-я.

21, Четвер.: Клеветники.

26, Во втор.: Святочная шутка.

28, Четвер.: Вести и Два охотника.

31, Воскр.: Слуга двух господ.

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 4595, л. 348. Подлинник.

Январь 1812 года

Назначенным к разыгрываемым на Костромском публичном театре в текущем феврале и первых числах марта месяца пьесам честь имею представить при сем Вашему Высочайшему превосходительству регистр.

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 4595. Черновик.

Репертуар

Русалка, 2 часть.

Эдип в Афинах.

Димитрий Самозванец.

Русский солдат и Рассеянный.

9, пятн. Клевета и невинность и Несчастный.

11, воскр. Амфитрион.

13, втор. Святочная шутка.

15, четв. Замки на воздухе.

18, воскр. Недоросль.

19, понед. Дом сумасшедших и Черный человек.

20, вторн. Слуга двух господ в 3-х актах.

22, четвер. Клеветники.

25, воскр. Маска и Два охотника.

27, втор. Карл Великий.

29, четв. Амфитрион.

2, суббот. Ябеда.

3, воскр. Лиза и Жених [...]

Содержатель театра поручик Александр Глебов (1)

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 4595. Подлинник.

1) Документ частично утрачен.

**«ВНИЗ ПО ДЕБРЕ
К ПУБЛИЧНОМУ ТЕАТРУ»**

3 июня 1848 года

Его Высочайшему

господину исправляющему должность

Костромского гражданского губернатора

вице-губернатору

Костромской градской полиции

рапорт.

Александровская часть рапортом от 8 минувшего мая донесла градской полиции, что в низу горы, проходящей от дома нынешней губернской гимназии вниз по Дебре к публичному театру и посредине оной, сделались от весенних вод большие промоины, которые в дождливое время более увеличиваются, а ныне нет никакой возможности частными средствами исправить оных, между тем проезд по той горе становится затруднителен и даже опасен для проезжающих и проходящих [...]

[...] градская полиция в отвращение несчастных последствий и в поддержание горы от

совершенно разрушения сим вместе сообщила в означенный комитет (комитет мощения улиц. – ГД.), прося о немедленном исправлении поясненной горы [...]

Полицмейстер (прзб.)

Июня 2 дня

1848 года.

ГАКО. Ф. 133, б/ш, оп. 11, д. 3007, л.1-2. Подлинник.

«В ПОЛЬЗУ ДЕТСКОГО ПРИЮТА»

Из протоколов Костромского губернского попечительства детских приютов

1849 года марта 7-го дня.

[...] 5) Попечительница Мариинского детского приюта, заботясь о доставлении Мариинскому приюту средств к содержанию и умножению круга его действий, убедила многих благотворительных особ дать благородные спектакли в пользу Мариинского детского приюта в декабре 1848 и февраля 1849 года. Для этого подлежало устроить давно оставленный и почти разрушенный театр в доме купца Сыромятникова; надлежало также сделать новые кулисы и другие принадлежности. Устройство это произведено было под наблюдением и распоряжением губернского архитектора Григорьева и инженера г. Веткина за чрезвычайно среднюю цену; но и за тем оно стоило до 1500 р. сер[ебром], из которых пожертвовано было материалами и даже деньгами до 700 р. сер[ебром]. Остальные же были заплачены из вырученной за спектакли суммы. За всеми расходами поступило в пользу приюта 508 р. 77 С к. сер[ебром]. Устройство же театра, все кулисы и принадлежности к оным остались собственностью детского приюта и, без сомнения, впоследствии принесут большую пользу. [...]

ГАКО. Ф. 400, оп. 1, д. 16, л. 8. Подлинник.

«РАБОЧИХ БОЛЕЕ В ЗДАНИИ НЕ ВИДНО...»

1873 год

В Костромское губернное правление.
младшего архитектора
строительного отделения

рапорт.

Честь имею донести губернскому правлению, что из работ, предназначенных для укрепления потолка и стропил в здании театра в г. Костроме не произведены следующие: не вбито по паре скоб в стропила, не сделано укрепления шпренгеля над серединой сцены и не исправлена надлежащим образом подкосная система между аркой и шпренгелем над серединой сцены; работы эти не производятся уже несколько дней, рабочих более в здании не видно, и будут ли они приводиться в исполнение, неизвестно.

Вследствие чего честь имею изъяснить, что я более не могу наблюдать за зданием театра, так как неизвестно, будут ли продолжаться работы и когда они приведутся в исполнение; кроме сего, в самом скором времени я должен отлучиться из г. Костромы для окончания производящихся работ в казенных зданиях уездных городов Костромской губернии для осмотра зданий и составления предположения на будущий 1874-й год и вообще для исполнения многих поручений в губернии.

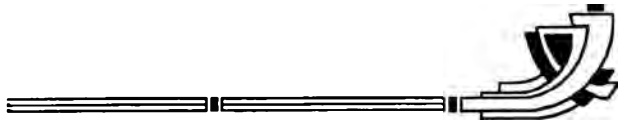
Младший архитектор Миролобов.

ГАКО. Ф. 137, б/ш, № 640. Подлинник.

«ДВА В ПОЛЬЗУ ГОРОДА СПЕКТАКЛЯ...»

Из журнала заседаний Костромской городской думы

[...] Городской думе в заседание 27 июня сего 1875 г. предложен вниманию доклад городской управы об отдаче в арендное содержание городского театра и проект кондиции, которая по выслушании определила: а) Проект кондиции утвердить, дополнив тем 1., чтоб два бесплатных в пользу города спектакля для усовершенствования театра даны были назначению городской управы один в декабре и другой в январе месяце каждого года, причем расходы на время означенных спектаклей по отоплению, освещению и найму музыкантов и служителей принять на счет города и 2., чтоб антрепренер не препятствовал производить ремонт театра в лет-

нее время и во всякое другое, когда не бывает представлений. На основании этих кондиций оставить театр за антрепенером Барским с 13 октября 1875 года по август месяц 1878 года с платою в каждый год по 800 р., но без буфетов, и просить И.Н. Чалева, В.А. Зотова и П.В. Логинава принять ближайшее завывание театром и иметь наблюдение за внутренним порядком в театре, сохранность театральное имущество и зданий, чистоту, исправность и своевременной ремонтровкой оных с разрешения управы.

Контракт с Барским уже заключен 8 июля. [...]

ГАКО. Ф. 207, оп. 1, д. 41, л. 192. Подлинник.

«С ТРУППОЙ ДРАМАТИЧЕСКИХ АРТИСТОВ»

1886 год

Господину начальнику Костромской губернии потомственного почетного гражданина Александра Николаевича Полубинского прошение.

Получив Ваше разрешение 17-го числа мая сего 1886 года через чиновника особых поручений господина Зейферт давать с труппой драматических артистов спектакли в городе Галиче, я снова обращаюсь с просьбой к Вашему Превосходительству дозволить мне дать по несколько спектаклей в городах Костромской губернии: Чухломе, Солигаличе, Кологриве, Ветлуге, Макарьеве, Юрьевце-Повольском и Кинешме.

К сему прошению уполномоченный от Товарищества Русских Драматических Артистов, потомственный почетный гражданин Александр Николаевич Полубинский подписался.

Мая 28 дня 1886 года. Город Галич.

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 3442. Подлинник.

«ПУБЛИКИ БЫВАЕТ ВЕСЬМА МАЛО»

[Декабрь 1886 года]

В [Управление] по делам печати.

Имею честь сообщить в Управление по делам печати, что Костромской городской те-

атр помещается в здании, принадлежащем городу, и с начала театрального сезона сего года по 1 мая 1887 года сдан в арендное содержание дворянину Владимиру Ивановичу Власову.

Драматическая труппа состоит из 17 лиц – 11 мужчин и 6 женщин; общий отзыв об артистическом искусстве труппы хотя вполне удовлетворителен, но публики в театре бывает весьма мало; в уездных же городах временные любительские спектакли в случае разрешения их устраиваются или в зданиях общественных собраний, или в земских.

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 3442. Черновик.

«ВОСПРЕТИТЬ ИСПОЛНЕНИЕ НА СЦЕНАХ...»

Май 1890 года

Уездным начальникам Костромской губернии.

Г[осподин] министр внутренних дел признал необходимым воспретить исполнение на сценах частных театров как столичных, так и провинциальных, комедии в 4 действиях графа Льва Толстого под заглавием "Плоды просвещения" [...]

Об этом вследствие сообщения Главного управления по делам печати от 28 апреля уведомляю гг. полицмейстеров и уездных исправников для зависящего распоряжения.

Подп. губернатор Калачов.

Скр. правитель канцелярии Хомутов.

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 2771. Заверенная копия.

«ОСТАЛОСЬ В ПОЛЬЗУ ИНВАЛИДОВ...»

9 января 1894 года

Отчет

По устройству спектакля в Костромском городском театре артистами под управлением А.А.Потехина 31 декабря 1893 года в пользу инвалидов.

Приход:

Выручено от продажи билетов 140 р.

Расход:

За помещение театра в пользу общества любителей театрального искусства 6 % со сбора 8 р. 40 к.
Музыка 20 р.
Освещение театра 7 р.
Авторских 5 р.
Отопление театра 6 р. 75 к.
Прислуге 14 р.
Реквизит 2 р.
За переписку ролей 2 р.
За печатание афиш 10 р.
Кассиру 2 р.
Парикмахеру 5 р.
Прокат разных вещей и порча театрального имущества 2 р.
Итого: 84 р. 55 к.

Осталось за расходом в пользу инвалидов 56 р. 45 к., которые и сданы в Костромское губернское казначейство 8 января 1894 года под квитанцию за № 266.

Полицеймейстер (нрзб.)

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 325, л. 2. Подлинник.

«ПОЛАГАЛ БЫ ДОПУСТИТЬ К ПОСТАНОВКЕ...»

[1903 год]

Его Превосходительству
Н.А. Звереву

Ваше Превосходительство
милостивый государь
Николай Андреевич.

Вследствие письма от 17 октября сего года [...] имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что ввиду полученного антрепренером Костромского городского театра Панормовым-Сокольским разрешения на постановку пьесы Горького "На дне" и произведенных им по этому случаю больших затрат, я нашел возможным по его ходатайству не препятствовать ему в постановке означенной пьесы в Костромском городском театре, при условии, однако, чтобы пьеса эта не была даваема им в праздничные дни, ни по уменьшенным ценам, чем по возможности будет

затруднен доступ на представление этой пьесы низшим слоям городского населения, которым значение и смысл подобной пьесы не может быть понятен. [...]

По тем же основаниям и на тех же условиях я полагал бы справедливым допустить к постановке этой пьесы на сцене кинешемского музыкально-драматического кружка имени А.Н. Островского.

[Губернатор Л.М. Князев]

ГАКО. Ф. 133, б/ш, № 2982, л. 34. Черновик.

Подготовила Г.В. ДАВЫДОВА,
научный сотрудник ГАКО.

СЪ ДОВОЛЕНІИ ПРОГРАММА НАЧАЛЪСТВА.

Въ Воскресенье 23-го марта 1914 года

Въ Коетромекомъ Городекомъ театрѣ данъ будетъ спектакль изъ произведеній А. Н. Островскаго.

Чистый сборъ со спектакля поступитъ на сооруженіе въ Москвѣ памятника знаменитому Русскому Писателю Коетромичу АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ОСТРОВСКОМУ.

Передъ началомъ спектакля артистъ Л. А. Орловъ-Романовскій скажетъ слово: „Краткій обзоръ литературной дѣятельности Александра Николаевича Островскаго“.

ПОСТАВЛЕННЫ БУДУТЪ:

Правда-хорошо, а счастье-лучше.
II-й актъ.

Безъ вины виноватые.
IV-й актъ.

Л ъ с ъ.
II-й актъ.

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ.
III-й актъ.

А П О Ф Е О З Ъ

„Островскій среди своихъ героевъ“.

Въ апофеозѣ читается стихотвореніе А. Н. Островскаго.
Режиссеръ артистъ Л. А. Орловъ-Романовскій
Распорядитель С. Е. Челюткинъ
Устроитель спектакля Н. Серафимовъ.
Възвѣщающій: Губернаторъ Л. М. Князевъ.

ГАКО. Ф. 133. Он. 2. Д. 12527. Л. 288

Драматург В.С.Розов (в центре) в гостях у коллектива Костромского драмтеатра. 1966 г.

Гастроли Костромского облдрамтеатра в Москве со спектаклем «Лейпциг-33». Артисты театра с послом НРБ в СССР Д.Жулиевым. 1972 г.

Главный режиссер П.И.Слюсарев (сидит второй слева) с актерами и ветеранами Костромского драмтеатра.
1974 г.

250-я постановка спектакля «Счастливый день». Справа в верхнем ряду –
главный режиссер В.А.Симакин, директор театра И.Ф.Ануреев. 1981 г.

« НЕСНОСНАЯ И ТЯЖЕЛАЯ ОБУЗА »

Театр глазами костромичей на страницах местной периодической печати начала XX века

На страницах местной периодической печати начала XX века отображен богатый материал о театральной жизни Костромы и работе городского театра. Такие известные общественные культурно-политические и литературные издания, как «Костромской листок», «Поволжский вестник», «Костромская старина» и другие – содержат многочисленные рецензии местных театральных критиков. Местная пресса того времени развеивает миф о том, будто костромская публика, как и подобает провинциальной, мало разбирается в театральном искусстве и восторженно принимает выступления местных театральных трупп и гастрوليрующих артистов. По материалам газет отчетливо видно, что местная публика была достаточно требовательна, и собрать полный аншлаги в театре было делом довольно непростым.

Наряду с восторженными отзывами о спектакле в газетных колонках можно встретить и самую суровую критику, а информация о несмолкаемых аплодисментах и переполненных помещениях театра нередко сменяется описанием скучающей публики в полупустом зале. Провинциальный зритель умел быть и благодарным, и совершенно равнодушным. Зависело это от ряда причин: высокие цены на билеты, неудачная и неинтересная постановка пьес (антреприз), предпочтение цирка театру и ряда других.

Стоит отметить и то, что роль театра в деле воспитания и просвещения костромичей в начале XX века признавалась довольно значительной, что также отражалось на страницах местной периодической печати.

ГОРОДСКОЙ ТЕАТР

В воскресенье 30 сентября гостеприимно открыл свои двери наш городской театр.

Открытие театрального сезона не отличалось ни торжественностью, ни оживлением.

Общее впечатление от этого «спектакля gala» получилось самое серенькое – публика, которой собралось достаточно, заметно скучала. Была поставлена драма Сумбатова «Муж знаменитости».

Неудачное открытие сезона тотчас же отразилось на сборе: уже на следующий спектакль театр был наполовину пуст.

Костромской листок. 1901. № 112. С. 2.

* * *

В пятницу 5-го октября состоялся первый общедоступный спектакль по удешевленным ценам. Шла драма Шпажинского «В старые годы».

Г. Бернатович, играя старика Ивкова, провел свою роль жизненно, правдиво и с темпераментом.

Достойным партнером ему был г. Глебов (Рахманов), от решившийся на этот раз от своих нехудожественных приемов игры.

Г-жа Кутузова (Клавдия) дала законченный и вполне отделанный тип беззаветно любящей женщины. Ярко реальное исполнение вызва-

ло шумное одобрение публики, особенно последний акт, проведенный ею с сильным драматическим подъемом.

Г-жа Елагина (Маша), несмотря на выигрышную роль, исполнила ее недостаточно ярко, благодаря однообразной читке.

Неподдельный юмор г. Баскакова (Чириков) вызвал в публике искренний смех.

В общем, пьеса смотрелась с интересом.

Публики на этот раз собралось значительно больше, благодаря, конечно, удешевленным ценам.

Костромской листок. 1901. № 114. С. 3.

* * *

Общее впечатление, вынесенное от спектаклей текущего сезона, крайне неблагоприятно. Публика по достоинству оценивает такое небрежное отношение к ее вкусам антрепризы, и отвечает на рекламные зазывания г. Бельскою упорным отсутствием. Например, 25 октября на «Сибирском Риголето» театр был совершенно пуст, причем надо заметить, что и те театралы, которые отважились посмотреть эту пьесу, бесплодно потеряли время.

Предупреждения, ограничивающие право публики аплодировать и вызывать артистов, неуклонно помещаемые антрепризой на всех программах, совершенно излишни, так как причин восторгаться дружным исполнением совсем не находится. Говоря это, мы не имеем в виду той части публики, у которой вызывает восторг пушечная пальба в «Измаиле» и «Варфоломеевской ночи».

Надеемся, что городская театральная комиссия воспользуется своим правом, выговоренным по контракту, и употребит свое влияние на антрепризу театра, заставив ее принять меры к улучшению мужского персонала труппы и вообще к поднятию интереса спектаклей.

Костромской листок. 1901. № 122. С. 3.

* * *

Вчера в городском театре состоялась первая гастроль Передвижного театра. Поставлена была драма Шниц-

лера «Фарисеи» – яркая, захватывающая пьеса, полная глубокого психологического и бытового содержания. Исполнение пьесы заслуживает большой похвалы. Заметна тщательная, вдумчивая репетировка; удачно задуманы и выполнены декоративная и аксессуарная части, общий тон игры дружный, ровный, верно и интересно передающий настроение пьесы.

Публика с редким у нас в Костроме вниманием следила за ходом пьесы, награждая артистов после каждого акта дружными, долго не смолкавшими аплодисментами.

Сегодня идет «Каин» – пьеса молодого драматурга О. Дымова, имевшая большой успех при постановке ее на сцене Передвижного театра в Петербурге.

Костромской листок. 1905. № 55. С. 32.

* * *

Костромской театр на будущий зимний сезон сдан городской думой бывшему артисту товарищества Неверина – И.Н. Певцову, который будет вести дело на прежних основаниях. Им предполагается взять в основание составление репертуара из серьезных литературных пьес русских и иностранных авторов, отвечающих умственным, духовным и общественным запросам нашего времени. Намечены г. Певцовым пьесы: Шекспира, Шиллера, Ибсена, Брандта, Гауцмана, Зудермана, А.Толстого, Пи-

семского, Островского, Чехова, Горького, Найденова, Юшкевича, Чирикова, Л.Андреева и других авторов, которые получают одобрение в прессе и серьезных столичных театров...

Нужно надеяться, что Костромской театр и в будущем сезоне будет с честью служить просветительным целям общества.

Поволжский вестник. 1907. № 291. С. 3.

* * *

В понедельник 18-го в городском театре труппою украинских артистов, по желанию публики, должна была быть исполнена оперетта «Гейша». Публики собралось так мало, не более 30 чел., и то часть по контрамаркам, что в 10 1/2 час. вечера при поднятом занавесе режиссер объявил, что спектакль отменяется.

Явление, характеризующее нашу публику, предпочитающую развлекаться глупыми «остротами» цирковых клоунов, а не серьезным театральным искусством.

Поволжский вестник. 1907. № 358. С. 3.

* * *

Того же числа в бенефис артиста и режиссера А.И. Канина товариществом «Новой драмы» поставлена была пьеса «Новые приключения Шерлока Холмса». В главной роли выступал бенефициант, каждый выход которого сопровождался аплодисмен-

тами публики, свидетельствующими о вполне заслуженной симпатии к талантливому артисту. Кроме того, ему было поднесено много ценных подарков от публики и товарищей-артистов. Исполнение этой малосодержательной, но эффектной пьесы прошло прекрасно. Театр был полон, и, кроме того, очень много желающих не попало в театр, так как все билеты были проданы.

Поволжский вестник. 1908. № 511. С. 3.

НА СЛУЧАЙНУЮ ТЕМУ

Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна... антрепренеры же провинциальных театров не согласны с этой азбучной истиной и гребуют, чтобы рецензенты помещали в местных газетах только похвальные отзывы о спектаклях; иными словами: побольше лести, поменьше правды. Антреприза, отведя для редакции бесплатные места, считает на этом основании возможным предъявлять газете бесцеремонные требования относительно помещаемых театральных рецензий.

Интересы публики, искусства, истины и даже самих артистов должны быть отброшены. Только карман г. антрепренера, его аппетиты да самолюбие гг. артистов должны руководить рецензентами в деле составления театрального отзыва.

Некоторые антрепренеры в видах понуждения рецензентов доходят до апогея беззас-

генчивости и прибегают к мерам, ничего общего с искусством не имеющим.

В журнале «Театр и искусство» старый провинциальный антрепренер г. Бэта высказывает безапелляционное мнение, что печать есть самая несносная и тяжелая обуза для театра.

Чтобы зажать протестующую глотку рецензента, антрепренеру приходится ехать в редакции и предлагать разные соблазны с тем, чтобы в газете помещались рецензии, написанные только самим антрепренером или кем-нибудь из артистов. Когда же не помогает и это, когда все так называемые культурно-гуманные способы уже испробованы, то, чтобы научить рецензента ценить игру артистов, чтобы вдохновить его на лестные отзывы о спектаклях, остается антрепренерам прибегнуть к... не совсем культурному воздействию.

Костромской листок. 1901. № 126. С. 3.

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ

Это было на днях... числа 6-го.

В узеньких коридорах городского театра масса публики толпилась, как на толкучке в базарный день...

Вежливые и деликатные обыватели, по местному обычаю, яростно расталкивали толпу, стараясь пораньше других протиснуться к вешалкам и на места.

Воспользовавшись бесплатными услугами одного из таких субъектов с широкой спиной, я со своей дамой довольно быстро пробрался к вешалке налево от входа. Нас встретила особа, «приятная во всех отношениях».

– У вас которого ряда билеты?

– Девятого, сударыня! – почтительно ответил я, стащивши свое пальто и приняв сак спутницы.

– Вам нужно идти туда... – неопределенно махнув рукой в воздухе, ответила особа, «приятная во всех отношениях».

– Позвольте! – заметил я. – Раз уже мы разделись, то проталкиваться с верхним платьем неизвестно куда довольно трудно и неприятно...

– Здесь вешалка для первых рядов.

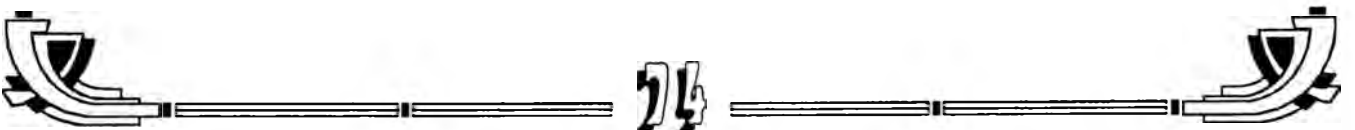
– В таком случае об этом должны быть сделаны надписи, или же кто-нибудь из служащих мог бы предупредить публику около входа. Я заплатил за сохранение платья и больше никуда не пойду.

– Кладите, если желаете, ваше платье на барьер, а на вешалку нельзя.

Пришлось подчиниться и бросить шубы на барьер.

Поволжский вестник. 1908. № 516. С. 3.

Подготовила
С.А. ТОКМАЧЕВА, научный
сотрудник ГАКО.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА

Из истории Костромского драмтеатра имени А.Н. Островского. Годы 1940-е

Летом 1943 года Костромской городской драмтеатр им. А.Н. Островского возглавил новый директор Саламанов Николай Алексеевич¹. Киноведец по специальности (окончил Высшие государственные курсы искусствоведения при Ленинградском институте истории искусств, 1926-1930), в свои 37 лет Саламанов имел за плечами двадцатилетний опыт литературного труда. Был литсотрудником ленинградских газет «Красная искра» (1922-1925), «Кино» (1925-1926), «Литературный Ленинград», сотрудничал в журналах «Кино» и «Звезда». По его киносценариям были сняты документальные ленты на киностудиях «Белгоскино», «Украинфильм», «Лентехфильм» (1934-1938), а в 1941 году на Тбилисской киностудии – художественный фильм «Тени предков». Ему принадлежало авторство ряда монографий о мастерах театра и кино: В. Гордине, Е. Корчагиной-Александровской, Л. Орловой и др.

В Кострому судьба привела Саламанова дорогами войны. В дни блокады Ленинграда он, будучи начальником Ленинградского информационно-издательского бюро управления кинофикации, выезжал в составе писательских бригад на фронт и на корабли Балтфлота с лекциями. В ян-

варе 1942 года получил осколочное ранение и был эвакуирован в село Ликурга Буйского района (тогда еще Ярославской области). Подлечившись, Саламанов оказался в Костроме на должности директора парка культуры и отдыха, а еще через год перешел на работу в театр.

Забегая вперед, следует заметить, что Саламанов стал первым директором областного драматического театра после образования Костромской области, а в сентябре 1944 года был назначен первым начальником областного отдела искусств при облисполкоме и совмещал эти должности вплоть до июля 1945 года². Но вначале ему выпала честь организовывать юбилейные торжества по поводу

столетия гордрамтеатра им. А.Н. Островского. В те годы отсчет времени существования театра велся от января 1844 года.

Подготовка к юбилею началась за месяц до его празднования. Юбилейную комиссию возглавил председатель Костромского горисполкома Сергей Иванович Аникин. В ее состав вошли партийные и советские работники, руководители предприятий и учреждений г.Костромы, директор текстильного института Полковников, редактор газеты «Северная правда» Казаков, писатель Лебедев, художник Шлеин и др.

Кроме директора, театр в комиссии представляли художественный руководитель Михайлов, главный художник Пирогов, актеры: Брянский, Ярчевский, Талисман и Соломина³.

Городские власти в связи с юбилеем театра обратились к областному руководству с просьбой ходатайствовать перед правительством:

- о присвоении звания заслуженной артистки РСФСР Соломиной Валентине Николаевне, «выдающемуся мастеру театра, создательнице замечательной галереи образов русских женщин в ряде патриотических спектаклей, участнице фронтовой бригады театра»;

Пригласительный билет.

- о присвоении звания заслуженного артиста РСФСР артисту – режиссеру Брянскому Павлу Владимировичу, «создавшему яркие образы русских патриотов в спектаклях «Нашествие» (Таланов), «Русские люди» (Васин), «Инженер Сергеев» (Сергеев) и другие, отлично осуществившему постановку ряда пьес: «Зыковы» А.М. Горького, «Инженер Сергеев» Рокка и другие, художественному руководителю фронтовой бригады»;

- об установлении персональной пенсии заместителю директора театра Яшину Якову Петровичу – «старому театральному работнику, потерявшему зрение в 1941 году, но продолжающему до последнего времени работать в театре».

Была проявлена забота и об улучшении бытового положения работников гортеатра. Соответствующие ведомства получили предписания: выделить для коллектива театра 200 кубометров дров, отпустить 20 отрезков на костюмы и пальто, 60 метров материи на дамские платья, особо нуждающимся выделить 10 пар валенок, а также в срок до 15 февраля 1944 года обеспечить жильем остро нуждающихся работников театра...⁴

В преддверии юбилея планировалась публикация цикла статей в городской газете «Северная правда»: «За месяц до юбилея», «Юбилейный спектакль» (о работе над спектаклем «Козьма Захарьич

Н.А.Саламанов. 1944 г.

Минин – Сухорук»), «Люди театра» (3 статьи – о Брянском, Ярчевском и Соломиной), «Молодежь театра» (Соловьева, Кузнецова, Талисман, Быкова), «Художники театра» (Пирогов, Сперанская), «О тех, кого не видит зритель» (осветители, гримеры, костюмеры и т.д.), а в номере газеты от 20 января 1944 года - специальная страница с отзывами зрителей о спектаклях.

Городское радио в декабре 1943 и январе 1944 года транслировало записи спектаклей гордрамтеатра: «Зыковы», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Козьма Захарьич Минин – Сухорук».

Повсеместно проходили творческие встречи актеров театра со зрителями (тогда их называли самоотчетами), на крупных предприятиях Костромы – с рабочими и служащими, в Доме культуры армии – с офицерами, в учи-

тельском институте – со студентами...

Кульминацией празднеств стало торжественное заседание общественности Костромы, проходившее 23 января 1944 года в стенах театра.

После доклада Н.А. Саламанова «Столетие Костромского театра», приветствий и премирования «отличившихся работников театра» был показан спектакль по пьесе А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин – Сухорук» в постановке художественного руководителя А.С. Михайлова⁵.

С июля 1945 года приказом Управления по делам искусств при СНК РСФСР директором Костромского облдрамтеатра был назначен Леонид Дмитриевич Михайлов⁶. Несмотря на свою молодость (без малого 34 года), он накопил солидный опыт руководящей работы на театральном поприще.

С тех пор как в 1931 году Ижевский обком комсомола выдвинул Михайлова на должность директора театра рабочей молодежи (ТРАМа), ему довелось быть директором-актером театров городов Горького, Стерлитамака (Башкирия), Челябинска, Катав-Ивановска и Шадринска Челябинской области.

Шадринский гордрамтеатр был создан им в августе 1942 года, а уже в мае 1943 Михайлову было поручено на базе Шадринского городского сформировать Курганский областной драмтеатр, первый театральный сезон кото-

рого открылся в Шадринске в ноябре 1943 года. Летом 1944 Михайлов переправил группу театра и его имущество в Курган, где «проявил большую активность в строительстве нового здания облдрамтеатра», вступившего в строй в феврале 1945 года.

С тем же энтузиазмом Михайлов принялся за работу по прибытии в Кострому. Ему удавалось решать и хозяйственные, и творческие проблемы.

В труппу театра пришли новые артисты, преимущественно высшей и первой категории – З.М. Котельникова, А.Ф. Михайлова, В.Д. Сергеева, В.К. Барсов, заслуженный артист Грузинской ССР А.В. Гонтарь, П.В. Ионов, А.С. Козин, А.В. Костыгин, М.И. Мишин, П.В. Таранов. Кончилась война и на работу в театр возвратились 23 фронтовика – актеры Ф.А. Матвеев, Л.М. Марченко и А.С. Лебедев, зам. директора Е.А. Досужков, художник-декоратор Л.И. Плагонов, зав. поделочным цехом Н.А. Малов...⁷

Благодаря этому удалось перестроить репертуарный план театра, улучшить художественный уровень спектаклей. Из старого репертуара остались «Женитьба Белугина», «Последняя жертва» А.Н. Островского, «Варвары» М. Горького, «Так и будет» К. Симонова. До конца 1945 года намечалось осуществить постановку трех новых спектаклей – «Сотворение мира» Н. Погодина, «Самолет опаз-

Л.Д.Михайлов. 1945 г.

дывает на сутки» Н. Рыбака и И. Савченко, «Гавань бурь» О.Бальзака.

Летние гастролы театра в Ярославле, Рыбинске и Угличе, запланированные на 1945 год, по распоряжению местных властей были отменены. Вместо них с целью культурного обслуживания тружеников Костромской области театр дал в течение июля 25 спектаклей в Галиче, Буре и Нерехте. Осенью коллективу театра был предоставлен незапланированный отпуск. Все это обернулось выполнением финансового плана III квартала всего на 29%. Зато в течение сентября-октября здание театра было капитально отремонтировано. Покрашены фасад, зрительный зал, фойе, артистические уборные, вестибюль, сделан новый настил сцены⁸.

На 1946 год театр ставил задачу расширения творческого состава до 43 человек, вспомогательного – до 8 че-

ловек, оркестра – до 12 человек, а также укрупнения производственных цехов и увеличения численности обслуживающего персонала. Ожидался приезд ведущих актеров: В.Н. Бадаева и Б.И. Хетагурова из Москвы, И.В. Струженцовой и А.Н. Начинкиной из Калинина. Театру требовались – основной режиссер, художник-постановщик, «старуха», «комик», «простак», «молодая героиня», в оркестр – скрипач, виолончелист и флейтист, в производственные цехи – мужской портной-закройщик, обойщик-драпировщик, одевальщицы, электроосветители и т.д., рабочие – конюх, сторожа и пожарники⁹.

В ходе работ по реконструкции сцены выяснилось, что занавес, не менявшийся с 1932 года, крайне обветшал. На его замену требовалось 300 метров плюша или бархата, что в условиях первого послевоенного года было большим дефицитом¹⁰.

Весь 1946 год театр находился в стадии текущего ремонта, тем не менее перевыполнил план по количеству спектаклей, получив прибыль 30 тысяч рублей.

В 1947 году были закончены работы по подготовке проекта реконструкции здания театра (автор проектного задания – архитектор И.П. Журавлев). В театре отсутствовали самые необходимые обслуживающие помещения: гардеробная для зрителей, буфет, курительная комната, туалеты и др., а сценическая

часть не отвечала самым элементарным технологическим требованиям из-за отсутствия помещений, необходимых для сцены и заниженности сценической коробки¹¹.

Из тринадцати новых постановок, осуществленных театром за 1947 год, творческими удачами стали спектакли классического репертуара: «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского, «Иванов» А.П. Чехова и «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева; из постановок пьес советского репертуара – «Победители» Б. Чиркова, «Русский вопрос» К. Симонова и «Любовь Яровая» К. Тренева; из западной классики – «Валенсианская вдова» Лопе де Вега. Была осуществлена также постановка по пьесе известного костромского поэта А. Часовникова «Соловушка»¹².

1948 год был годом 125-летия со дня рождения великого русского драматурга А.Н. Островского. Пожалуй, первые юбилейные торжества, посвященные Островскому, получили такой размах. Московский Государственный Академический Малый театр вошел тогда в правительственную юбилейную комиссию с ходатайством о переименовании Семеновского района Костромской области в Островский и об установлении бюста А.Н. Островского в его усадьбе «Щельково». В Костроме по инициативе Костромского отделения ВТО были открыты две мраморные мемориальные доски

на домах, где жил Островский (ул. Луначарского, 1 и ул. Горная, 8)¹³.

12 апреля в Костромском облдрамтеатре состоялась премьера юбилейного спектакля по пьесе А.Н. Островского «Таланты и поклонники», для постановки которого был приглашен лауреат Сталинской премии, народный артист РСФСР А.Д. Попов. Этим спектаклем была открыта и завершилась неделя искусств, посвященная юбилею Островского. В течение недели зрители увидели спектакли: «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского, «Последние» А.М. Горького, «Иванов» А.П. Чехова, «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева (инсценировка Н.И. Соболевского-Самарина).

19 апреля в театре проходил грандиозный концерт, в

котором участвовали актриса МХАТа СССР им. Горького, народная артистка РСФСР А.П. Зуева, артисты Ярославского и Костромского театров. В программе вечера были представлены сцены из спектаклей по пьесам Островского: «Бесприданница», «Последняя жертва», «Без вины виноватые», «Женитьба Белугина», «Гроза», «Лес», «Правда хорошо, а счастье лучше» и др.

В большом фойе театра разместилась выставка «Жизнь и творчество А.Н. Островского», организованная областным отделом искусств и Костромским отделением ВТО. Особое место на ней было отведено материалам о пребывании Островского в имении «Щельково», а также разделу «Произведения А.Н. Островского на сцене Костромского театра».

А.Н.Островский на сцене Костромского театра. Сезон 1946-1947 гг.

Центральное место в экспозиции занимали работы костромских художников – бюст «А.Н. Островский – мыслитель» скульптора Н.П. Беляевой-Поповой и картина живописца А.П. Баранова «Островский в ложе Костромского театра».

Юбилейные торжества на этом не закончились. 21 апреля в театре состоялась еще одна премьера по пьесе Островского «Поздняя любовь» в постановке режиссера А.С. Тонина¹⁴.

Летом 1948 года облдрамтеатр гастролировал в Ярославле. Все 48 спектаклей, показанных ярославской публике, дали высокую посещаемость, а значит, и хорошие сборы, и заслужили восторженные оценки наших соседей. Успех Костромского театра был отмечен в приказе Комитета по делам искусств

при Совмине РСФСР от 6 сентября 1948 года «О ходе перестройки деятельности театров РСФСР»¹⁵. Под «ходом перестройки» подразумевалось выполнение решения правительства «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности». Театр был снят с государственной дотации, и ему предстояло приобщать трудящихся к искусству в «новых условиях»¹⁶.

Р.С. Саламанову чуть было не уготовили стезю партийного работника (в марте 1948 года бюро Костромского обкома ВКП(б) утвердило его секретарем Костромского горкома партии по пропаганде и агитации), но в августе 1948 года он был отозван в Москву в распоряжение Росискусства (Комитет искусств при СНК РСФСР). Возглав-

ля Управление театров Комитета искусств, он постоянно поддерживал связи с Костромским облдрамтеатром¹⁷.

Михайлов в июле того же года блестяще окончил отделение усовершенствования руководящих работников искусств Ленинградского Государственного театрального института им. А.Н. Островского и был зачислен на экстернат ЛГТИ. В конце года его утвердили в должности начальника областного отдела искусств, от которой он был «освобожден по личной просьбе и выбыл за пределы области» в октябре 1950 года.

*Т.М.КАРПОВА, нач.отдела
использования и публикации
архивных документов
ГУ «ГАНИКО»*

Примечания

1. ГУ «ГАНИКО» Ф.Р-765. Оп.12. Д.741.
2. там же. Оп.1. Д.467. Л.37.
3. там же. Ф.Р-2. Оп.1. Д.760.Л.73.
4. там же. Ф.Р-2. Оп.1. Д.760.Лл.71, 71об.
5. там же. Ф.Р-2. Оп.1. Д.760.Лл.74, 74об.
6. там же. Ф.Р-765. Оп.12. Д.548.
7. там же. Ф.Р-765. Оп.1. Д.467.Л.39.
8. там же. Ф.Р-765. Оп.1. Д.467.Л.40.
9. там же. Ф.Р-765. Оп.1. Д.913.Л.1.
10. там же. Ф.Р-765. Оп.1. Д.913.Л.13.
11. там же. Ф.Р-765. Оп.2. Д.317.Л.6.
12. там же. Ф.Р-765. Оп.2. Д.769.Л.33.
13. там же. Ф.Р-765. Оп.2. Д.769.Лл.1, 12, 13.
14. там же. Ф.Р-765. Оп.2. Д.769.Лл.9, 10.
15. там же. Ф.Р-765. Оп.2. Д.769.Л.24.
16. там же. Ф.Р-765. Оп.2. Д.769.Л.32.
17. там же. Ф.Р-765. Оп.2. Д.769.Л.28.

А.Н.Островский на сцене Костромского театра. Сезон 1948-1949 гг.

ПЕРЕДВИЖНОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ

По решению Комитета по делам искусств при Совмине РСФСР, в августе 1946 года было положено начало организации в городе Шарье передвижного драмтеатра. Формирование труппы и подготовка первого спектакля проходили на базе областного театра им. А.Н. Островского. Это был спектакль по пьесе Утевского «Памятные встречи», которым 7 ноября театр открыл свой первый сезон в Шарье. Театральная труппа состояла из 35 человек, в том числе 19-ти актеров, среди которых были артисты высшей и первой категории.

Стационарную площадку театру предоставил железнодорожный клуб «Красный транспортник». Здесь разместились производственные цехи и проводились репетиции. Театру были определены населенные пункты, куда он должен был выезжать со своими спектаклями: Макарьев, Нея, Галич, Нерехта, Кологрив, Мантурово. Однако до конца 1946 года удалось выехать со спектаклем лишь в поселок «Голыши». Театр не имел никакого транспорта, да и

в районе с автотранспортом было тяжелое положение.

Премьера второго спектакля по пьесе «Дремучее сердце» Б. Липатова была полностью готова к показу на 2-е декабря, но пьеса была неожиданно снята с репертуара, и театру спешно пришлось готовить новую премьеру «Поздняя любовь» А.Н. Островского, состоявшуюся 13 декабря в помещении железнодорожного клуба. В то же время шла подготовка спектакля по пьесе «Платон Кречет» А. Корнейчука, премьера которого планировалась на последние числа декабря. Всего в 1946 году театр дал 8 спектаклей.

Театру необходимо было собственное помещение, железнодорожный клуб ст. Шарья не предоставлял даже минимума условий для нормальной работы. Несмотря на это, за 1947 год было поставлено 7 спектаклей по пьесам – «Воспитанница», «Богатая невеста», «Не все коту масленица» А.Н. Островского; «Молодой человек» Г.Мдивани; «Старые друзья» Л.Малюгина; «На белом свете» П.Нилина; «Беспокойная старость» Л. Рахманова. Театр дал 210 представлений, и вместо 27 тысяч зрителей

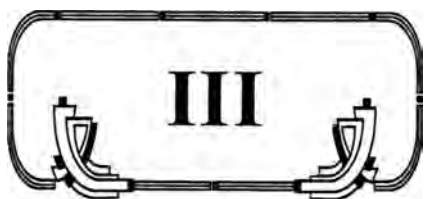
на его спектаклях побывало 58 тысяч человек. В основном это были труженики села, т.к. театр работал на периферийных клубных площадках и обслуживал посевную и уборочную кампании.

В конце 1947 года театр был переведен в г. Галич и переименован в Галичский колхозно-совхозный театр. В первом полугодии театру удалось подготовить четыре премьеры – «Грех да беда на кого не живет» А.Н. Островского, «Парень из нашего города» К. Симонова, «Украденное счастье» И. Франко, «Забавный случай» К. Гальдони.

Но во втором полугодии 1948 года труппа театра получила расчет. И хотя, по мнению областного отдела искусств, «заккрытие единственного передвижного колхозно-совхозного театра в области было бы политически неверным», нерентабельное учреждение прекратило свое недолгое существование.

ГУ «ГАНИКО». Ф.Р-765. Оп.1. Д.913.Лл.24, 25.; Оп.2. Д.769.Лл.35, 36.

Т.М. КАРПОВА

МОЙ ОСТРОВСКИЙ

«Мой всепонимающий философ...»

Аполлон Григорьев

Вынесенные в эпиграф слова написаны Ап. Григорьевым в адрес Н.Н. Страхова, но с полным правом могут быть отнесены к А.Н. Островскому, который, кстати, был хорошо знаком с обоими. Потому его имя так органично входит в размышления Ап. Григорьева в этом же письме Страхову от 23 сентября 1861 года, которое он писал, будучи в Оренбурге: «Ты можешь быть уверен, что давно уже – со времен юности – ни к кому в мире я не писал так много и так часто, как к тебе, мой всепонимающий философ... <...> Увы! как какой-то страшный призрак – мысль <о> суете суетствий, мысль безотраднейшей книги Экклезиаста – возникает все явственней и резче, и неумоливей перед душою. <...> “Гроза” Островского вновь было расшевелила меня. Смело и решительно начал было я новый курс в несчастном “Русском мире” 1859 года¹ – взял другой прием, кратчайший. Не только сорвалось – никто даже не отозвался»².

В указанной публикации («После “Грозы” Островско-

го») автор исходит из определения *мой*, усматривая в нем единственно верное основание для адекватного постижения художественного текста. Первое, с чем соотносит Григорьев «мой взгляд», – нечто новое, сразу же оговариваясь, что сам-то он ничего нового не собирается излагать, соотнося далее эту *псевдо* новизну с теоретическим и эстетическим подходами, которые «загоняют» художество в прокрустово ложе равнодушных ко всему живому идей³. В противовес этому «реальному» (например, «реальной критике» Добролюбова) подходу Григорьев дает развернутое определение самой сути словосочетания *мой взгляд*: «Вместо развития этих общих основ <...> я, весь под влиянием **живого** (здесь и далее в цитате выделено мной. – И.Е.) и, со всеми его недостатками, **истинно могущественного художественного явления**, решил с вами многие и долгие речи об Островском и значении его поэтической деятельности, – речи, которые прежде всего и паче всего будут

искренни, то есть будут относиться к **самой сущности** дела, а не к чему-либо постороннему, *вне* дела лежащему, и самое дело намеренно или ненамеренно затемняющему»⁴.

Таким образом, определение *мой* никоим образом не свидетельствует о присвоении себе известного автора и на этом основании собственной репрезентации (например, «Мой Пушкин» Цветаевой⁵). Скорее наоборот: значимым становится живое непосредственное восприятие художественного текста, корреспондирующее органике «истинно могущественного художественного явления». Такого рода восприятие сохраняет искренность и способствует адекватному осмыслению самой сути постигаемого феномена.

Полностью принимая данные Ап. Григорьевым характеристики того, что есть *мой* в приложении к писателю, я и попробую представить *моего* Островского.

Прежде всего Островский – это драматург без и вне «тенденции», как ни пыталась в

свое время демократическая и советская критика определить его в эту «идеологическую колею» (Добролюбов).

Как известно, особенность отечественной словесности заключается в ее склонности проводить «идеи». Одной из таких «идей» была «идея времени» (Белинский), требующая критического, «беспощадного» отношения к жизни в России.

Так, в XVIII столетии в русской драматургии появились бесчисленные «недоросли» и «цыфиркины», которым еще как-то противостояли «правдины», но уже в XIX веке люди высшего общества тесно жмутся друг к другу перед обличительными речами Чацкого, приехавшего из-за границы потрясать основы государственности в России. Они назовут его сумасшедшим, но ведь речи-то выслушают и дадут услышать другим, тем, кто сидит в зале, или тем, кто читает пьесу. Гоголевский Хлестаков уже просто обведет вокруг пальца все общество, которое в финале окажется способным только застыть в изумлении. Вслед за Грибоедовым Гоголь рисует русскую жизнь в сумеречных тонах. В изображаемой писателем жизни нет даже намека на хотя бы подобие человеческого лица, кругом – одни «рылы» вперемешку с личинами и «мерзость запустения»⁶. Демократическая критика радостно приветствовала и Чацкого, и Хлестакова, видя в них разрушителей устоев империи. Именно в этом контексте рождается драматур-

гия Островского, который создает не литературную основу русского национального театра, как утверждает Л.М. Лотман, а собственно сам этот театр, дав ему драматургию *иного* типа.

Следует заметить, что поначалу все та же демократическая критика этой «инаковости» не увидела, по привычке замечая только то, что в «ее» колее располагается: «темное царство» в облике купцов, «жестокие нравы» да обличительные речи героев.

Островский «без тенденции» открывался постепенно, но уже в его первых пьесах, даже если их назвать «пьесами жизни», невозможно не увидеть утверждаемые автором нравственные основания человеческого бытия, которые нескрываясь располагались в области религиозной, а если точнее – в православной. Позволю себе напомнить один из финальных эпизодов пьесы «Свои люди – сочтемся!» (1850).

Большов. Змеи вы подколотные!..

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар!.. Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку..

Подхалюзин. Полноте, маменька, бога-то гневить!..

Олимпиада Самсоновна.

... А то вы рады проклинать в преисподнюю... За то вам, должно быть, и других детей-то бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. ...И одну-то тебя бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. ...На себя-то посмотрели бы: только что понеделничаете, а то дня не пройдет, чтоб не обляять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. ...Да я прокляну тебя на всех соборах!

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрешь, не сгинешь! Да!..

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов (встает). Ну, прощайте, дети.

<...>

Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные-заклученные. Не забудьте нас, бедных-заклученных. (Уходит с Аграфеной Кондратьевной).

Подхалюзин. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с!..⁷

Обратим внимание на то, что Самсон Силыч Большов слушает эту ругань близких как бы со стороны, как зритель в зале, и неожиданно узнает в них самого себя и всякого, кто деньгами владеет. Так, Большову вдруг открывается его духовное сиротство, его богооставленность отражается в близких герою людях. Потому он должен быть наказан, потому он принимает назначенное наказа-

ние, потому напоминает о нем дочери. В этой сцене на глазах читателей/зрителей явственным становится то, что в обычной жизни редко замечается: торжествует Истина, идущая от слова Божьего. Большов появляется в приведенном эпизоде со словами «ругательными» («змеи подкожные»), а уходит, прощаясь со всеми, словно всех прощая. В экспрессивно окрашенной лексике диалога драматург актуализирует борьбу Бога и дьявола, не скрывая своей позиции.

Подобно библейскому герою Самсону, Большов проходит через искушение страстью (в данном случае – деньгами), которое приводит его к искреннему раскаянию в собственных поступках и сокрушению о близких, чьи глаза ослеплены деньгами. Но если библейский Самсон гибнет под развалинами филистимлянского капища, то Большову драматургом дается шанс к спасению. Островский разрушает только несправедные основания бытия Большова, чтобы герой мог обрести собственную подлинную *личность*, что не может случиться вне Бога, ибо «и сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил» (Бытие, 1: 27).

Я несколько не сомневаюсь, что другой исследователь прочитает этот эпизод иначе. Возможно, будет прав, но только при одном условии, если изначально не станет игнорировать частое и вовсе не всуе произносимое слово

Бог и ему противоположные – *преисподняя*, *дьявол*, поставается объяснить смысл звучащих здесь проклятий и невещающих благословений и т.д. Но какие бы доводы ни приводились, они, так или иначе, должны будут апеллировать к христианскому сознанию. И любое прочтение, которое игнорирует отношения человек/Бог, пребывание человека в ситуации *in religione*, ясно артикулируемое Островским, будет (вольнo или невольнo) вовлекать драматическую коллизию в частности «человеческого, слишком человеческого».

Мой Островский – не проповедник, не апологет христианства. Однако непредвзятое чтение пьес Островского убедительно свидетельствует, что в основании его драматургии лежит именно христианское мироощущение, с которым соотносится мир героев и персонажей, в пределах которого творится идеальный мыслимый образ бытия. В этой связи обратимся к хрестоматийной пьесе Островского – «Гроза» (1860).

Не задаваясь целью подробного анализа этой драмы (интерпретаций существует более чем достаточно⁸), хотелось бы обратить внимание на некоторые эпизоды.

Центральным событием в развитии действия в «Грозе» является публичное признание Катерины в совершенном ею грехе прелюбодеяния. Читаем ремарку к четвертому действию, где все должно случиться: «На первом плане

узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-где трава и кусты; за арками берег и вид на Волгу» (II, 249). Как следует из описания, автор не уточняет, о какого рода постройке идет речь, но слова «со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки» наводят на мысль о руинах храма. Ту же догадку подтверждает следующий прямо за ремаркой диалог двоих гуляющих:

1-й (осматривая стены). А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было...

2-й. ...Само собой, что расписано было. Теперь, ишь ты, впусе оставлено, развалилось, заросло...

1-й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было...

2-й. Это геенна огненная.

1-й. Так, братец ты мой!

2-й. И идут туда всякого звания люди (II, 249-250).

Таким образом, весь город Калинов собирается возле разрушенной церкви, где «после пожара так и не поправляли», где все заросло травой (беспамятства? забвения?). И гремит над жителями города Калинова гроза – гнев Божий. Заметим, над *всеми* жителями, без исключения, поскольку все и вся вокруг погрязли в грехе, каждый – в своем. Не случайно, словом *грех* отмечена речь всех героев, кроме одетого на иностранный манер⁹ и «порядочно образованного» Бориса. Именно в силу образован-

ности Борис (в отличие от остальных действующих лиц) приобщен к ценностям европейской (секуляризованной) культуры, о чем и свидетельствует его одежда. Кроме того, мать его была «из благородных» - дворян, а дворянская культура в России противостояла купеческой, находя в то же время много общего с культурой Запада. Отсюда Борис и чувствует себя чужим в городе Калинове: «Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак» (2, 214); «А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе» (2, 216). Так Островский обозначает суть содержательной границы между европейской и русской культурой, и заключается эта суть в специфике мироощущения: в западной культуре мир «стянут» к правам и обязанностям человека, в русской – актуализируется божечеловеческая природа личности.

Катерина Кабанова – одна из *многих* грешных в этом городе. В своем грехе она признается не столько потому, что в нем глубоко раскаялась, сколько боясь наказания Божия – грозы. Слова барыни «в омут лучше с красотой!» в сочетании с ударами грома и вдруг открывшейся картиной ада на стене произвели сильное эмоциональное впечатление на и без того экзальтированную натуру Катерины, заставив ее на людях признаться в своем грехе и назвать имя возлюбленного.

Следовательно, не внутренние размышления, не молитвенное стояние перед святыми образами побудили героиню к признанию, а причины сугубо внешние. Поэтому и признание не стало раскаянием. Скорее, здесь, на площади, Катерина впервые публично отстаивает свое право быть счастливой, не скрывать родившихся чувств. Здесь открыто заявляет о себе ее «я». Не случайно Добролюбов назвал героиню «лучом света», он справедливо учуял в ней родную душу. Ничего христианского в признании героини нет, поскольку нет раскаяния, о чем наглядно свидетельствуют все ее дальнейшие поступки: встреча с Борисом, стремление убежать из дома, наконец, самоубийство.

Для человека верующего самоубийство есть грех, не сопоставимый ни с каким другим. Это страшный грех, в котором прочитывается покушение на волю Божью и промысел Божий. Человек не волен прийти в этот мир, когда ему захочется, как и покинуть его по собственному усмотрению. Все в руке Божьей. Но Катерина, бунтарка по природе (чуть что не по ее воле было в родительском доме, она тотчас в лодку и была такова), натура сверхчувствительная (в церкви во время службы сознание теряла, вне церкви пение ангелов слышала), не в состоянии жить по христианским законам, которые требуют от человека смирения и внутреннего «умного делания».

Катерина хочет любви, но не может соединить чувства с той верой, в которой ее воспитали родители. В ее жизненной коллизии одно с другим никак не соединяется. Только в предсмертном монологе героиня найдет выход: «...Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Ах, скорей, скорей! (*Подходит к берегу. Громко*). Друг мой! Радость моя! Прощай! (*Уходит*)». (II, 263-264). Вряд ли можно усомниться в том, что последние слова Катерины обращены к Борису.

Особое место в данной ситуации занимает образ Волги. Волга в той или иной мере невольный соучастник почти всех событий в «Грозе». В сцене признания Катерины мы реку видим за сводами руинированного храма (постройки). У храма (постройки) Катерина признается в грехе, Волга сомкнет свои воды над ее грешным телом. Что это – противостояние Церкви и Природы? Вряд ли, поскольку Церковь – символ бытия Божия на земле, Природа, если исходить из христианских представлений о становлении мира, – вообще творение Бога. Причем, как известно, более раннее, нежели человек.

Я думаю, ответ следует искать в грозе, в частности, в ударах молнии, которые символизируют гнев Божий: «Глас Господень над водами; Бог славы возгремел, Господь над водами многими. Глас

Господа силен, глас Господа величествен... Глас Господа высекает пламень огня. Глас Господа потрясает пустыню...» (Псалом 28; 3-4, 7-8). Духовную пустыню города Калинова настиг гнев Божий, но никто из жителей не понял смысла «высеченного пламени» (геенна огненная на стене), и потому покаяния не только не случилось, но самая греховная ситуация еще более усугубилась самоубийством Катерины. Так рождается абсолютно безысходный финал пьесы:

Кабанов. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены).* (II, 266).

Обратим внимание, что в словах Кабанова вопросительная интонация второго предложения, заключенная в слове *зачем*, снимается общим эмоционально окрашенным утверждением, как-то незаметно сливаясь с первым предложением, в котором поступок Катерины недвусмысленно одобряется. Самоубийство Катерины далеко не все жители Калинова расценивают как грех, кто-то ей сочувствует, как в самой пьесе, так и за ее пределами. Что же, грех всегда привлекателен. Достаточно легко прочитывается и благожелательное отношение самого драматурга к своей героине, что в немалой степени объясняется обстоятельствами личной жизни писателя¹⁰. Однако гениальность Островского заключается в умении переступить че-

рез личное, дабы его муза была послушна, как пронизательно заметил Пушкин, лишь «веленью Божию». Потому Катерина навсегда останется нераскаявшейся грешницей¹¹, город Калинов совместится с геенной огненной, и только очистительная гроза, возможно (всего лишь – возможно), прольет свои воды, дабы вернуть миру утраченное гармоничное состояние.

Такова нравственная природа пьес Островского, если не прочитывать их с «тенденцией», а доверчиво следовать тому, кто их писал. Островский, на мой взгляд, никогда не был разрушителем жизни на сцене, отсюда его особая любовь к быту, его нюансам и деталям¹². Этот особый интерес к деталям вписывает творчество зрелого Островского в ландшафт культуры эпохи «конца века».

Так, в его «Снегурочке» царь берендеев увлеченно расписывает терем, а Лель завораживает пением, но заметить и оценить их искусство может только Снегурочка, рожденная Морозом и Весной. Вертикальной доминантой в весенней сказке является Красная горка (7, 365), благодаря ей мир людей и мир фантастический получают возможность реального события. В этом аспекте весенняя сказка вполне коррелирует «башенному» способу в организации ландшафта культуры конца XIX – начала XX века: башня Братства префаэлитов словно преобразуется в «соборы» искусства

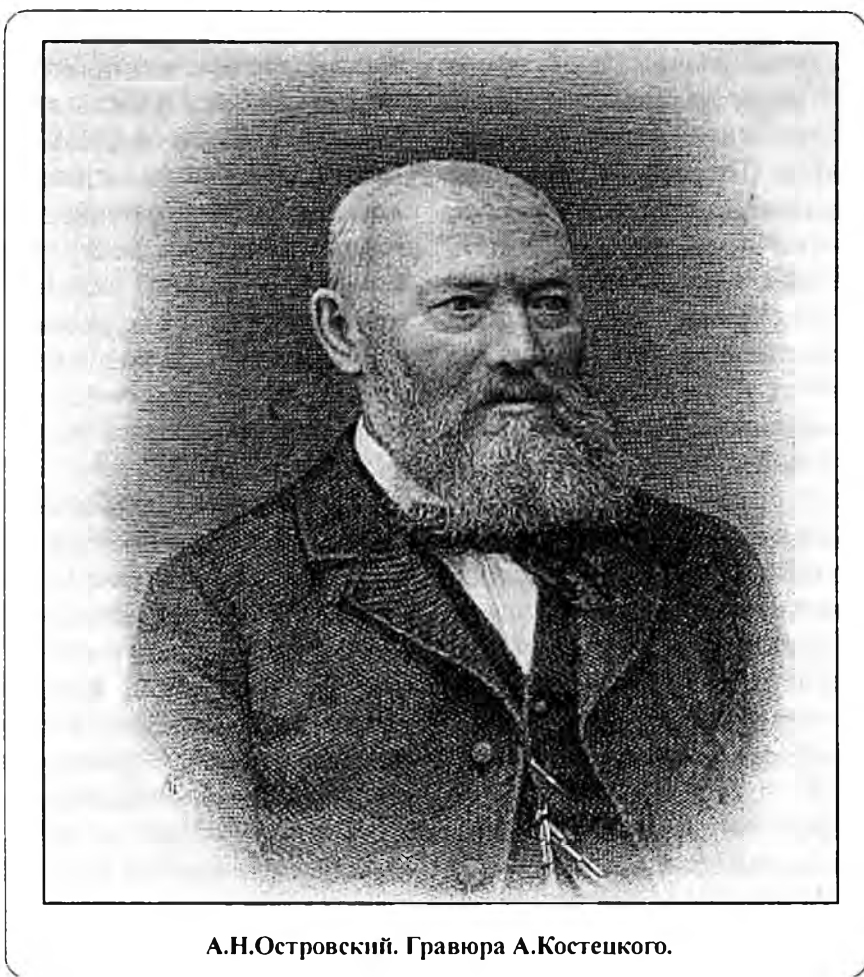
в письмах Г. Флобера, этого затворника Круассэ; поэтико-художественные башни Вяч. Иванова, А. Головина, Иванова-Разумника словно отражаются в «Озере с облаком и башней» В. Набокова как символы инобытия; почти сливающаяся с небом «Башня из синих коней» Ф. Марка ассоциируется с башней-символом высокой культуры в романе К. Вагинова «Козлиная песня»; в «Волшебной горе» Т. Манна философские споры и сшибки на фоне болезни легких (читай: духа) превращают людей в «морибундусов», которым нечего ждать от будущего, кроме спуска вниз на санях после смерти. Значимость эстетической составляющей в «Снегурочке» близка художественному сознанию «конца века», потому сказка привлекла внимание В. Васнецова, С. Маковского, К. Коровина, И. Анненского и др.

Островский принципиально не символичен, поскольку более всего его волнует этот, видимый, чувственный мир. Однако волнует не в традициях позитивизма, а сам по себе, в своей «прилепленности» одного к другому, «согремости» одного другим, ибо мир держится этой связью. Через постижение быта Островский в поздний период своего творчества (от «Бесприданницы» до «Не от мира сего») поднимается до философских обобщений бытия, вполне сопоставимых с открытиями Г. Ибсена. Собственно, с моей точки зрения, Островский и есть «русский

Ибсен», каковым он, например, предстает в последней своей оригинальной пьесе «Не от мира сего».

«Семейные сцены» под названием «Не от мира сего» (замечу, самая неиграемая пьеса Островского) по своей сути представляют драму идей. Отсутствие обозначенного места событий придает им почти вселенское звучание: нигде конкретно и везде. Дом Кочуева, хозяин которого обладает определенным достатком, не имеет подробных описаний, персонажи перемещаются в некоем пространстве из кабинета в гостиную и наоборот. И это у того, кого давным-давно записали в бытописатели! В этой пьесе отсутствуют все приметы быта: никто не ест, не пьет, а если играют – то непременно в шахматы (игра интеллектуальная), нет никаких подробностей в описании одежды, в лучшем случае вам сообщат, что платье очень богатое.

Обобщенным описаниям места событий соответствуют персонажи и герои¹³ этой пьесы. Кажется, все они уже когда-то были созданы Островским и явились вновь в некоем «очищенном» облике, сохранив в то же время характерные приметы. Неизвестно, сколько им лет, кроме указания на пожилую возраст Елохова. В списке действующих лиц герои и персонажи даются как представители общественной стратификации: барин, служащий банка и т.д. Конкретизируется только их денежно-имуществен-

А.Н.Островский. Гравюра А.Костецкого.

ный ценз, который будет играть значимую роль в развитии интриги, но не конфликта. В этой пьесе не деньги определяют поступки главных героев и персонажей. Здесь все глубже, сложнее и значительнее.

Конфликт имеет нескрываемо мировоззренческий характер. Сшибка двух мировоззрений – это отражение отчаянной борьбы антропоцентрического (Муругов) и онтологического (Ксения) понимания мира и места человека в нем.

В Муругове воплотились те персонажи Островского, чье сознание одурманено деньгами, чьими поступками руководят меркантильные интере-

сы. В этом мире, всегда чуждом самому драматургу, утверждался антропоцентрический взгляд на бытие, где человек являлся мерой всему миру, оценивался человеком по себе и выгодно с помощью денег обустроивался. В результате одни люди могли приобретать не только вещи, но и видеть в других людях, не имеющих соответствующей уважению в обществе суммы денег, товар.

Онтологизм мировоззрения Ксении основывается на любви к миру, на любви, преобразующей человека и открывающей ему мир как творение Божие. Последнее не перечеркивает бытия во всем его многообразии, но вклю-

чает в симфоническое устройство Мира. Так Островский в своей последней пьесе возвращает бытию его смысл, не скрывая при этом всей сложности разрешения подобной коллизии в жизни. Потому в финале Ксения умирает, а Муругов остается жить.

Наконец, Островский – блестящий драматург, виртуозно владеющий основами драматического искусства. В его пьесах невозможно обнаружить лишних слов, длиннот, все продумано и увязано друг с другом, интрига развивается по законам избранного жанра. Кажется, Островский чувствует театр каждой клеточкой своего организма.

К сожалению, режиссеры современных театров (особенно столичных театров, к счастью, не всех) категорически не хотят, не желают прочитывать пьесы Островского, стремясь вчитать самих себя в классический текст. При этом они «счастливы» забывают, что их уровень образования и просто знаний по сравнению с Островским есть, по Солженицыну, «образованщина». И никакое владение сложной техникой указанной разницы не снимает и не снимет. Это техника развивается, а человек делается все проще и примитивнее. Потому Островский на современной сцене по большей части напоминает иллюстрацию к басне Эзопа о лисе и винограде. Дотянуться до винограда сложно, проще обвинить виноград в том, что он зелен по сравнению, напри-

мер, со сценическими экзерсисами Чусовой в «Современнике».

Но, слава Богу, кроме театров, есть еще сами пьесы, которые можно читать и перечитывать, почтительно следуя за Островским, великодушным Островским, мудрым Островским.

*И.А. ЕДОШИНА, доктор
культурологии*

Примечания

1. Речь идет о статье Ап. Григорьева «После "Грозы" Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу», которая была напечатана в газете В.Я. Стоюнина «Русский мир» в 1860 году (№№ 5 - 11). Под «кратчайшим приемом» надо полагать публикацию в либерально настроенном издании и указанный в заглавии адресат писем.

2. Григорьев Ап. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 261, 262.

3. Григорьев Ап. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Статьи. Письма / Состав. с научной подгот. текста и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Худож. литература, 1990. С. 213, 214. В этой связи см. статью В.В. Розанова «Истинный "FIN DE SIICLE"» (1898), в которой он соотносит содержание концепта *fin de siiclé* (конец века) именно с новизной, подменяющей подлинные сущности мнимыми. – Розанов В.В. Собрание сочинений / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 58.

4. Григорьев Ап. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Статьи. Письма. С. 214.

5. См., например, понимание Цветаевой моря в жизни и творчестве Пушкина. – Цветаева М.И. Избранная проза: в 2 т. N.Y., 1979. С. 279.

6. Кстати, именно в таком облике представляли герои и персонажи Островского, например, в советском киноискусстве («Гроза» (1834) реж. В.М. Петрова). Об этом «киношедевре» (включенном, между тем, в пространство спектакля в «Современнике») Л.Ю. Бердяева, супруга известного философа, записала в «Дневнике»: «Оказалось нечто безвкусно-грубое, карикатура, да еще плохая» - Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М.: Мол. гвардия, 2002. С. 30.

7. Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. / Под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. М.: Искусство, 1973-1980. Т.1. С.149. В даль-

нейшем все ссылки даны на это издание, в скобках указываются номер тома, страницы.

8. В частности, см.: Едошина И.А. «И аз воздам» (размышления о драме А.Н. Островского «Гроза») // Вестник Костромского государственного педагогического университета им. Н.А. Некрасова. 1997. № 4. С. 109 – 116.

9. В примечании к характеристике действующих лиц Островский специально указывает: «Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски» (2, 209).

10. Как известно, «Гроза» писалась драматургом для бенефиса Л.П. Никулиной-Косицкой. Островский, искренне и глубоко ее полюбивший, тяжело переживал сложившуюся ситуацию (актриса была замужем, он сам еще жил с Агафьей Ивановной), отзвуки этих переживаний явно слышны в финальной реплике. Через три года после постановки «Грозы» актриса и драматург навсегда расстанутся. Подробнее см.: Куликова К.Ф. Л.П. Никулина-Косицкая. Л.: Искусство, 1970. С. 189 – 211; Лакшин В.Я. А.Н. Островский. М.: Искусство, 1976. С. 341 – 384.

11. Потому никак не могу согласиться с утверждением профессора Ю.В. Лебедева, что «с нею (Катериной. И.Е.) заодно и красота сельского храма, и ширь Волги, и заволжский луговой простор». – Лебедев Ю.В. О национальном своеобразии драматургии Островского // Мир А.Н. Островского. Национальный характер и русская культурная традиция в творчестве А.Н. Островского. Материалы научно-практической конференции 27 – 28 марта 1998 года: в 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Ю.В. Лебедев. Кострома, 1998. С. 22. В этой связи хочу напомнить слова митрополита Антония (Храповицкого): «народ наш считает своими духовными предками не русских язычников, а греческих христиан» - Митрополит Антоний (Храповицкий). Слова, беседы и речи (О жизни по внутреннему человеку). СПб.: Библиополис, 2002. С. 190.

12. См.: Едошина И.А. «Молитва русская... мудрость пророка» («Снегурочка» А.Н. Островского в культурном ландшафте России последней трети XIX века и не только) // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского. Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. Ю.В. Лебедев. Кострома, 2001. С. 123 – 136.

13. О дифференциации именованной герой и персонаж см.: Едошина И.А. Концепты «герой» и «персонаж» в «поздней» драматургии А.Н. Островского (к проблеме воплощения/развоплощения) // Щельковские чтения, 2004. Творческое наследие и личность А.Н. Островского: бытие во времени. Сб. статей / Научн. ред. и составит. доктор культурологии, проф. И.А. Едошина. Кострома, 2004. С. 45 – 57.

ЖЕНА ДРАМАТУРГА

(Из архива музея-заповедника «Щельково»)

Мария Васильевна Островская, урожденная Бахметьева, окончила московскую театральную школу в 1863 году и была принята на службу в труппу московского Малого театра на второстепенные роли. В том же году сыграла Лизу в пьесе А.Н. Островского «Воспитанница». Особенным талантом как актриса она не обладала, но была очень красива своеобразной красотой южного типа. Живая, веселая, играла на гармонии, была страстной любительницей пения, особенно цыганских романсов. Ее роман с А.Н. Островским длился несколько лет. В 1869 году Мария Васильевна стала законной женой драматурга. Старшие дети родились до брака родителей и впоследствии были узаконены высочайшим указом. У Марии Васильевны и Александра Николаевича родились шесть детей. Занявшись их воспитанием, она оставила театр. С тех пор играла только в любительских спектаклях, которые ставились в усадьбе Щельково.

После смерти Островского вдова писала в своем дневнике: «День смерти моего неопцененного мужа и учителя... День великой скорби для меня. Ах, если кто-нибудь мог закрыть для меня будущее: зачем оно всегда гут, передо мной. Я вижу все, кроме счастья, я никогда не буду счастлива, даже желать этого – безумие...»

В рукописном фонде Музея-заповедника «Щельково» хранятся материалы, связанные с Марией Васильевной. Часть из них мы представляем вниманию читателей.

После смерти А.Н. Островского из С.-Петербурга было получено Извещение канцелярии Министерства императорского двора на официальном бланке за № 728 от 10 июня 1886 года о назначении пенсии вдове с детьми.

М.В.Островская в разные годы.

Ее высокоблагородию М.В. Островской.

*Милостивая Государыня
Мария Васильевна.*

Государь император во внимание к заслугам покойного мужа Вашего Александра Николаевича Всемилостивейше соизволит повелеть:

1) Назначить Вам и дочерям Марии и Любови, нераздельно пенсию из Кабинета Его Величества по три тысячи руб. в год.

2) Производить из Кабинета Его величества ежегодное пособие по шестисот руб. на воспитание сына Николая впредь до окончания его образования.

3) Выдать Вам единовременное пособие на покрытие расходов, вызванных кончиною Вашего мужа.

Считая долгом уведомить об этом Вас, имею честь присовокупить, что о производстве пенсии (3000 р.) и ежегодного пособия (по 600 р.), по расчету со 2 сего июня, из Московского Губернского казначейства, а также о выдаче Вам единовременного пособия из Кинешемского Казначейства, сделано надлежащее распоряжение и что независимо от пожалованных Вам с дочерью пенсии, а сыну Николаю ежегодного пособия, будет назначен из Государственного Казначейства пенсион, следующий по закону дочери Любови и сыну Николаю (1250 р. в год на обоих).

Прошу Вас, Милостивая Государыня, принять уверение в истинном моем к Вам почтении и преданности.

Ваш покорный слуга Н. Петров.

Ф.1 оп. 1, д.35

В 1887 году М.В. Островская получила два Свидетельства: о причислении к роду Островских и утверждении во дворянстве и на право проживания во всех городах и селениях Российской империи.

Свидетельство.

Московское Дворянское Депутатское Собрание сим удостоверяет, что Мария Васильевна, браком сочетавшаяся двенадцатого февраля тысяча восемьсот шестьдесят девято-

го года, есть действительно жена, ныне вдова Губернского Секретаря Александра Николаевича Островского и что она определением Собрания 13 апреля сего года причислена к роду, который уже внесен в третью часть родословной книги и об утверждении оного в дворянском достоинстве, из Правительствующего Сената последовал Указ от 12 марта 1846 г. за № 6400. Ноября, 10 дня 1887 года.

Московский губернский

*Предводитель Дворянства граф Шереметев
Секретарь Дворянства ? Серебрянский ?*

Столоначальник Голицын

Ф.1. оп. 1, д. 26

Свидетельство.

Сие дано от Управления Императорских Московских театров вдове служившего при сих театрах заведующим репертуарною частью и школою Губернского секретаря Александра Николаевича Островского с находящимися при ней ея детьми – сыновьями: Сергеем, родившимся 10 апреля 1868 г. и Николаем, родившимся 24 мая 1877 г. и дочерьми: Марией, родившейся 5 ноября 1868 г. и Любовью, родившейся 10 марта 1874 г. для свободного проживания во всех городах и селениях Российской Империи. В удостоверение его подписуюсь с приложением казенной печати – Москва, Декабря 22 дня 1886 года.

Управляющий Императорскими Московскими Театрами Майков. № 329.

Ф.1. оп. 1, д. 27

В 1886 году М.В. Островская становится владелицей усадьбы Щельково. Известно, что хозяйственными делами она занималась и при жизни драматурга. Будучи человеком властным, в известной степени жестким, нещадно наказывала провинившихся крестьян, с прислугой шумела, давала распоряжения повышенным голосом, в раздражении, в горячем духе. Любила верховую езду, объезжала уголья, регулярно наблюдая за полевыми работами, наливками и заготовками обеспечивала всю семью.

В Кинешме и Москве посещала спектакли, литературно-музыкальные вечера, различные мероприятия, проводимые в память об А.Н. Островском. Примером тому могут служить несколько документов:

Общество любителей Российской Словесности

*Почетный билет
для входа на
IX литературно-музыкальный вечер,
посвященный памяти
А.Н. Островского*

*в воскресенье, 16 марта 1897 года
в аудитории Исторического музея
без права передачи*

*На обороте рукописный текст:
Ее В-дию Марии Васильевне Островской
Ф.1, оп.1, д.29*

К билету прилагалась программа вечера:

*1897 Печать типографии Императорских
Московских театров.*

*Общество любителей Российской Словесности
В воскресенье, 16 марта,
в аудитории Исторического музея,
в 8 часов вечера,
имеет быть
IX литературно-музыкальный вечер,
посвященный памяти
А.Н. Островского.*

Портрет Островского в молодости с факсимильной подписью.

Отделение 1-е

1. А.Н. Островский как драматург.

Прочтет Д.Ч. Влад. Ив. Немирович-Данченко.

2. Сцена из исторической хроники «Минин».

Прочтет Д.Ч. М.П. Садовский.

3. Пролог из «Снегурочки».

Прочтут П.Ч. М.Н. Ермолова, Д.Ч. П.М. Садовский и Е.М. Садовская.

Арии и дуэты из опер на слова Островского:

*а) Ария Бастрюкова из оп. «Сон на Волге»
муз. Аренского.*

*б) Колыбельн. песня из оп. «Сон на Волге»
муз. Аренского.*

*в) Песня Леля из оперы «Снегурочка»
Римского-Корсакова.*

Исполнит О.В. Соколова-Фрелих.

*г) Дуэт Берендея с Куравой из оперы «Снегурочка»
Римского-Корсакова.*

Исполняют Н.В. Салина и А.И. Барцал.

Портрет Островского в зрелые годы.

Отделение 2-е

*1) Сцена из комедии «Свои люди сочтемся»
Прочтут О.О. Садовская и Д.Ч. М.П. Садовский.*

2) Сцена из комедии «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

Прочтут Н.А. Никулина и Н.И. Музиль.

Арии и романсы на слова Островского:

*а) Речитатив и ария Людмилы из оп. «Тышинцы»,
муз. Бларамберга.*

Исполняет Н.В. Салина.

б) Ария из оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова.

Исполняет М.О. Цыбущенко.

Акомпанировать будет Н.Д. Еер. На основании Высочайше утвержденного 5 мая 1892 г. мнения Государственного Совета и утвержденных 20 августа 1892 г. правил взимания сбора с публичных зрелищ и увеселений со всех билетов взимается сбор, оплачиваемый марками, без коих билеты недействительны.

Ф.1, оп. 1, д. 28.

Заметим, что участие в вечере принимали актеры Малого театра, близкие друзья семьи Островских, с которыми Мария Васильевна не прерывала дружеских отношений и после смерти драматурга: Н.И. Музиль, Н.А. Никулина, М.П. и О.О. Садовские.

27 января 1897 года М.В. Островскую избрали почетным членом Музыкально-драматического кружка г. Кинешмы, о чем ею было получено уведомление на официальном бланке за № 39:

Милостивая Государыня

Мария Васильевна!

Правление Кинешемского Музыкально-драматического кружка имени А.Н. Островского имеет честь уведомить Вас, что на Общем Собрании 23 ноября 1897 года Вы избра-

ны Почетным Членом Кружка и покорнейше просит почтить Кружок принятием на себя этого звания.

Почетный билет при сем полагается.

Председатель Правления П. Хомутов.

Секретарь правления А. Важлинский.

Ф.1, оп.1, д. 30

Ф.1, оп.1, д. 31

Мария Васильевна Островская пережила драматурга на 20 лет. В музее хранится нотариально заверенная копия о ее смерти. На гербовой марке дата: 25 августа 1906 г.

Копия.

Выписка из метрик.

В метрических книгах Костромской епархии, Кинешемского уезда погоста Бережков Николаевской церкви за тысяча девятьсот шестой (1906) год в 3-й части, о усопших под № 6 записано так: июня 22 дня умерла 26 погребена вдова потомственного дворянина усадьбы Щелыково Ивашевской волости Александра Николаева Островскаго Мария Васильевна Островская. Исповедывал и приобщал – погребение совершал Священник погоста Бережков Никол. Ц. Михаил Успенский с псаломщиком Михаилом Зерновым. Священник Михаил Успенский. № 50. июня 27 дня 1906 года. (М.П.)

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником ея, представленным мне, Николаю Маленчинскому, исправляющему должность С.-Петербургскаго нотариуса Геор-

гия Иларьевича Кущева, в конторе его. Адмиралт. части на углу Невскаго проспекта и набережной р. Мойки дом 15/59 Статским советником Сергеем Александровичем Островским, живущим Адмиралт. ч., по Адмиралтейскому каналу № 15, при сличении мною этой копии с подлинником, в последнем подчисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было.

Подлинник оплачен герб. сбором в семьдесят пять копеек. 1906 года, августа 25 дня.

По реестру № 2508.

И.д. нотариуса Н. Маленчинский.

Внизу: печать нотариуса Георгия Иларьевича Кущева в С.-Петербурге.

Ф.1, оп. 1, д. 33

Похоронена М.В. Островская в фамильном захоронении на погосте с. Николо-Бережки.

Г.И.ОРЛОВА,
директор музея

Фамильное захоронение Островских
в Николо-Бережках.

ОТ ДРАМКРУЖКА К ТЕАТРУ

Председатель Правления Музыкально-драматического кружка – уездный предводитель кинешемского дворянства и председатель уездной управы Павел Федорович Хомутов. Семьи Хомутовых и Островских еще со времен отца драматурга связывали дружеские соседские отношения. Александр Николаевич часто бывал в усадьбе братьев Хомутовых – Соколове, где любил погулять по усадебному парку и даже поработать над своими произведениями в парковой беседке. В свою очередь и братья нередко посещали Щельково. Они были обязательными гостями на именинах Александра Николаевича и Марии Васильевны. В эти дни в щельковской усадьбе организовывали театральные постановки, в которых активное участие принимали завзятые театралы – Николай и Дмитрий Хомутовы. Связывали братьев с драматургом и отношения по земской деятельности, особенно Павла Федоровича, так как сам Островский, занимая пост мирового судьи, часто выступал по крестьянским судебным делам. Именно Павел Федорович 29 мая 1886 г. встречал Островского на кинешемском вокзале в последний его приезд в Щельково, и именно ему сказал Александр Николаевич: «Я не доеду до имения».

Кинешемский музыкально-драматический кружок им. А.Н. Островского – коллективный орган управления, благодаря которому был организован и в ведении которого находился Кинешемский театр Костромской губернии. Собственно, своей организацией театр обязан инициативе местной интеллигенции, представители которой обратились в Городскую Думу с просьбой принять постановление о строительстве городского народного театра, возбудить ходатайство о присвоении ему имени А.Н. Островского, уступить под театр оставленное складское помещение, взяв на себя изыскание средств. Дума удовлетворила просьбы учредителей театра. Музыкально-драматический кружок занимался сбором средств и организацией строительства. Ему же было предоставлено право открытия театра, которому, по желанию общественности и ходатайству Городской Думы, было присвоено имя А.Н. Островского. 26 декабря 1897 г. Кинешемский драматический театр открылся комедией Островского «Бедность не порок». До конца сезона артисты-любители показали еще четыре пьесы драматурга: «Счастливый день», «Светит, да не греет», «Грех да беда на кого не живет», «Не все коту масленица». В 1898 году состоялось торжественное открытие театра, на котором присутствовал сын драматурга А.А. Островский. На сцене был установлен портрет Островского, подаренный театру Марией Васильевной. В 1903 году на выставке Северного края за благотворную просветительскую деятельность труппе Кинешемского музыкально-драматического кружка было выдано свидетельство на золотую медаль. С 1906 г. правление решило не вести самому антрепризы и передать театр в руки товарищества.

ПЕРЕКЛИЧКА ВРЕМЁН

А. Н. Островский и «Материалы для словаря народного языка»

В 1923 году, когда праздновали столетний юбилей со дня рождения А. Н. Островского, С. К. Шамбинаго, редактор юбилейного сборника «Творчество А. Н. Островского» и автор статьи «Из наблюдений над творчеством А. Н. Островского», говорил о «разнообразии красочного и образного, меткого и острого» языка писателя, почти не переводимого на другие языки, но тем не менее понимаемого всеми¹. Этим языком говорят герои пьес А. Н. Островского, люди разных сословий и профессий: купцы, приказчики, слуги, свахи, чиновники и дворяне, актёры, околотеатральный люд и др. Только, сетовал С. К. Шамбинаго, среди героев пьес Островского нет представителей рабочего класса, соответственно нет отражения и особенностей их речи. На сцене театра Островского, добавим мы, также нет или почти нет и крестьянства. Исключение, может быть, составляют Иван Петрович Восьмибратов, по словам Гурмыжской, «простой человек», бывший крестьянин, а теперь «купец, торгующий лесом», да супруги Большовы из «Своих людей – сочтёмся», которые, судя по их речи и замечаниям свахи о том, что прежде Самсон Силыч «голицами торговал», а Аграфена Кондратьевна «па-

невница» была, прежде крестьянствовали где-то к югу от Москвы.

Однако язык персонажей драматурга, даже с вкраплением французских заимствований, далёк от рафинированной дворянской речи, от того, что сейчас считают кодифицированным литературным языком. Это та языковая среда, которую называют «полудиалектом», разговорно-обиходным языком (Halbmundart, Umgangssprache), (В. М. Жирмунский)² или «региональным языком» (М. А. Бородина)³, во времена А. Н. Островского обслуживавшим и город, и деревню. «Прислушливое», как выразился наш земляк, этнограф и писатель С. В. Максимов⁴ о способе изучения богатств русской речи своего друга, «привело его» к написанию «оригинального» словаря, над которым он работал всю жизнь, начиная с 1856 года. Это словарь языка крестьянской обиходно-бытовой и производственной деятельности, схожий по замыслу и исполнению с Толковым словарём живого великорусского языка В. Даля. При жизни писателя Словарь не был напечатан, хотя и был одобрен членами 11 Отделения языка и словесности Императорской академии наук и самим Яковом Карловичем Гротом. Теперь

он помещён в полных собраниях сочинений писателя под именем «Словарь Островского» или же, чаще, «Материалы для словаря народного языка». Под последним названием он нередко фигурировал на страницах «Губернского дома» и других изданий, ему посвящено немало статей, в основном костромских авторов. В соотношении с современными костромскими диалектами «Материалы...» А. Н. Островского стали предметом диссертационного исследования И. П. Вербы⁵, которая была успешно защищена в 2006 году.

Этот великолепный словарь, схожий по своим принципиальным установкам со словарём В. Даля, необыкновенно ценный для изучения разных слоёв лексики русского народного языка и прежде всего его диалектов, свидетельствует о широте интересов драматурга и его демократизме: А. Н. Островский знал, любил народное крестьянское слово и мог мастерски представить его в форме словарной статьи. Кроме познавательного значения, многие толкования писателем того или иного слова имеют и эстетическую ценность: они логичны, точны, часто представляют собой сочинение-миниатюру, очерк или рассказ с вкраплением образцов под-

линной народной речи. Большая часть слов имеет географическую помету, и из тысячи с лишним слов примерно треть характеризует костромскую лексику, что является одной из самых ранних словарных фиксаций подобного материала. Сверка лексики «Материалов...» с современными костромскими говорами показала её долговечность: и через полтора столетия в говорах Костромской области удалось найти почти всю лексику «Материалов...» с пометой Костром.

Ранее на страницах «Губернского дома» освещалась лексика некоторых тематических групп «Материалов...» А. Н. Островского, теперь мы рассмотрим лексику, характеризующую сельскохозяйственный уклад жизни костромского крестьянина. Такая лексика имеет у А. Н. Островского помету *костром.* или *Волга*, многочисленна и относится к разным сторонам сельской жизни. Основной формой трудовой деятельности крестьян было земледелие, которое сочеталось с иными формами производственной деятельности: ремесленными занятиями, промыслами, местными и отхожими. В данной статье обратим внимание на некоторые слова «Материалов...», которые имеют параллели в современных костромских говорах, что легко установить по данным недавно вышедшего словаря «Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь» (КрКОС)⁶ Примерно третью часть сло-

варя составляет костромская диалектная лексика всех 24 районов Костромской области, собранная в последнее время по тематике лексики «Материалов словаря...» А. Н. Островского.

В данной работе сначала в виде словарной статьи представляем слово в «Материалах...», затем как комментарий даём данные КрКОС. Подобная работа выполнена частично с помощью наблюдений И. П. Вербы в упомянутом диссертационном исследовании.

«*Завозня*, ж. [1-знач.] – лодка при судне для заведения якоря и вообще лодка, находящаяся при судне. (Трезубовка). Волга. [2-знач.] – навес на столбах для телег, саней и пр. Костром., кинеш.». В современных костромских говорах сохраняется многозначность лексем. В первом значении отнесённость к промышленному судоходству утрачена, и по данным КрКОС это просто ‘большая судоходная лодка’ – *Которая ихняя-то завозня?* Кадыйск. *На завозне через Волгу переплывали.* Костром., Краснос. *В его завозне четыре человека гребли.* Маркар. *Завозня-то совсем дырявая стала.* Мантур. *Мой-то завозню купил.* Нерехт. Во втором значении слово употребляется активно: *Давеча уже телегу и борону в завозню затащили.* Буйск. *Раньше лошадь в завозне стояла, а теперь дрова лежат.* Галич. *У меня завозня разваливается, старая совсем.* Остров. *Ай, ещё не поставили телегу-то в завозню?* Судисл. *В завозню*

прямо на лошадях заезжали. Сусан.

«*Мякинница*, ж. Сарай для хранения мякины и всякого корму. Костром., яросл.». В КрКОС *мякинник* и *мякинница* – ‘сарай для хранения мякины и разного мелкого сухого корма’: *Добеги до мякинника, принеси корму поросёнку.* Поназ., Пыщуг., Буйск., Солиг., Чухлом., Межев., Остров. (с. Адищево в 8 км от Щелькова). *Мякину хранили в мякинницах-то.* Солиг.

Рыболовецкая лексика «Материалов...»: *наплав* (*наплавок*), *недотка* и *подлёдник* употребительны и сейчас в костромских говорах.

«*Наплав*, *наплавок*, м. Из осокори поплавок вверху невода. Волга». В настоящее время в буйских говорах отмечен вариант слова ж. рода *наплавка*, в значении которого отражается изменение характера рыбной ловли со времён Островского. По КрКОС, это «сеть-трал, которую привязывают к лодке для ловли рыбы». Тут сохраняется значение «находящийся наверху», то же, что и у Островского. Все реки Костромской области относятся к бассейну Волги, так что эта помета правомерна относительно всех костромских территорий.

«*Недотка*, ж. Редкая ткань, редина, употребляемая вместо сети для ловли рыбы. Волга». Диалектные материалы, помещённые в КрКОС, не только подтверждают функциональное предназначение этой ткани, но и конкретизируют это понятие и уточняют

его географию: «Недотка – это редкая тканьина, метров тридцать, двое её волокут, когда рыбу ловят. Кологр.

Раньше недотку не плели, а редко ткали, теперь уж ей не пользуются. Мантур.

Недотка-то плотнее бредня, тканая, а не плетёная. Макар., Вохом., Межев., Нейск. *Топерь уж и сеть мелкую недоткой называют.* По-наз., Пыщуг.

Слово *недотка* имеется и в недавно вышедшем словаре диалектной лексики «Живое поунженское слово», извлечённой из произведений кологривского писателя Е.В. Честнякова⁷. В «Сказании о Стафии, короле тетеревином»⁸, составленном Р.Е. Обуховым по черновикам Е. Честнякова, Стафий путешествует в чудесном воздушном корабле наподобие птицы, сделанном из *недотки*, а в пьесе «Свадьба» упоминается персонаж, занимающийся рыбной ловлей при помощи *недотки*: «Недотка. 1. Редкая ткань, которая идёт на бредни, сети, рядно. *Понажав пуговку – и птица мигом сложится и будет похожа на недотку свёрнутую.* (Стафий). 2. Сеть, бредень из редкого холста для ловли мелкой рыбы. *Шёл он давеча с недоткой к речке, рыбу, вишь, ловить* (Свадьба. Яр.)». «Свадьба» (другое название «Сватовство») напечатана в книге «Живое поунженское слово» по рукописным материалам Е. Честнякова, предоставленным кологривским краеведом Е. В. Ярыгиной.

«Подлёдник, м. Крючок с насадкою, опускаемый под лёд. Костром.». В этом значении слово сохранилось в говорах Островского, Галичского и Чухломского районов, где хорошо развито рыболовство.

Лексика обработки льна с пометой Костром. представлена в «Материалах...» словами сходного значения *обжимки, омялье, отренье*. Она до сих пор известна в костромских говорах, где до недавнего времени занимались этим ремеслом.

«Обжимки, мн. Остающиеся на земле от мятья льна ещё годные волокна, их подбирают и снова мнут на тонкие верёвки. Костром.». В современных костромских говорах выявлены два значения слова, которые поданы в КрКОС: «1. Непромятое волокно льна, которое мнут вторично. *Бывало, возьмёшь обжимки и давай их снова мять.* Остров. 2. Волокно льна низкого качества. *Верёвки у нас из обжимков плели.* Кологр., Буйск., Мантур.

«Омялье, ср. Кора, кострика, оставшаяся от волокна при мятии льна. Костром.»

«Отрепливать. Отренье, ср. Грубые волокна, отделившиеся посредством *трепала* от чистого льна; их собирают, вытряхивают из них кострику и свёртывают в *кудели*. Последние потом употребляются на самые грубые ткани – мешки, половики и проч. Костром.». В последней словарной статье представлено ещё несколько слов из этой тематической группы:

слово *трепало*, орудие обработки льна, *куделя*, результат обработки льна, и многократный глагол *отрепливать*, обозначающий процесс обработки. В костромских говорах имеются также варианты этих слов: *омямлки, отрёмпи, отрёмки*.

Удалось обнаружить в современных костромских говорах и термины полеводства «Материалов...»: *гнездо, зарод, кровать, нога, посад* и др.; огородничества: *островье, постельник, рассадник* и др.; названия хозяйственных приспособлений: *глухарь* «большой колокольчик, бубенец, который вешали на шею коровы, на дугу упряжи лошади»: *Мы раньше нашей Зорьке глухарь на шею вешали, чтобы слышать было, где она.* Остров., Кадыйск., Парф., Нейск., *ночвы* в значении «неглубокое долблёное корытце с двумя ручками, в котором отделяли шелуху от зерна путём подбрасывания»: *В ночвах зерно провеивали так: на ветерке подбрасывали зерно, лёгкий мусор, шелуха при этом улетали, а зерно падало обратно.* Нейск., Судисл. и т.д., повсеместно по Костромской области.

В «Материалах...» приводятся два варианта названия заплечной корзины, широко распространённой в зонах новгородской и кривичской колонизации на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества: *пестер* и *пецер* (об этом см. подробнее в работе Г. Г. Мельниченко).⁹ «Пестер, м. Плетённая

из лыка сумка в виде ранца (пещер). Костром.». В современных костромских говорах употребляются разные варианты слова с корнем пестер-: *пестер* и *пестерь* – «берестяной короб в виде ранца для переноски на спине разной поклажи»: *Пастухи у нас и теперь с пестерями ходят, за плечами носят. Вохом. В пестер можно ложить грибы, ягоды, окромя черники. Кологр. Пестери-то сами делали, другим продавали. Костром. Пестер-то надо бы поналадить, а то грибы не в чем носить будет. Макар. Раньше по обабки-то всё время с пестерьям ходили, по бруснику тожо. Мантур. Вчера он полный пестерь брусницы принёс. Окт. Бывало на поюню нагрузишь полные пестери всего и живёшь там несколько дней. Павин., Пыщуг., Шарьин. Когда в лес идёшь, набирушечку для ягод возьмёшь, а пестерь-то – за плечи, так легче набратое нести. Поназ. Употреблялись и уменьшительные названия к слову *пестер*: *пестерёк*, *пестеренька*, *пестёрка*: *Пока маленька-то была, дак с пестерком по ягоды-то бегала. Бывало, до дому не донесу, по дороге съем. Поназ. Раньше много землянки-то было, детки полные пестереньки приносили. Нейск. Пестёрки из бересты плели, еду в них клали, ягоды. Буйск., Нейск., Нерехт.**

Таким образом, «Материалы словаря народного языка», интересные и полезные во многих отношениях, помогают глубже изучить костром-

скую диалектную лексику. Они заставляют по-новому взглянуть на А. Н. Островского как человека и творческую личность, по-новому оценить язык его драматургии и увидеть в нём отголоски «Материалов...». Несомненно, в полной мере особенности языка произведений А.Н. Островского можно будет раскрыть при помощи Частотного словаря языка произведений А. Н. Островского, который составили костромские и шуйские авторы. Этот словарь, в создании которого участвует 50 авторов из разных городов России, является приложением к Энциклопедии А. Н. Островского.

Н. С. ГАНЦОВСКАЯ,
профессор КГУ

Примечания

1. Шамбинаго В.К. Из наблюдений над творчеством А.Н.Островского // Творчество А.Н.Островского. М.-П., 1923.

2. Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков // Общеземе и германское языкознание. Л., 1976.

3. Бородина М. А. Соотношение понятий «диалект» и «региональный язык» // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.

4. Максимов С. В. А. Н. Островский по моим воспоминаниям // Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т.1 / под ред. М. И. Писарева. СПб., 1896.

5. Верба И. П. Костромская диалектная лексика и особенности её лексикографического описания в «Материалах для словаря народного языка» А.Н. Островского. Дис... канд. фил. наук. Орёл, 2006.

6. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома: изд. КГУ им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2006.

7. Ганцовская Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома, 2007.

8. Честняков Е. В. Сказание о Стафии – короле тетеревином / сост. РЕ. Обухов. Москва, 2007.

9. Мельниченко Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII–нач. XIII в (Территориальное распространение, семантика и словообразование). Ярославль, 1974.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Рос. гумм. научно-го фонда в рамках н.-исслед. проекта «Энциклопедия А.Н. Островского». Проект № 06-04-0018а.

ЛЕТО ДЛЯ СТАРАНЬЯ – ЗИМА ДЛЯ ГУЛЯНЬЯ

Народная пословица гласит: «Новое – это хорошо забытое старое». Сейчас возрастает интерес к народным традициям. Музей-заповедник «Щельково» не остался в стороне от этого течения. Чувство родной земли, интерес к прошлому, изучение старинных обрядов, родного языка легло в основу этой работы. Музей проводит цикл праздников по православному и народному календарю, сопровождая все это зрелищным, игровым действием. Мы стремимся дать людям светлый, радостный праздник, помочь им сильнее ощутить свою связь с прошлыми поколениями, жившими на этой земле, почувствовать себя наследниками богатства и разнообразия наших народных традиций.

Жизнь идет по кругу, одно время года сменяется другим, чередуются будни и праздники.

Осмысление слова «праздник» (праздный, т.е. незанятый, свободный) в народной традиции неоднозначно. Поскольку лень рассматривалась как один из тяжких пороков, желание проводить время без дела, праздно, строго осуждалось. «Праздный человек на грех натолкнется», – гласит пословица. Но народ, умея трудиться, умел и веселиться.

Главные православные праздники проводятся для жителей Щелькова силами

Воскресной школы. Воскресная школа существует недолго, два года, но интерес к ней возрастает, дети с удовольствием ходят на занятия в село Николо-Бережки, в храм Святителя Николая. Занятия проводит приходской священник – отец Максим (Рихтер), участвуют в проведении занятий и музейные сотрудники, также они занимаются и подготовкой праздников.

Рождество Христово – один из наиболее любимых и чтимых праздников, он проводится на протяжении многих лет с исполнением рождественских песен, щедровок, колядок. Как правило, готовится сказка на рождественский сюжет или разыгрывается вертепный театр.

Традицией стали и колядки. Это одно из самых веселых зимних занятий для детей Воскресной школы. С Рождественской звездой ходят они по домам Христа славить. Активно участвуют даже самые маленькие, дети детского сада, они с воодушевлением поют, добра хозяевам желают, тут появляются ряженые, разыгрывается шуточная сценка, например, «Как цыган лошадь продавал». В благодарность за добрые пожелания хозяева дома выносят детям угощение.

В старину люди думали, что смены времен года не будет, если не провести в срок нуж-

ный обряд. Один из самых древних праздников – Масленица.

Зиму надо проводить, а весну встретить. В народе этот праздник очень любили и отмечали с размахом, и сейчас это веселый, разгульный праздник, ожидаемый и детьми, и взрослыми. Развлекательные традиции Масленицы очень интересны и богаты. Для туристов, приезжающих в Щельково, в праздничной программе театр Петрушки, игры, песни, конкурсы. Не обходится Масленица и без сжигания чучела. Сколько смеха вызывает, особенно у тех, кто не ожидал никакого подвоха, посещение балагана «Путешествие вокруг света!» И, конечно, какая Масленица без блинов, ведь блин – это символ солнца, символ наступающей весны.

Зарождаются и новые традиции. Основой одной из них стало официальное признание Щелькова в 2000 году «Родной Снегурочки», когда Снегурочка единственный раз выехала из Щелькова зажигать главную елку страны – Кремлевскую. Музей-заповедник активно включился в этот проект, стараясь ввести сказочный образ в современный культурный процесс. Работает программа «Почта Снегурочки». Не остались в стороне и школы Островского района и

В гостях у берендеев. 2007 г.

г. Заволжска Ивановской области. Для них разработана программа Конкурс Снегурочки. Проведение конкурсов стало традицией, и теперь они проводятся ежегодно. Каждый год разрабатывается новая конкурсная программа. Участвуя в конкурсах, дети имеют возможность проявить свои творческие способности. Ежегодно проводится заключительный праздник, где проходит подведение итогов конкурса и награждение участников. Главный участник этого конкурса – Снегурочка.

С «легкой руки» сотрудников в музее проводятся программы для туристов «В гостях у берендеев» или «Праздник в берендеевой слободе».

Берендеи – это веселый, жизнерадостный, гостеприимный народ, который

*«Во всем велик, – мешать с
бездельем дело
Не станет он; трудиться,
так трудиться,*

*Плясать и петь – так
вдоволь, до упаду»*
(«Снегурочка», действ. 3,
явл. 1).

Внутренний настрой пьесы, искрящееся веселье переносится на открытую площадку в селе Николо-Бережки, у этнографического музея «Дом Соболева». Ведь именно это село послужило прототипом заречной слободы Берендеевки в сказке Островского «Снегурочка». Здесь посетители встречаются с персонажами сказки А.Н. Островского – Снегурочкой, Бобылем, Бобылихой. Надев костюмы, посетители чувствуют себя настоящими берендеями. Гостям предлагаются зимние забавы: старинные игры, состязания, катания на санках. В доме радушная хозяйка-берендейка расскажет, как люди жили в старину, как трудились и отдыхали, познакомит с предметами крестьянского быта. На прощание хозяйка угощает гостей аромат-

ным чаем с пирогами. По улыбчивым лицам детей видно, что они уходят с праздника довольными. Значит, все получилось.

С удовольствием в программе участвуют и взрослые – им тоже хочется ненадолго побывать в детстве и окунуться в атмосферу игры, веселья, сказки. На праздник приезжают гости не только из нашей области, но и из Москвы, Ярославля, Иванова, Владимира и т.д.

В это же время Голубой дом превращается в «Резиденцию Снегурочки», здесь гостям предлагается программа «Встреча со Снегурочкой». Сказочная героиня рассказывает о письмах и подарках, которые ей присылают со всех уголков нашей страны. Здесь она вместе с гостями играет и водит хороводы. Программа проходит в атмосфере праздничности, где каждый посетитель – соучастник происходящего благодаря игре, непосредственному общению со сказочным новогодним персонажем. Снегурочка и сама большая мастерица и рукодельница. Она научит гостей рукоделию, а помогает ей в этом подружка Мастерица.

Посетители с удовольствием участвуют в этих программах, потому что они дают ощущение праздника, так нужно людям.

*В.В. ОЖИМКОВА,
научный сотрудник музея-заповедника «Щелыково»*

«Мы часто вспоминаем нашу встречу»

«Здравствуй, дорогая Снегурочка! Поздравляю тебя с Новым годом! Желаю тебе красоты, долголетия, холодных зим, красивых снежинок, волшебства!..» Каждое из писем несет в себе теплоту, доброжелательность, в этом убеждаешься, читая уже первые строчки писем.

Почта Снегурочки работает уже 6 лет. И каждый год радуют Снегурочку своими письмами и дети, и взрослые. Пишут мамы, бабушки, дети разных возрастов и даже целые классы. Очень приятно узнавать, что и взрослые продолжают верить в сказку: «... Я всегда верила в вас и постараюсь

передать эту веру моему сынишке. Ведь жить в стране фантазий – такая радость...» – пишет мама Оля годовалого сынишки Саши из города Галича.

В этом сезоне писем пришло около 300. Большая часть писем из Костромской области. Письма также приходили из Москвы, Санкт-Петербурга, Сочи, Белгорода, Ярославской, Костромской, Ивановской областей.

Дети Снегурочку считают своей подружкой, поэтому в письмах присылают загадки, кроссворды, рисунки. Из писем можно узнать об интересах и увлечениях детей:

«...Я увлекаюсь рисованием, сочинением стихов и люблю слушать музыку», – пишет Сметанина Алена из деревни Афанасово Костромской области.

Дети делятся со Снегурочкой своими радостями и неудачами.

Многие письма интересны тем, что ребята проявляют свою индивидуальность и творчество. Особую «ценность» составляют стихи, сочиненные самими детьми:

С Новым годом

Мы елку срубим там, в лесу
и в Новый год нарядим!

Подарим ей улыбку,
доброту!

А утром пусть елка
оживет,
и мы ей включим огоньки
гореть.

И пусть горит она яркими
огнями:

красными, синими,
желтыми,

А мы ей будем
любоваться, а вечером

Под Новый год мы песенку
споем,

и дедушка Мороз со
Снегурочкой придут,

подарят нам подарки.

(Славская Вика,
Костромская обл., д. Дымница)

Мастерская Снегурочки. 2007 г.

Общение со сказочным персонажем наполняет сердца детей верой в чудеса, в сказку, вселяет надежду в победу добра и торжество справедливости. Снегурочка не оставляет без внимания ни одного письма.

«Здравствуй, наша землячка Снегурочка!»

Пишут Вам ученики 3в класса Островской средней школы.

Вот и настало время вновь нам с Вами пообщаться, а может быть, и встретиться. Сообщаем тебе, что в нашем классе 21 ученик. Учебную четверть закончили успешно, а 11 человек – на «4» и «5». Класс у нас дружный и очень активный: мы принимаем участие во всех школьных мероприятиях, организуем свои дела. 17 учеников нашего класса занимаются во внеурочное время в

кружках и секциях. В классе проходят интересные мероприятия, например, Выставка на лучший осенний букет, «Чудо-овоци», «Сами своими руками», «Спортивная эстафета», конкурсы рисунков и поделок. А с 19 по 25 ноября проходила в школе Неделя начальных классов. Вот где было поле деятельности! Каждый день был чему-то посвящен. И на заключительной линейке учащиеся нашего класса получили много грамот за активное участие в мероприятиях. Нам было очень приятно. Дорогая Снегурочка, скоро настанет Новый год. Мы бы очень хотели с тобой встретиться, как в прошлом году. Мы часто вспоминаем нашу встречу с тобой. Если есть время, ответь нам пожалуйста, мы будем рады. Желаем тебе успехов и благополучия.

*Командир 3в класса
Смирнова Арина»
(ученики 3в класса Островской ср. школы)*

«Дорогая Снегурочка!»

Пишут письмо тебе Оля и бабушка Галя. Оле 3,5 годика. Она ходит в садик, а когда болеет, то остается дома с бабушкой. Оля любит смотреть книжки, слушать песенки и смотреть мультики. Оля знает стихи. Она в садике вместе с детишками поет песенки, учит стихи, а дома любит рисовать и раскрашивать картинки. Хорошо складывает пазлы. А еще Оля знает все буквы алфавита и может их называть и написать каждую, какую попросишь. Скоро мама будет учить ее читать. Оля немного умеет считать, но это для нее сложно пока, путается в порядке цифр.

Дорогая Снегурочка, мы тебе уже писали письмо, когда Оле было 1,5 годика, и ты прислала нам ответ. Олина мама хранит это письмо на память. Мы бы очень хотели, чтобы ты, дорогая Снегурочка, поздравила Олю с Новым годом и в этом году.

*Заранее тебе благодарны.
До свидания.*

Оля и бабушка Галя.

(Полесскова Оля, г. Воронеж)

Гори, гори ясно... 2007 г.

Подготовила
О.Н.КУСТОВА

«ТЫ ВЫЙДЕШЬ НА СЦЕНУ КОРОЛЕВОЙ!»

Десять лет Всероссийскому фестивалю любительских театров в Щельково

Несчастливцев.

– Вот, если бы нам найти актрису драматическую, молодую, хорошую....

– Да понимаешь ли ты, что такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мне нужно? Душа мне, братец, нужна, жизнь, огонь. – Бросится женщина в омут головой от любви, – вот актриса. Да чтоб я сам видел, а то не поверю. Вытащу из омута, тогда поверю. (А.Н. Островский «Лес»).

Глядя на старые фотографии деревянной плотины и мельницы, к сожалению, не уцелевших со времен Островского, вздохнешь с грустью о том, что не осталось этих занятных атрибутов усадебной жизни, но и подумаешь с облегчением, что нет теперь омута у мельницы, своеобразного чистилища, в котором можно было выловить, если успеешь, хорошую драматическую актрису. А если бы надумали еще нырять и юноши (пусть от любви к театру)?!. Хорошо, что на щельковском фестивале любительских театров всегда было компетентнейшее жюри из преподавателей московских театральных институтов, иначе не обошлось бы без спасателя-водолаза. А если учесть, сколько было молодых актеров и актрис, подходящих к критериям трагика Несчастливцева, приезжавших за 10 лет в Щельково, то

и спасатель вряд ли бы справился. А так, слава Богу, обошлось!..

Щельково по географическому положению лежит как раз на пути следования двух бессмертных персонажей Островского – Счастливцева и Несчастливцева – из Вологды в Керчь, и из Керчи в Вологду. Учитывая местоположение и творческую ауру Щелькова, провидение своим перстом указало место, где должен был родиться театральный фестиваль. И провидение не ошиблось: на этом перекрестке судьбы впоследствии встречались актеры из Калининграда и Южно-Сахалинска, Голландии и Польши.

Само Щельково со времен Островского всегда бурлило театральными начинаниями. К самому Александру Николаевичу всегда приезжали актеры московских, петербургских и провинциальных театров отдыхать по приглашению хозяина. Но отдых в Щельково всегда был напитан искусством театра; и в сеном сарае на импровизированной сцене часто разыгрывались мизансцены из великих пьес Островского великими актерами России.

Потом приезжали актеры уже без хозяина, любя Щельково, снова играли пьесы Островского. Затем, уже во времена Дома творчества тема отдыха воплощалась в теат-

ральных капустниках. На заре перестройки возник российско-американский проект постановок современной драматургии. В этом проекте участвовали почти все современные драматурги России и Америки, сформировали свое творческое кредо и пошли гернистым путем современной драматургии, отражая извилистые перипетии современной жизни.

Во второй половине 90-х годов в Щельково родилась, а великий дух Островского этому не воспротивился, идея фестиваля любительских театров России. Случайна ли была встреча Станиславского и Немировича-Данченко, после чего возник Художественный театр? Случайно ли встретились ваш покорный слуга и Галина Вениаминовна Сорокина, председатель Нижегородского Союза театральных деятелей? Идею фестиваля предложила Галина Вениаминовна. К сожалению, «Славянского базара» поблизости не оказалось, как, впрочем, и любого другого ресторана. Разработка стратегии фестиваля проводилась во время медленной прогулки от памятника Островскому до столовой и обратно. Сколько было этих маятниковых променадов по исторической аллее? На пути к памятнику обсуждались творческие вопросы фестиваля, на обратном

пути к столовой – организационно-бытовые. Подходя к монументу, мы заглядывали в лицо драматургу, не хмурится ли Он, как Командор на приглашение Дон Гуана? Угодны ли Ему наши идеи? Снисходительное добродушие Его придавало нам уверенности. Может быть, поэтому все и удалось? А последующие 10 лет настоящего театрального праздника не тому подтверждение?

Фестиваль имел ряд отличительных особенностей: во-первых, он получался закрытым, т.е. в связи с удаленностью от городов зрителями становились сами актеры, участники фестиваля, и очень малое число местных жителей, в основном сотрудники музея-заповедника; во-вторых, нас мало интересовала «раздача слонов», т.е. опреде-

ление лучших и худших, главное – участие, критический разбор и обсуждение спектаклей компетентным жюри; в-третьих, работа творческой лаборатории, т.е. педагоги театральных институтов, приглашенные в жюри фестиваля, одновременно ведут мастер-классы по режиссуре, актерскому мастерству, сценическому движению, сценической речи; в-четвертых, спектакли отбирались по видеокассетам, присланным вместе с заявкой (отбирались лучшие); в-пятых, спектакли можно было играть не только на сцене, но и на лужайке, в лесу, у пруда – где режиссер сочтет нужным.

С самого начала учредителями фестиваля становятся Музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково», Дом

творчества СТД. Потом уже учредителями фестиваля стали Министерство культуры России, Союз театральных деятелей России, Всероссийский Дом народного творчества, Департамент культуры Костромской области. То есть благое начинание расширилось, развилось и окрепло. Фестиваль действительно становится всероссийским.

Фестиваль всегда открывался у памятника Островскому, потом посещали усадьбу писателя, это сразу поднимало нравственную планку фестиваля, а художественный уровень определялся отбором. Уровень и качество спектаклей всегда были высокими.

Первые года фестиваль имел название «От Пушкина и до...». Отбиралась в основном русская классика. Потом

Участники фестиваля в Щелькове.

рамки фестиваля расширились, появилась зарубежная классика, а потом и современная драматургия. Он стал называться «Успех».

Планку требовательности поднимало жюри. В разные годы на фестивале работали: главный редактор лучшего на наш взгляд театрального издания России «Петербургского театрального журнала» Марина Дмитриевская; яркий, динамичный, парадоксальный Михаил Николаевич Чумаченко; принципиальный и непримиримый Михаил Яковлевич Али-Хусейн; великий и мудрый Петр Глебович Попов; осторожный и пронизательный Тимофей Иванович Сополев; бодрый, независимый, с хорошим вкусом Сергей Анатольевич Морозов – все галантливые режиссеры, педагоги и горячо преданные театру люди.

Занятия по сценической речи проводили остроумнейший и неунывающий Анатолий Иванович Захаров из Нижнего Новгорода и благородная, корректная, интеллигентная Наталья Александровна Черкасова.

Звездой фестиваля, ярчайшей творческой личностью и всеобщим любимцем всегда был Пивоваров Владимир Ефремович, профессор, ведущий преподаватель РАТИ (ГИТИС) по сценическому движению. Сколько девичьих влюбленных глаз смотрело на него, когда пел он на сцене под гитару. На вид башибузук, боец, настоящий мачо, а душа отзывчивая, ранимая, тонко чув-

Преподаватель сценического движения
Пивоваров Владимир Ефремович с учениками.

ствующая прекрасное. Сколько чудесных воспоминаний от занятий и общения с ним осталось в сердцах участников фестиваля!

Здесь возникла одна трудноразрешимая проблема: всем актерам и режиссерам при плотном графике просмотра спектаклей хотелось поучиться всем дисциплинам театрального искусства, хотелось обязательно поучаствовать в мастер-классах всех преподавателей, а шли они одновременно. Приходилось переносить занятия чуть ли не на ночь, но и ночные репетиции никто не отменял. Когда люди спали, непонятно... Да и до сна ли было... Представьте, кипящий вулкан театральных и фестивальных страстей, конец весны – начало лета, дворянская усадьба, темные аллеи, соловьи поют, белые ночи, почти все молодые... Какой уж тут сон!

Нельзя не сказать и об организаторах фестиваля. Низкий поклон всем сотрудникам Ко-

стромского Дома народного творчества, на протяжении многих лет участвовавшим в работе фестиваля. В труднейших условиях: работа транспорта, размещение участников, график репетиций, оформление дипломов, закупка призов и подарков – все выдерживали хрупкие женские плечи.

Важную роль в развитии фестиваля сыграла Ирина Владимировна Горбунова. Сменив «отцов-основателей» на посту директора фестиваля, она, вместе с Аллой Валентиновной Зориной, приложив много усилий, сделала фестиваль международным. В Щелыкове побывали театральные коллективы из Голландии, Польши, Исландии, Германии, Латвии. Несколько лучших российских театральных коллективов с Щелыковского фестиваля поехали на международные форумы. Она привнесла еще одно новшество: лучшие фестивальные спектакли приглашались на

сцену Московского Дома актера и игрались там, получая шквал аплодисментов от избалованной московской публики. Остается очень сожалеть, что Ирина Владимировна перешла на другую работу, и фестиваль оказался в руках людей непрофессиональных, малокультурных и малопонимающих в искусстве театра. Свернута международная программа, а на последнем фестивале некому было даже присвоить «Гран при», ибо уровень отбора спектаклей был довольно низким. Вероятно, уйдут и хорошие педагоги, с которыми мы работали много лет... Сильно подскочили цены проживания и питания.

Но не хочется думать о грустном, ведь сделано очень, очень много. На судьбы очень многих людей фестиваль повлиял благотворно. Многим он дал «путевку в жизнь», утвердил в уверенности молодых, что можно связать свою профессиональную карьеру с

искусством театра. Немолодым подарил уверенность в том, что их увлечение театром – настоящее творческое дело, дарящее людям радость, спасающее в трудную минуту и не менее важное, чем основная профессия; что театр – источник, где можно напиться живой воды искусства. Да и само название «любительский» имело лишь номинальное значение, ибо кто теперь без иронии воспринимает словосочетание «любительский спорт». Обсуждение спектаклей всегда велось жестко, на высоком профессиональном уровне, без скидок, что это «наивная любительская забава». Кто «отравлен» искусством театра, тот «отравлен» на всю жизнь и вряд ли изменит свое пристрастие, а предела совершенству, как известно, нет. На того, кто любит свое дело и беззаветно предан ему, всегда приятно смотреть. Удалось полюбоваться прекрасными спектаклями, как многим другим

зрителям, и автору этих строк. В лучшие годы фестиваля мы не могли разместить в Доме творчества даже лучшие театральные коллективы с уже отобранными спектаклями: мест не хватало. Участники фестиваля селились в деревенских домах, в сельской школе и даже в палатках. Жаль, что нельзя перечислить все лучшие спектакли за все годы существования фестиваля (займет не одну страницу). Но некоторые мизансцены из спектаклей да и сами спектакли невозможно забыть, а какие актерские работы! Образ Коломбины из спектакля Натальи Жуковой «Русское дель арте» так до сих пор живой у меня перед глазами!

Любое фестивальное движение имеет свою динамику, свои вершины, спады и подъемы. Иногда даже годы невостремленности. Так случилось с КВН, даже с конкурсом Чайковского. Ничего страшного. Хочется верить, что щельковский фестиваль обретет новую силу, новую энергию. В таком месте театр должен существовать! И пусть сегодняшняя Коломбина завтра на сцену выйдет королевой!

Р.С. «Ты молода, прекрасна, у тебя огонь в глазах, музыка в разговоре, красота в движениях. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, так и останешься» (А.Н. Островский «Лес»).

*В.А. ВАКУЛИН,
зав. отделом музея-заповедника «Щельково».*

Коломбина. Сцена из спектакля «Русское дель арте».

ПО СТРАНИЦАМ ЖИЗНИ ЧАЛЕЕВЫХ

Сценическая деятельность театрального педагога, артиста Малого театра Николая Федосеевича Чалеева началась под артистическим псевдонимом «Костромской». Много раз он выступал и на сцене Костромского драматического театра им. А.Н. Островского и очень любил наш театр и город, считая костромской край своей второй родиной. В детстве и юности он часто гостил в родовых дворянских поместьях Чалеевых в Солигаличском уезде у дедушки и бабушки, позднее любил наблюдать русскую жизнь в отцовском имении Готовцево Галичского уезда и написал об этом книгу воспоминаний.

На сцене нашего драматического театра молодым Чалеевым были сыграны ведущие роли в премьерных спектаклях по пьесам А.П. Чехова «Три сестры», Х. Ибсена «Доктор Штокман», М. Горького «Мещане» и «На дне», В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» и А.Н. Островского «Без вины виноватые».

И 27 января 1915 года во время прощального с костромским зрителем бенефиса этот уже широко известный актер прекрасно сыграл, как вспоминают очевидцы, роль Силы Грознова из комедии А.Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше». В подарок на прощанье от костромских ак-

теров он получил плуг с пожеланием сделать им первую борозду на родной земле, но покрестьянствовать Николаю Чалееву так и не пришлось... Театр его не отпустил.

В собрании щельковского музея-заповедника хранятся три альбома с семейными фотографиями Чалеевых. Многочисленный род дворян Чалеевых прославился прежде всего тем, что дал России большое количество мореплавателей, верою и правдою послуживших Отечеству. Альбомы были переданы в музей в 1976 году вдовой известного актёра Малого театра Николая Федосеевича Костромского-Чалеева Натальей Сергеевной Стояновой, также игравшей на сцене Малого театра.

Часть фотографий надписана карандашом, причём надписи стоят как на самих фотографиях, так и на страницах альбома. Анализ этих поздних надписей показывает, что одна часть из них сделана Н.Ф. Костромским-Чалеевым, другая – предположительно его сестрой Марией, третья – Н.С. Стояновой. Лица на неподписанных фотографиях пришлось определять путём сопоставления. Имена некоторых людей остаются пока неизвестными.

Среди изображённых лиц – члены многочисленной семьи Чалеевых, их родственники, друзья, знакомые. Самые ста-

рые изображения в альбоме – это копии со старинных портретов Николая Александровича и Агриппины Алексеевны Чалеевых, дедушки и бабушки Н.Ф. Костромского отцовской линии. Николай Александрович изображён совсем молодым человеком в гусарском мундире. По сведениям, приведённым А.А. Григоровым в книге «Из истории костромского дворянства», он родился в 1792 году, служил в Александрийском гусарском полку, участвовал в Отечественной войне 1812 года в составе конного полка Костромского ополчения. Позднее Н.А. Чалеев служил Солигаличским земским исправником.¹

Агриппина Алексеевна Чалеева (урождённая Рожнова) родила очень много детей, известно, по крайней мере, о четырнадцати. С копии со старинного портрета смотрит молодая женщина лет 30-35. На лице с несколько крупноватыми чертами выделяются красивые глаза и чётко очерченные брови. Высокая причёска украшена двойной ниткой жемчуга. По воспоминаниям Н.Ф. Костромского, она вышла замуж, когда ей не было ещё и пятнадцати лет. «Бабка твоя была не баба, а крепость ... год за годом сыпала ребятами», – так характеризует Агриппину Алексеевну бывший крепостной Чалеевых, старый

Устин, в своём рассказе, приводимом на страницах воспоминаний Н.Ф. Костромского.² Умерла Агриппина Алексеевна в 1842 году.

Тринадцатым её ребёнком был Феодосий Николаевич Чалеев, отец Н.Ф. Костромского-Чалеева. Родился он в 1836 году. В 1855 году окончил Морской корпус, служил начальником корпуса флотских штурманов, вышел в отставку в чине генерал-майора по Адмиралтейству.

Актриса Малого театра Е.Д. Турчанинова в своих воспоминаниях о Н.Ф. Костромском пишет, что «Николай Федосеевич и вся его семья принадлежала к людям, которым было тесно в рамках своего круга. Все они были люди дела, жаждали приносить пользу отечеству, любили свою родину и служили ей так, как понимали эту службу все честные люди».³ Н.Ф. Костромской вспоминал, что «любил своего отца за его крепкий характер, за ту честность, с которой неудобно жить людям на свете».⁴

На большинстве фотографий Ф.Н. Чалеев изображён в возрасте около 60 лет, в морской форме, на груди – многочисленные награды. Ум, честность, порядочность, ответственность – эти черты, присущие личности Феодосия Николаевича, без труда можно прочесть по его лицу.

Точная дата смерти Ф.Н. Чалеева не установлена, известно лишь, что он пережил свою жену Екатерину Дмитриевну. На одной любительской

фотографии, датированной 1914 годом, он изображён у гроба жены. На другой Ф.Н. Чалеев вместе с дочерью стоит у могилы Екатерины Дмитриевны. Е.Д. Чалеева, урождённая Всеволожская, дочь Софьи Львовны Бекетовой, фрейлины, воспитательницы императора Александра III, и известного русского адмирала Дмитрия Андреевича Всеволожского. О своём деде по материнской линии Николай Феодосеевич отзывается с большим почтением, характеризуя его как «изумительного, честнейшего и всеми уважаемого» человека, отмечает его принципиальность, отсутствие чиновничества. Точная дата рождения Е.Д. Чалеевой неизвестна, приблизительно это конец 40-х – начало 50-х годов XIX века. Самая ранняя фотография представляет нам Екатерину Дмитриевну молодой девушкой в возрасте 16 лет: гладко зачёсанные волосы, модное и в то же время скромное платье, на шее – бархотка, излюбленная деталь её туалета и в более зрелые годы. Лицо, манера держаться выдают благородное происхождение и хорошее воспитание. На одной из фотографий она изображена с дочерью английского консула Джулией Мейнерт. Н.Ф. Костромской с почтением отзывается о матери в своих воспоминаниях: «Она была ласкова, нежна с нами, но никаких сиропов, никаких ландринов в наших отношениях не бывало».⁵ Екатерина Дмитриевна относилась к детскому миру как к серьёзному,

настоящему, её авторитет у детей был незыблем.

В альбомах много фотографий детей Екатерины Дмитриевны и Феодосия Николаевича – Дмитрия, Николая, Марии. На обороте многих – надпись, указывающая дату снимка, возраст, иногда имя ребёнка. Все надписи выполнены одним почерком, без сомнения, это рука Екатерины Дмитриевны. Со скрупулёзностью, свойственной матерям, она фиксировала различные этапы жизни своих детей: «Мартъ 1877 года. 4 года», «Митя 15 летъ и 3-х месяцев. 1888 г.» и т.д.

Старший сын Дмитрий, родившийся в 1873 году, был по профессии инженером путей сообщения, в 1915 году имел чин статского советника.

Как уже упоминалось, у Феодосия Николаевича Чалева было много братьев и сестёр. Геннадий и Авраам рано ушли из жизни, оба умерли в 1855 году от ран, полученных во время обороны Севастополя. Возможно, поэтому их изображений нет в альбомах, а есть только фотографии двух других братьев, Ивана и Дмитрия.

Иван Николаевич Чалеев родился в 1825 году, являлся начальником Костромского губернского жандармского управления, дослужился до чина генерал-майора. Он был крёстным отцом Н.Ф. Костромского-Чалеева. «Из себя картина, черноватый, кучерявый, усища кольцами», – так описывал Ивана Николаевича

Ф.Н.Чалеев. 1895 г.

Е.Д.Всеволожская (Чалеева)
и Д.Мейнерт. Не ранее 1870 г.

Дима и Коля Чалеевы. 1880 г.

Д.Ф.Чалеев. 1894 г.

И.Н.Чалеев. Около 1870-х гг.

Н.А. и С.И. Бирюковы.
Около 1890-х гг.

М.Ф.Чалеева. Не ранее 1904 г.

1-й ряд (слева направо): Ф.Н.Чалеев, М.И.Чалеева; 2-й ряд: Д.Ф.Чалеев, Н.Ф.Костромской-Чалеев, С.Ф.Волховская. Около 1910-х гг.

ча старый Устин, рассказывая о слабости молодого И.Н. Чалеева к женскому полу.⁶ Одна из фотографий представляет нам его первую жену – Екатерину Осиповну Лобановскую, другая – тестя, полковника Лобановского.

Дмитрий Николаевич Чалеев родился в 1840 году, окончил Морской корпус, жил в Петровске-Дагестанском (ныне Махачкале), был командиром Петровского порта. Жену его звали Елизавета Александровна, в браке с которой он имел сына Бориса и дочь Лидию. По признанию Н.Ф. Костромского, в молодости он был влюблён в свою кузину Лидию, но та не отвечала ему взаимностью. «Мой загадочно-равнодушный предмет», – так пишет о ней Николай Феодосеевич. Лидия Дмитриевна обладала великолепным голосом. В альбомах несколько фотографий этой представительной, молодой и жизнерадостной девушки.

Что касается сестёр Феодосия Николаевича, то в альбомах имеются изображения только трёх сестёр из девяти – Елизаветы, Натальи и Екатерины. Они были младшими из всех сестёр, ближе ему по возрасту, и, вероятно, с ними он больше общался. Все они окончили Смольный институт, были замужем.

Наряду с фотографиями, сделанными в мастерской у профессионального фотографа, в альбомах есть несколько любительских фотоснимков конца XIX – начала XX веков. В основном это изображения

усадьбы Чалеевых Готовцево, располагавшейся в Галичском уезде Костромской губернии. Это старинное родовое имение дворян Готовцевых, состоявших в родстве с Чалеевыми. Феодосий Николаевич получил его в наследство от своей родственницы Александры Ивановны Макаровой, урождённой Чалеевой.

В XVIII веке это была роскошная каменная усадьба с огромным трёхэтажным кирпичным домом, имевшим множество комнат, флигелей, с многочисленными хозяйственными постройками, всеми необходимыми атрибутами усадьбы – беседками, парковыми павильонами, насыпными «парнасиками», фруктовым садом и многим другим. Уже в начале XX века, по воспоминаниям Николая Феодосеевича, от каменного Готовцева ничего, кроме бугров кирпичного мусора и одного одноэтажного флигеля, не осталось.

Любительские фотографии представляют нам то немногое, что осталось от былого великолепия усадьбы к началу XX века: двухэтажный амбар с галереей, каменные службы XVIII века, ригу, пруды. Члены семьи Чалеевых изображены то на террасе деревянного усадебного дома, то в его интерьерях. Другие снимки свидетельствуют о хозяйственной деятельности в усадьбе – умолате овса, подготовке огорода. По данным 1915 года в усадьбе Готовцево было 982 десятины земли.

В настоящее время усадьба полностью утрачена, просле-

живается местоположение главного дома, служебных и хозяйственных построек, сохранились единичные парковые насаждения. До нашего времени дошли лишь церковь во имя Спаса Нерукотворного в стиле раннего барокко, построенная в 1758 году владельцем усадьбы К.Ф. Готовцевым, и колокольня в стиле классицизма, относящаяся к первой трети XIX века.⁷

Не все загадки, преподнесённые семейными альбомами Чалеевых, оказались разгаданными. Так, например, в один из альбомов помещена фотография игуменни Воскресенского монастыря в Костроме матери Марии, кн. Долгорукой. Какое отношение имела она к Чалеевым, установить пока не удалось.

Семейные альбомы Чалеевых – живое свидетельство истории, повествующее о многих представителях славного дворянского рода, позволяющее прикоснуться к прошлому, побуждающее думать, размышлять, сопереживать...

*Л.А. ЧЕРНОВА,
научный сотрудник музея-заповедника «Щелыково»*

Примечания

1. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 302.

Во время работы над публикацией была использована также персональная картотека на представителей рода Чалеевых, составленная А.А. Григоровым (ГАКО. Ф.р. 864. Оп. 1. Д. 1612-1614).

2. ГАКО. Ф.р. 864. Оп. 1. Д. 1610. Л. 9, 21.

3. Турчанинова Е.Д. Сборник статей. М.: Искусство, 1959. С. 136.

4. ГАКО. Ф.р. 864. Оп. 1. Д. 1607. Л. 4.

5. ГАКО. Ф.р. 864. Оп. 1. Д. 1607. Л. 10.

6. ГАКО. Ф.р. 864. Оп. 1. Д. 1610. Л. 18.

СЦЕНАРИУМ Я ДАВНО ПОЛУЧИЛ

Из переписки А.Н. Островского и
Н.Я. Соловьева (1876-1886 гг.)

Познакомиться с А.Н.Островским начинающему писателю Н.Я. Соловьеву помог известный философ К.Н. Леонтьев, который одно время вместе с Николаем Яковлевичем был послушником подмосковного Николо-Угрешского монастыря. Островский усмотрел у Соловьева литературное дарование и стал ему помогать. Плодом их совместного сотрудничества явились пьесы «Женитьба Белугина», «Дикарка», «Светит да не греет». В имении Островского при его помощи Соловьев написал «Счастливый день» и переделал пьесу «Кто ожидал?», которой дал новое название: «Конец – делу венец».

11 лет продолжалась эта переписка, 84 письма принадлежат Островскому, 107 – Соловьеву. Одни письма имеют бытовой характер, другие же – историко-литературное значение. Например, письма от 1879 года, в которых Островский подробно разъясняет идею «Дикарки», а также от 1880 года, где корреспонденты обсуждают «Светит, да не греет».

После этой пьесы сотрудничество по некоторым причинам прекратилось, в дальнейшем Соловьев писал свои пьесы один, но успеха они не имели.

После смерти великого драматурга его жена Мария Ва-

сильевна вернула письма Соловьева автору. Н.Я. Соловьев умер в 1898 году, все письма его вдова и дочь в 1920-е годы передали в Костромское научное общество по изучению местного края.

* * *

Москва. 8 февраля 1877 г.
Многоуважаемый Николай Яковлевич!

Если бы относительно Ваших рукописей состоялось какое-нибудь решение, я уведомил бы Вас немедленно. Большая пьеса (1) в Петербурге и освободится из мытарства не ранее марта; другая пьеса (2) не попала к Хрущеву (3), о чем я и не жалею; потому что он давал за нее дешево. Теперь его газета расстроилась. Я несколько отделил эту вещь (4) и веду переговоры с «Пчелой» (5), на днях уладится и тогда я вас уведомя. У меня работы много (6) и работы хорошей; но заниматься прилежно мешает нездоровье. Марья Васильевна и дети Вам кланяются.

Искренно расположенный к Вам А.Островский.

* * *

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Я получил Ваше письмо от 8 февраля: я искренно благодарю Вас за Ваше внимание к моим «трудам». Наступил срок платежа моего долга «Драматическому Обществу (7)», мне

невыразимо тяжело, Александр Николаевич, но безсредственность моя в настоящее время вынуждает меня просить «Общество» об отсрочке. Тревожное состояние духа не дает мне до сих пор сил заняться новым моим «сюжетом»; неизвестность меня мучает, и бывают минуты, что «все» кажется уже призраком. Одно утешение, что в своей глуши я не лишен возможности читать, под рукой есть хорошая библиотека, а я, несмотря на то, что уже не молод, остаюсь все-таки с горячим желанием по возможности пополнить в себе недостаток серьезного образования (8) – ничего нет для меня грустнее и досаднее столкновения подчас с своим невежеством.

Примите, Александр Николаевич, прошу Вас, уверение в глубоком уважении и полной преданности Вам Вашего покорного слуги

Николай Соловьев.

Мосальск. Марта 20-го дня 1877 г.

Прошу Вас, Александр Николаевич, передать мое глубокое почтение Марье Васильевне и всему Вашему семейству.

* * *

Щелыково. 5 июля 1877 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич. Пора наконец немало Вас обрадовать. Я и

желал и старался сделать это раньше, но меня задержал Салтыков (9): я еще в мае передал ему Вашу пьесу «Счастливейший день»; а известие от него, что она будет напечатана в июльской книжке «От. Зап.» (10), я получил только вчера (11). Я сторговался с ним по 75 р. за лист (больше нельзя) и получил 150 р. авансом, а остальные вышлют по напечатании. 100 руб. я посылаю Вам, а 50 перевел в Москву для покрытия долга Общ. др. писат. Этот долг был взят на короткое время; остальной долг отсрочен до зимы. Что придется дополучить по напечатании Вашей пьесы, я Вам вышлю полной суммой. Сейчас по напечатании пьесы эта пойдет в комитет и цензуру и разошлется по провинциям, чтобы зарабатывать Вам деньги. Эта пошла в ход; а с другой хлопот гораздо больше; конец ее и слаб и сладковат и должен весьма повредить успеху. Поэтому я два последние акта переделываю совершенно, что к осени будет готово. За нее возьмем денег довольно, а пойдет она в бенефис Никулиной (12). Сделайте одолжение, уведомьте меня о получении денег. Не теряйте духу, дело пойдет хорошо.

Искренно преданный Вам
А.Островский.

* * *

Милостивый Государь
Александр Николаевич!

Я искренно обрадован, что наконец одна вещь получила движение; я благодарю Вас, как только может благодарить человек, не знавший до сих

пор «удач». Полученные мною 100 руб. выручили меня в тяжелых обстоятельствах, а Ваше, Александр Николаевич, неизменно ободряющее слово дает мне силы не падать духом и продолжать дело: в это время я усидчиво работал и у меня почти готова вчерне новая пьеса; (13) она выходит серьезнее, нежели я думал прежде. Если позволите, то осенью, так, в октябре, я пришлю ее Вам, – я думаю, что самому мне ближе Рождества не удастся побывать в Москве, приговор Ваш для меня драгоценен. Я замедлил ответом на последнее письмо Ваше с деньгами, потому что в самый день получения я уехал на несколько дней в деревню и при отъезде написал Вам, не зная еще ничего о делах. Позвольте еще, Александр Николаевич, выразить Вам мою горячую признательность, я буду очень счастлив, если в будущем хотя отчасти смогу оправдать Ваше внимание.

Примите, Александр Николаевич, прошу Вас, уверение в глубоком уважении и полной преданности Вам Вашего покорного слуги

Николай Соловьев.

Мосальск. Июля 19-го 1877 г.

Марье Васильевне и Вашему семейству свидетельствую мое глубокое почтение.

* * *

Щелыково. 18 сентября
1877 г.

Многоуважаемый, Николай Яковлевич. Пьеса «Счастливейший день» уже одобрена цензурой и комитетом и пойдет в Петербурге 26 сентября. Я

знаю петербургских актеров и уверен, что сыграна она будет плохо. Что делать! К этому, как и к журнальной брани, надо притерпеться. Наперед надо знать, что всякая талантливая бытовая вещь в Петербурге на сцене будет испорчена, а в газетах облаяна, и не огорчаться этим. В Москве дело другое: тут я сам похлопочу поставить ее прилично. «Конец – делу венец» пойдет в цензуру в начале октября, там больше недели не задержат. Относительно названия я еще не решил. «Расчет» или «Ошибка в расчете»; надо подумать и посоветоваться. Если что-нибудь придумаете – напишите. Я теперь занят окончанием большой комедии (14). Здоровье плохо. С 1 октября я буду жить в доме князя Голицына, на Пречистенке, против храма Спасителя.

Искренно Вам преданный
А.Островский.

* * *

Милостивый Государь
Александр Николаевич!

По газетам, в бенефис Зубова (15) в Петербурге 26-го сентября «Счастливейший день» не был поставлен: вероятно, что-нибудь изменилось. Рецензии и случайности сцены, о которых Вы меня предупреждаете, меня не смутят – конечно, лучше успех, чем не успех, приятнее, особенно при вступлении, приветливость слышать, а не брань, но во всяком случае я чувствую себя далеко не таким молодым, чтобы потеряться или наоборот очень возмечтать – мое предыдущее достаточно

уверило меня (sic! Д.М.) (если так можно выразиться); во всяком случае Ваше слово, Александр Николаевич, всегда будет для меня выше и дороже всего. Относительно замечания названия «Конец – делу венец» я ничего не мог придумать: мне кажется, здесь важна развязка комедии, тем более в такой комедии, как эта, и развязка, конец дают название, или уже так обозначить: «Женитьба Андрея Белухина», но не будет ли это что-то повторяющееся: есть «Женитьба Бальзаминова»? (16) Я стараюсь окончить в этом месяце новую пьесу: сознаюсь – многое меня смущает в ней со стороны цензуры; затем, если позволят силы и время, я хотел бы написать небольшие сцены, для которых сюжет у меня готов (17). Если есть возможность, то я бы покорнейше просил комитет отсрочить взыскание долга с меня до конца сезона; я в настоящее время порядочно так бьюсь с нуждой. Искренно желаю, Александр Николаевич, чтобы поправилось Ваше здоровье, – я думаю, желание это горячо у всех, кто любит и дорожит «русской драмой». Дай Бог сил Вам еще много и долго трудиться для нее! Я с нетерпением жду появления Вашей новой пьесы.

Примите, Александр Николаевич, прошу Вас, уверение в глубоком уважении и совершенной преданности Вам Вашего покорного слуги.

Николай Соловьев.

Мосальск. Октября 5 дня 1877 г.

Марье Васильевне и всему Вашему семейству свидетельствую глубокое уважение.

* * *

Москва. 1 ноября 1877 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич. Пьеса «Счастливым днем» имела большой успех: артистов вызывали после каждого акта и некоторых даже после сцен (18). В Петербурге она пойдет в бенефис Читау, (19) в провинции кой-где играется, а скоро, вероятно, появится и на многих театрах. С одной дело кончено, теперь пустим другую. В настоящее время я занят постановкой своей новой комедии: «Последняя жертва», (20) которая скоро пойдет; как освобожусь, напишу Вам подробнее.

Искренно Вам преданный А.Островский.

* * *

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Несомненно, что пьеса «Счастливым днем» обязана своим успехом Вашему участию; благодарю Вас, Александр Николаевич, благодарю со всею силою и искренностью человека, не знавшего до сих пор удач!.. С трепетом ожидаю я вторую, потерпевшую фиаско в премии; новую свою пьесу я переписываю (21). Не смею более распространяться о своих делах, зная, как Вы заняты теперь; я с громадным интересом жду появления Вашей новой пьесы.

Позвольте, Александр Николаевич, еще выразить Вам мою горячую признательность и, прошу Вас, примите уверение в глубоком уважении

и истинной преданности Вам Вашего покорного слуги

Николай Соловьев.

Свидетельствую мое глубокое почтение Марье Васильевне и всему Вашему семейству.

Мосальск. Октября 6-го 1877 г.

* * *

23-го января 1878 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич!

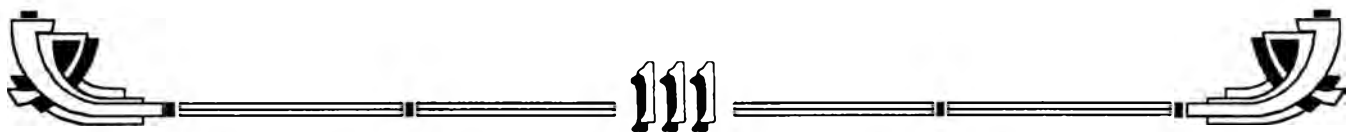
Вы мне говорили, что какой-то Ваш приятель обещал написать Вам из Петербурга о представлении «Белугина», – оттого я и не писал Вам ничего. Газетам не верьте, особенно мелким, – пьеса имела огромный успех. Вот Вам доказательство: второй раз пьеса шла в бенефис Горбунова (22). Кто же возьмет для бенефиса повторение пьесы, не имевшей успеха? Думайте больше о «Дикарке» и сообщайте мне все, что Вы придумаете для нее. Я сам об ней постоянно думаю: мысль богатая.

Искренно преданный Вам А.Островский.

* * *

Милостивый Государь Александр Николаевич!

Я получил Ваше письмо от 23-го января, а также литографию «Белугина»: искренно благодарю Вас. Действительно – первая, прочитанная мною, петерб. рецензия оказалась вздором: после мне писали из Петерб., что «Белугин» прошел отлично, несмотря на неудовлетворительность второстепенных актеров – Нильского (23) и т.п.; затем я читал и другой отзыв весьма хороший; и наконец вижу, как

часто последнее время идет «Белугин» там и на Мариинской и на Александринской сценах. Из московских отзывают самые (и) толковитый кажется – Аверкиева (24). Я рад от души, Александр Николаевич, что мысль новой вещи моей Вам нравится; она меня сильно занимает в настоящее время, так что я решил – сперва окончить ее, и уже потом, если будет время, набросать сцены: я не введу новых лиц, а разовью более характер Рязанцева и интригу Ахметьева с Варей (25), также сделаю перестановку сцен; но только весь материал едва ли уложится в 4 акта; и потом, мне все-таки неотразимо мерещится конец в этой вещи вполне драматический, именно – смерть жены Ахметьева (26); и здесь же, как заря новой жизни, эта «парочка» – Рязанцев и Варя. Всякой Ваш совет, Александр Николаевич, я приму с глубокою признательностью. У меня теперь очень мало свободного времени, а потому я окончу эту новую пьесу не ближе, как через 2-3 месяца. Вчера узнал из газет о неожиданной смерти Шумского (27); какая потеря для сцены – она все более сиротеет!

Примите, Александр Николаевич, прошу Вас, уверение в глубоком уважении и совершенной преданности Вам Вашего покорного слуги.

Николай Соловьев.

Марье Васильевне и Вашему семейству свидетельствую мое истинное почтение.

Мосальск. Февраля 9-го 1878 г.

* * *

Щельково 20 июля 1878 г.
Многоуважаемый Николай Яковлевич!

Сценариум я давно получил, а не писал Вам, во-первых, потому, что был очень болен, а во-вторых, потому, что не знал, куда писать, предполагая, что Вы находитесь в деревне. Приезжайте, когда угодно, я всегда рад видеть Вас. Чем скорее мы с Вами отработаемся, тем лучше; более останется мне времени для моей пьесы; для меня было бы очень удобно, если б Вы приехали в начале августа.

Жена Вам кланяется.

Искренно преданный Вам
А.Островский.

* * *

Милостивый Государь
Александр Николаевич!

Сегодня я еду к Вам; по дороге мне будет нужно пробыть несколько дней в Калуге, так что в Кинешму я приеду 19-го или 20-го числа; раньше я не мог управиться с делами.

Примите, Александр Николаевич, прошу Вас, уверение в глубоком уважении и совершенной преданности Вам Вашего покорного слуги.

Николай Соловьев.

Мосальск. Августа 11-го.

Марье Васильевне и Вашему семейству свидетельствую глубокое почтение.

* * *

Москва 11 октября 1879 г.
Многоуважаемый Николай Яковлевич!

Очень сожалею и глубоко огорчен тем, что Вы не поняли последних актов «Дикар-

ки». Впрочем, в этом Вы сами виноваты: я Вас звал в Щельково, а вы не приехали. Сотрудничество возможно только тогда, когда участвующие в работе так сольются в одно лицо, что не только главная мысль, но и мельчайшая подробность каждому из них кажется своей, и он готов ее отстаивать, как свою. Вы виноваты и в том, что торопились постановкой пьесы на сцену. Я предполагал послать «Дикарку» Вам (о чем и писал Бурдину) с тем, чтобы Вы прочли ее внимательно и сообщили мне все свои замечания и сомнения; тогда я имел бы возможность убедить Вас совершенно, так что Вы отстаивали бы каждую мою мысль, как свою; или, в противном случае я обязан был бы отказаться от сотрудничества и предоставить Вам одним отделывать пьесу. Но если уж Вам пришлось читать «Дикарку» с Бурдиным, то Вы должны были, если уж не защищать наш общий труд, по крайней мере, не высказывать ему своих критических замечаний, а сообщить их мне одному. А то что же это за сотрудничество, когда один из сотрудников относится к пьесе с критикой! Теперь дело уж испорчено. Выйдет вот что: Бурдин не утерпит, чтоб не огласить свои и Ваши замечания на пьесу и, ничего нет мудреного, что появится в печати заметка, что мне дана была хорошая пьеса и что я ее испортил. Если это случится, то (станьте в мое положение) Вы согласитесь, что

за такое сотрудничество нельзя взять никаких миллионов. Я над «Дикаркой» работал все лето, а думал два года, и у меня не только ни одного характера, или положения, но нет и ни одной фразы, которая бы строго не вытекала из идеи. А идея моя вот такая, постарайтесь ее понять. Каждое время имеет свои идеалы, и обязанность каждого честного писателя (во имя вечной правды) разрушать идеалы прошедшего, когда они отжили, опошлились и сделались фальшивыми. Так на моей памяти отжили идеалы Байрона и наши Печорины, теперь отживают идеалы 40-х годов эстетические дармоеды вроде Ашметьева, которые эгоистически пользуются неразумием шальных девок, вроде «Дикарки», накоротке поэтизируют их и потом бросают и губят. Идея эта есть залог прочного литературного успеха нашей пьесы и, как смелое нападение на тип еще сильный и авторитетный, в высшей степени благородна. О характерах и о том, как я проводил эту идею, напишу Вам завтра. Хлопочите, чтобы «Дикарка» непременно шла 11 ноября; из письма Бурдина заметно, что он не прочь сынтиговать, чтоб пьеса попала ему в бенефис; не допускайте этого ни под каким видом. В Москве идет в бенефис Никулиной. Вы не сочувствуете ни развязке пьесы, ни многим типам, как же Вы будете читать ее у Савиной? По крайней мере, исполните вот что: в 3-м акте, после ухода Малькова, с слов: «папка, папка»!

дикарка должна вести всю сцену быстро, в полном экстазе, почти в забытьи. До завтра!

Искренно преданный Вам
А.Островский.

* * *

Москва 12 октября 1879 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич!

Начнем с Ашметева. Вы пишете: «Ашметев в конце производит впечатление жалкого, ничтожного, и ни одного взмаха той силы, которая виделась в нем в первых актах». Этого я решительно не понимаю. Какая сила у Ашметева в 1-х актах? По разговору слуг он некрупный Дон-Жуан, из разговора с матерью и Зубаревым видно, что он не очень-то беспокоится, что, ради его удовольствий, притесняют и разоряют крестьян; в разговоре с Мальковым он сам признается, что негоден ни на какое порядочное дело; в разговоре с женой холодный эгоист. Во 2-м акте, в разговоре о ландшафтах Мальков уже торжествует над ним; только в конце этого акта является у него взмах чувственности и то короткий, после которого он сейчас и ослабел. Хорошие черты в этих людях: мягкость в обращении, уступчивость и сознание своих слабостей и проступков; но эти черты и являются в нем именно в последнем акте: в сцене с Мальковым, с женой и в монологе, где он называет себя трутнем. В 1-х актах он человек негодный, а в последнем – человек, заслуживающий сожаления и некоторого сочувствия. Что же лучше?

Вы пишете: «лицо Марьи Петровны никак не вяжется с фермой; моя Марья Петровна не может стать такой суходеловой, трезвой женщиной». Да разве моей задачей было писать Марью Петровну, да притом еще вашу Марью Петровну? Моей задачей было сделать комедию из «Дикарки». Какая ваша Марья Петровна? Это лицо в Вашем оригинале не представляет ничего жизненного и только мешает ходу пьесы. О том, что из жены Ашметьева нельзя делать ничего серьезного и драматического и что это будет непростительное нарушение первых правил комедии, я Вам писал еще в Калугу, и Вы были со мной согласны. Мало того, этой весной Вы в разговоре со мной об этом предмете были совершенно убеждены моими доводами и предлагали сами для Марьи Петровны швейную мастерскую. После этого я, кажется, был в праве считать себя свободным от всяких упреков относительно этого лица. Для пьесы жена Ашметьева не нужна, она нужна, как пандан и дополнение к Малькову. О Малькове и других характерах напишу в следующем письме.

«Дикарка» читалась у меня в прошлую субботу при небольшом избранном обществе и произвела единодушный восторг, – особенно последние акты.

К Салтыкову Вам ходить незачем; я уж получил письмо от него и отвечал ему. Пошлите ему только экземпляр. Ради Бога, не читайте

пьесу никому из литературного мира.

Искренно преданный Вам
А.Островский.

* * *

Милостивый Государь
Александр Николаевич!

Я был просто поражен, что Вы так приняли мое первое и неясное впечатление; я не знаю, как Вам, Александр Николаевич, выразить мою благодарность за последние три письма, в которых Вы объясняете мне пиесу, но, уверяю Вас, я сам все понял, особенно когда перечитал ее: – пиеса прелестная от начала до конца, и она – дело Вашей глубокой мысли и высокога таланта! У меня был только нестройный материал; Вы сделали из него замечательно хорошую пиесу; у меня были лица более или менее случайные, также как и развитие; Вы мои лица возвели в типы, и развили пиесу стройно, последовательно и с поразительной психической верностью! Я готов сказать то же самое гласно, в печати, если бы это понадобилось, и, клянусь Вам, что всякия пустая сплетня могут взяться с «ветра» только, а уж никак не от меня; при первом впечатлении я не мог еще сразу отделаться от моего материала и понять то, что было передо мною, – это очень естественно, но чтобы я иронизировал, избави меня Боже! – Вчера я читал пиесу у Левкеевой в присутствии только Савиной и Бурдина: Савина в восторге, посылает Вам глубокий поклон и говорит, что она уже вот так и

видит эту «Дикарку», а Левкеева просто «обмирала». Завтра я вышлю через контору один экземпляр в Москву на имя Никулиной с передачу Вам; в комитете читал пиесу Нильский и она произвела на всех самое хорошее впечатление; но вот что: комитет, вооружившись в настоящее время каким-то цензурным правом, в 2-х местах вычеркнул, и я должен был сегодня несколькими словами сделать новую связь; как вы это найдете?

Скажите мне пожалуйста, Александр Николаевич, распределение ролей в Москве; а также прошу Вас дать Ваше назначение и здесь, – уже поднимается глупая кутерьма: Нильский, которому пиеса стала известна, и пришлось таким образом заметить, что его роль в ней, кажется, Ашметьева, – он умоляет избавить его от этой роли, при назначении, просит Вас, находя, что роль эта прекрасна, но совсем не по нем и только причинит ему горе; он готов взять всякую другую; Бурдин хватается уже за Боева теперь (Боев – сильный, здоровый человек – и Бурдин, не знаю! Даже Савина воскликнула: «Федя, Федя, что ты!»). Левкеева молит, чтобы Вы ей что-нибудь дали – мать или няньку: «иначе, что ж это такое, – бенефициантка я, а не участвую в такой пиесе». Самый большой вопрос, конечно, представляет Ашметьев – кто же: Новиков, Степанов (28)...??? Не понимаю этой какой-то ограниченности актерской,.. не поработать

над такой богатой ролью, ролью, которая заняла бы видное место в репертуаре хорошего артиста. На Вершинского кажется только и есть Полонский; (29) няньку – не Читау-ли? (30) А Дюжикова будет чудесная Марья Петровна? Но Бурдин так горячится, что становится наконец тяжело, и как будто он сам написал пиесу, рассуждает совершенно с авторским авторитетом; между тем, по слухам, начальство собственно очень побаивается его хилости на сцене. Ради Бога, Александр Николаевич, приезжайте сюда к постановке, а пока пришлите мне Ваше распределение ролей, а с ним я уж буду смелей!

Еще, Александр Николаевич, горячо, глубоко, сердечно благодарю Вас и прошу Вас простить мне, человеку из глуши, новому в деле, мои иногда промахи и неловкости. При свидании еще много буду Вас благодарить и многое сообщу.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности Вам, остаюсь Вашим покорным слугою.

Николай Соловьев.

Петербург. Октября 15-го
1879 г.

* * *

Москва. 2 октября 1880 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич!

Много мне труда с Вашей пьесой, я и не ожидал, что будет так много. Мы не подберем названия, – что это значит? Это значит, что идея пьесы не ясна; что сюжет не освещен как следует, что в нем трудно разобраться; что самое

существование пьесы не оправдано: зачем она написана, что нового хочет сказать автор? Как я разобрался в пьесе и как разобрался наконец, об этом говорить нужно долго; а мне некогда, у меня дела по горло. Я напишу Вам после большое письмо; а теперь пока скажу главное. Озерской (31) – человек с горячей головой и с горячим сердцем, но неразвитой и не очень умный, – любовь его к Оле простое чувственное побуждение. В минуту просветления, в 4-м акте, у него мелькнуло в голове, что жизнь его с Олей будет таким же болотом как жизнь Завалишина с женой. Вот драматизм его положения: он между двух женщин, одной выше, другой ниже; он отталкивает ту, которая ниже его, а которая выше, сама отталкивает его. Он человек порывистый, эти порывы надо провести в пьесе, чтоб оправдать последний порыв. Пьесу надо назвать: «Светит, да не греет». – Реева освещает им их болото, но сама ничего не дает. Эти слова «светит да не греет» можно вложить Завалишину. При таком плане является контраст, который художественно проводится в пьесе. Завалишин и Озерской, – обоих Реева осветила, но не согрела; один как вялый человек погрязает в болоте, а другой, как горячий, бросается в омут. Напишите, нравится ли Вам мой план? Бурдин никаких претензий заявлять не будет и возьмет с радостью всякую роль. Зайдите к нему и переговорите с ним. Он живет у Владимир-

ской, в Кузнечном переулке, дом № 5-й – 2.

Больше писать некогда.

Искренно преданный Вам
А.Островский.

* * *

Милостивый Государь
Александр Николаевич!

Эта новая пьеса представлялась мне драматич. эпизодом из жизни такой женщины, как Реева: (везде и во всем она безвольна) она появилась озлобленная, страждущая, неудовлетворенная, одних возмутила; других растерзала и сама остается потрясенная в конце, но все-таки еще не сломанная; о чете Завалишина говорить нечего, – это люди порешенные; но Озерской и Оля стояли передо мной как заря новой жизни: они совсем просты, но не глупы;... любят, верят,... и их будущее могло быть много цветней, чем Завалишиных. Понятно, Оля рядом с Реевой должна была показаться Озерскому чем-то мизерным, жалким; характер Реевой и при такой постановке как у Вас нисколько не изменяется, как он был в моем замысле: она именно блеснет, осветит, но не согреет, также как и с ней распорядилась судьба. Название: «Светит да не греет» мне очень нравится. Мне очень тяжело, Александр Николаевич, что Вам так много пришлось работать над пьесой; я останусь за все сделанное Вами глубоко благодарен. Я Вас прошу не утруждать себя письменно, объяснением не хода пьесы: я и так все пойму; к тому же при свидани-

и мы поговорим. Вчера я был у Бурдина, коротко рассказал ему сюжет; говорит, пьеса очень сильная; для себя он видит в ней роль чиновника или мужика, но последняя, конечно, ему не по силам. Мне так кажется распределение ролей здесь: Реева – Савина; Даша – Стремлянова (32); Завалишин (не знаю – Нильский? Не на месте он будет), жена его – Левкеева 2-я; Озерской – Сазонов; Оля – Читау 2-я; чиновник – Бурдин; староста – Новиков. Как Вы находите? Меня интересует, решили ли Вы отдать в Москве пьесу Садовскому? Бурдин сказал, что он теперь же должен заявить о пьесе Лукашевичу; во вторник он хотел побывать у меня.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности Вам, остаюсь Вашим покорным слугою

Николай Соловьев.

Петербург. Октября 5-го
1880 г.

* * *

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Мне очень тяжело, что я так давно не имею от Вас известий, я не знаю даже до сих пор: получено ли Вами мое последнее письмо, в котором заключалось и содержание моей новой пьесы? Я начинаю уже думать, что Вы, Александр Николаевич, имеете против меня какое-то недовольство, и остаюсь в недоумении. Пьеса моя называется «Медовый месяц» (33), драма в 5-ти действиях; она прошла уже Комитет и цен-

зуру и скоро пойдет здесь на сцене в бенефис Горбунова (30 октября или 1-2 ноября); у него собственно нет роли и он будет участвовать в своих сценах. Буду искренно рад, Александр Николаевич, если получу от Вас хотя короткое письмо.

С чувством глубокого уважения к Вам, остаюсь Вашим покорным слугою

Николай Соловьев.

Октября 17-го. (34)

Марье Васильевне мой искренний поклон.

Мой новый адрес: Пески, Госпитальная ул., д. 23, кв. № 1.

* * *

19 октября 1881 г.

Многоуважаемый, Николай Яковлевич,

С чего Вам в голову пришло, что я имею на Вас какое-то неудовольствие? Это странно! Письмо Ваше я в деревне получил, но не отвечал Вам потому, что Вы в то время собирались в Москву и я не знал Вашего московского адреса да к тому же я захворал серьезно и опасно. По приезде в Москву я каждый день собирался в Петербург и дела у меня было по горло, — вот и все. Сюжет Ваш мне очень понравился; все, что я мог написать Вам, это — чтоб Вы не торопились, чтоб вдумались в него хорошенько; такие счастливые сюжеты не часто выпадают на долю авторов. Но в том же письме Вы писали, что пьесу уже Вы кончили и читали Савиной. Сценариум мне не очень понравился; мне кажется, что,

не изменяя развязки, дело надо было повести несколько иначе (35). Об этом мы поговорим при свидании.

Я на днях буду в Петербурге.

Искренно преданный Вам
А.Островский.

1882 г.

* * *

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

С искренней радостью узнал вчера о назначении Вам пенсии от Правительства (36): поздравляю Вас! Наконец-то почтили Ваши заслуги для сцены! Дай Бог, вам еще творческих сил и здоровья! Ваша новая пьеса (37) разыграна здесь прекрасно, горячо принимается публикой и делает полные сборы.

Прошу Вас передать мой глубокий поклон Марье Васильевне и всему Вашему семейству.

С истинным уважением к Вам и преданностью, остаюсь Вашим покорным слугою

Николай Соловьев.

Февраля 1-го 84 г.

Мой новый адрес: Пески, Кавалергардская ул. д. № 8, кв. № 12.

* * *

Москва 10 февраля 1884 г.

Многоуважаемый, Николай Яковлевич,

Благодарю Вас за поздравление, Высочайшая милость застала меня в весьма печальных обстоятельствах: вот уж три недели Марья Васильевна больна мучительной болезнью, которая, к счастью, оказалась не опасна. Она страдала очень, и я, глядя на нее, измучился и почти с ума

сошел. Теперь она несколько поправляется и я начинаю приходить в себя.

Искренно преданный Вам
А.Островский.

Адресовано: Петербург, Пески, Кавалергардская у., д. № 8, кв. 12.

* * *

Москва 13 апрель 1884 г.

Многоуважаемый, Николай Яковлевич,

Я очень рад, что Ваша работа идет успешно; из этой пьески (38) можно сделать настоящую конфетку, совершенно законченную в художественном отношении. Для увоза героя в Петербург графом я придумал самое простое и естественное объяснение, которое придает сюжету еще более комизма. Если Вы приедете в Москву в первых числах мая, до 7-го, то непременно меня застанете. Если же почему-нибудь Вам нельзя приехать так рано, то вышлите пьесу мне в деревню; я Вас убедительнейше прошу об этом; такие сюжеты приходят в голову не часто, и манкировать ими грех. А лучше всего, пришлите мне пьесу в Москву сейчас же, как кончите вчерне, а потом приезжайте; тут мы и столкнемся.

Марья Васильевна Вам кланяется.

Искренно преданный Вам
А.Островский

* * *

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Я только что вернулся из своей поездки, которая (не могу умолчать) для меня лично была очень знаменатель-

на: я женился в Калужской губ. на дочери некоего небогатого помещика (39) – простая, добрая и неглупая девушка; уповаю по крайней мере, что внутренне мне будет легче теперь нести бремя моей довольно странной жизни. Как Ваше здоровье? Ожидаю с нетерпением известия от Вас: по получении рукописи с Вашими заметками немедленно примусь за окончательную отделку пьесы; явился у меня в настоящую минуту и еще замысел, – сюжет очень драматичный, но это уже для будущего и нужно хорошенько его обдумать. Вчера я заходил в редакцию «Нивы» (40), и редактор Берг (41) сообщил мне, что они готовят к отпечатанию Ваш очень хороший портрет, снятый в Тифлисе.

Искренно желаю Вам, Александр Николаевич, здоровья и сил.

С чувством глубокого уважения к Вам, остаюсь Вашим покорным слугою,

Николай Соловьев.

Петербург июня 22-го (42).

Марье Васильевне и всему Вашему семейству мой глубокий поклон.

P.S. Адрес мой пока: Пески, Кавалергардская ул., д. № 20, кв. № 65; но скоро я перемещу квартиру и тогда немедленно уведомя.

* * *

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Поздравляю Вас с новым назначением (43); я несказанно рад; нет сомнения, что теперь Московский Театр зажи-

вет новою жизнью на пользу настоящего дела и где не будет места закулисной интриге. Болезнь мне помешала быть у Вас в Петербурге. Я буквально погибаю: состояние духа моего ужасное; обстоятельства – тоже, материально я нищ; здесь мою пьесу «Разрыв» торжестили с октября мес. и разве теперь только пойдет (44); в Москве обещана была постановка на праздники; но явились Крылов, Тихонов (45) (новая звезда) и др. и меня опять прочь! Обращаюсь к Вам, Александр Николаевич, помогите мне, поддержите меня: я прошу Вашего влияния относительно возможно скорой постановки «Разрыва» в Москве; простите, что беспокою Вас, но я знаю Вашу доброту. Невольно повторяю, что я в отчаянном положении; а мне нужно еще жить; у меня семья и я еще чувствую в себе силы работать.

Марье Васильевне и всему Вашему семейству мой глубокий поклон. С чувством истинного уважения и совершенной преданности Вам, остаюсь Вашим покорным слугою

Н.Соловьев.

Декабря 17-го. (46) Мой адрес: Пушкинская ул., гостиница Пале-Рояль, № 86.

* * *

Москва. 20 декабря 1885 г.
Многоуважаемый, Николай Яковлевич,

Очень хорошо понимаю Ваше положение, вполне сочувствую Вам и постараюсь сделать для Вас все, что могу. Но могу-то я очень немного:

я вступаю в должность с 1-го января уже заранее связанный по рукам и по ногам. После праздника у нас три бенефиса, уже заявленные и утвержденные: 7-го января – Южина (47) (новая пьеса Невежина), 19-го Рыбакова (48) («Воевода», который ставится с осени) и в начале февраля – Ермоловой (Мария Стюарт). Какая бы я не употреблял усилия, я могу поставить Вашу пьесу только к Масленице или сейчас же после Святой. Потрудитесь прислать распределение ролей, нельзя ли будет репетировать Вашу пьесу вместе с Марией Стюарт.

Искренно преданный Вам
А.Островский.

1886 г.

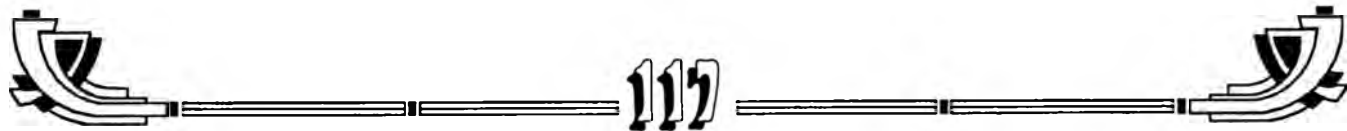
* * *

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Составление подробного сценария мне решительно не дается и я пишу обыкновенно прямо пьесу; так и в этот раз я писал; пьеса у меня почти готова, теперь переписываю: 4-х актная драма, но не раздирательная; а вещь, кажется, реальная; лиц немного; обстановки не требует никакой (49). В июне я побываю в Москве, а потом хотел бы очень увидеться с Вами в Щелькове, если Вы будете в это время там (50).

Монотонная, тихая жизнь в деревне очень поправила мои нервы; я давно не чувствовал себя так хорошо.

Марье Васильевне и всему Вашему семейству прошу пе-

редать мой глубокий поклон.

С чувством истинного уважения и совершенной преданности Вам, Александр Николаевич, остаюсь Вашим покорным слугою

Н.Соловьев.

Мая 6-го (280). Калужской губ. станция Щелканово, село Крутое.

* * *

Москва 15 мая 1886 г.

Многоуважаемый, Николай Яковлевич!

Писать много некогда, работы и заботы по горло; Марья Васильевна с детьми уезжает в деревню, мы оставляем нашу квартиру, мебель и вещи перенесены в склад, а я на несколько дней переезжаю в гостиницу Дрезден (на Тверской). Если будете писать, адресуйте в Щельково.

Искренно преданный Вам А.Островский.

Примечания

1) Большая пьеса «Конец – делу венец» (Женитьба Белугина); мьгарства прохождения у жюри конкурса.

2) «Счастливым день».

3) Вероятно, это Г.А. Хрущов-Сольников (1845-1890) – издатель еженедельного журнала «Московское Обозрение» (с. 1876 г.).

4) «Счастливым день» окончен Н.Я. Соловьевым в июне (17-го) 1876 г. Пьеса называлась первоначально: «Всех устроила!», «Сцены в 3-х действиях в захолустье из минувшего невозвратно». В издании «Просвещение» пьеса помещена в XI т. сочинений Островского и др. По свидетельству Кропачева, эта пьеса принадлежит исключительно Соловьеву, как об этом говорил ему сам Островский (Рус. Об. 1897 г. № VI, 633 стр.). В действительности Островский эту пьесу редактировал и внес в нее небольшие изменения: Сомова Соловьева он переделал в Сандырева, Шульгина – в Шурыгина; время действия у Соловьева 1870 г., у Островского 1876-1877 г.; внес и другие чисто редакционные поправки.

5) «Пчела» – еженедельный журнал, выходивший в 1875-78 г. в С.-Петербур-

бурге в издан. А.Ф. Базунова и А.С. Гиероглифова под редакцией М.И. Ходоровского; с № 46 1876 г. редак.-издат. сделался М.О. Микешин. Прекрат. в 1878 г.

6) Вероятно, А.Н. Островский разумеет здесь работу над «Последней жертвой».

7) Соловьев получил в 1876 г., по выходе из монастыря, при содействии Островского, ссуду от Общества Русских Драматических Писателей.

8) Н.Я.Соловьев окончил Калужскую гимназию в 1861 г. без права поступления в университет без экзамена; в 1865 г. он поступил вольнослушателем в Московский Университет, который покинул в 1869 г.

9) М.Е. Салтыков-Щедрин (1826-1889 гг.) – известный сатирик; он был редактором литературного отдела журнала «Отечественные Записки», а после смерти Н.А. Некрасова – ответ. редактор.

10) «Отечественные Записки» – ежемесячный журнал, был основан в 1818 году П.Свиным. Большую известность и влияние журнал приобрел в 40-х годах, когда в нем сотрудничал (с 1836 г.) В.Г. Белинский; издателем его в это время был А.А. Краевский. После закрытия «Современника» – с 1868 г. – журнал взял в аренду Некрасов, и с тех пор он сделался представителем народнических идей в журналистике. Прекращен правительством в 1884 г. Один из лучших журналов в истории русской журналистики.

См. А.Ершов. Очерки по истории русской журналистики. «Образование», 1905 г. № IV и V.

11) «Счастливым день» напечатан в VI кн. журнала за подписью «Щ...».

12) Никулина-Дмитриева Над. Алексеев. – выдающаяся артистка Московского Малого театра. Воспитание она получила в Московском театральном училище. Ее ампула – пожилые женщины. Отличительные свойства ее дарования – доходящая до наивности простота, задушевность, заразительная веселость. Островский написал для нее комедию «Шутники» и др. На сцене б. императорских театров с 23 апреля 1861 г. Умерла в июле 1923 г.

13) «День расплаты» или «Без купления» – «Дикарка».

14) Островский заканчивал «Последнюю жертву».

15) Зубов – Н.Н. Попов был уездным предводителем дворянства в одной из приволжских губерний и часто с успехом выступал на домашних сценах. Сорока лет, в 1866 г., он был принят в драматическую труппу в Петербурге после дебютов в роли Фамусова, Горюничего, Русакова («Не в свои сани»). Особенно выдвинулся исполнением роли Князева в пьесе Лескова «Расточитель». В последние годы играл на сцене Московского театра Абрамовой. Скончался в 1890 г.

16) «Женитьба Бальзамина» – пьеса Островского; иначе она называется «Зачем пойдешь, то и найдешь» (Время, 1861, № 9). Сочинения, т. III, изд. «Просвещение».

17) Соловьев имеет в виду «На пороге к делу».

18) «Счастливым день» в Москве шел в бенефис артиста Дурново 28 октября (у Островского 27-е указано ошибочно. Наши сведения взяты с афиши). Сначала шел «Венецианский купец» Шекспира, а затем – пьеса Соловьева, имя которого на афише не было названо. Ансамбль, кроме бенефицианта, М.Садовский, Шумский, Акимова, Макшеев, Музиль. «Русские Ведомости» назвали автора пьесы и отметили, что «типы, выведенные автором, типы не особенно старые, а в частностях своих и все-таки еще не эксплуатированные на сцене». Игру газета называет «безукоризненной», отметив особо роль Липочки, исполненную Шумской («Рус. Вед. 1877 г. № 272»).

19) Читаю I – артистка Александринского театра, была принята в сезон 1849-50 гг., дебютировала в комедии «Миран – долина» 22 ноября. («Бирюч», II, 1920 г., 5).

20) «Последняя жертва» напечатана в № 1 «Отечеств. Записок» за 1878 г. В сочинениях Островского изд. «Просвещение» в IX т. В Москве пьеса шла 8 ноября 1877 г. в бенефис Музиля.

21) «День расплаты» – «Дикарка».

22) И.Ф. Горбунов (1831 г. – † 24 XII 1895) на сцене с 15 марта 1856 г. – известный артист, рассказчик юмористических сцен и беллетрист; сын дворового человека; родился в Московской губ. Член литературного кружка так наз. «Молодой редакции Москвитянина». Исполняя народные и купеческие бытовые роли, особенно пользовался успехом в бытовых ролях репертуара Островского. Создал себе громкую известность типом «генерала Дитятина», критикующего современные порядки.

23) Нильский А.А. – Нилус (1841-1899) – учился в московской гимназии и в петербургском театральном училище, выступил на сцену в 1858 г. Исполнял ряд ролей в драмах и трагедиях, но добился успеха только с переходом на роли резонеров и пожилых людей. В 1866 г. поставил «Смерть Ивана Грозного»; в 1883 г. оставил казенную сцену и был некоторое время антрепренером русского театра в Гельсингфорсе, затем опять поступил на Александринскую сцену, которую покинул в 1897 г. Гастролировал в провинции. Любопытны воспоминания Нильского напечатаны в «Истор. В.» за 1893 г.

24) Д.В. Аверкиев (1836-1905 г.) – писатель и драматург. Из его пьес известны криливо-патристические «Мамеево побоище» и «Каширская старина». С 1885 по 1887 г. издавал «Дневник Писателя». В «Московск. Вед.» и в

петербургском «Голосе» помещал театральные рецензии.

Отзыв Аверкиева о «Женитьбе Белугина» помещен в № 17 «Москов. Вед.» за 1878 г. Аверкиев приветствовал в авторе несомненный драматический талант и «истинно-артистическое исполнение, настоящее создание лица» М. Садовским, игравшим роль Андрея. – Фельетонист «Голоса» Волна (Б. Маркевич) оценивал пьесу выше многих произведений Островского и видел в ней свидетельство «о талантливых данных молодого автора, которого могут ожидать несомненно серьезные дальнейшие успехи» (Голос, 1878 г. № 29).

25) Рязанцев, Ахметьев, Варя – действующие лица из «Дикарки». Рязанцев был в пьесе редакции Соловьева: Островский вместо него ввел новое лицо – Малькова. Рязанцев – сын богатого крестьянина, покупающего землю у отца Вари.

26) Смерть Ахметьевой намечалась в первой редакции «Без искупления». Во второй редакции она уходит в монастырь.

27) Шумский С. В. – талантливый артист московской сцены. Родился в семье московского мещанина Чеснокова в 1821 г., поступил в театральное училище, где обратил на себя внимание игрой в роли актера Шумского в водевиле Хмельницкого «Первый дебют актрисы Троепольской»; за ним и была оставлена фамилия Шумского. Он совершенствовался под руководством Щепкина. Был в Одессе и, вернувшись в Москву, быстро выдвинулся вперед, заняв после исполнения ролей Кочарева и Хлестакова одно из первых мест в труппе. Он имел большой успех в роли фатов, повес, комических старичков, водевильных персонажей с переодеваниями и создавал настоящие типы в пьесах Тургенева и «Свадьбе Кречинского», в пьесах А. Потехина и Мольера. Самыми оригинальными «созданиями» Шумского были роли в пьесах Островского. Игра его была ровная, тонкая, умная, с блестящей отделкой художественных деталей. Умер 7 февраля 1878 года.

28) Степанов П. С. – артист Александринского театра (+ 1884).

29) Полонский А. С. – известный артист Александринского театра.

30) Читау I – заслуженная артистка, принята на Александринскую сцену в сезон 1849-1850 г., дебютируя в комедии «Мирандолина».

31) Озерской изменен Островским на Рабачева. Завалишин – на Залешина.

32) Стремлянова А. Г. (+ 1883) – артистка, сестра М. Г. Савиной.

33) «Медовый месяц», драма в 5 действиях, написана Н. Я. Соловьевым без сотрудничества с Островским. Напечатана была в ежемесячном журнале М. А. Филиппова «Век» (1882-1884) за 1882 г., № 2. К. Н. Леонтьев советовал

пристроить пьесу в «Русском Вестнике», но там ее не приняли. В архиве Н. Я. Соловьева имеется письмо Н. А. Любимова по этому вопросу. – Пьеса включена в I т. сочинений Соловьева.

34) 1881 год письма не возбуждает сомнений.

35) «Медовый месяц» встретила суровую оценку в печати. См. ст. Незнакомца (А. С. Суворина) в «Нов. Вр.» 1881 г., № 2047, «Петербург. Вед.» 1881 г., № 278, ст. С. М. «Петербург. Листок», 1881 г., № 128 и др. В Москве пьеса была поставлена в 1882 г. в Пушкинском театре, а в Малом только в 1883 г. в бенефис Медведевой. И здесь, несмотря на прекрасную игру, пьеса успеха не имела. Отмечено, однако, было, что как литературное произведение она заслуживала лучшей участи.

36) Островскому была назначена Александром III пенсия за 35-ти летние труды на благо русской сцены в 3000 руб. Биограф Островского И. И. Иванов ошибочно относит ее назначение к 1883 г. См. биографию Островского в изд. Павленкова. СПб. 1900 г., 86 стр. То же и в очерке П. И. Вейнберга при X т. сочинений Островского в изд. «Просвещение», XIX стр.

37) «Без вины виноватые», комедия в 4 д. Напечатана в «Отч. Записк», (1884 г., № 1). Поставлена была в Петербурге в первый раз.

на Александринской сцене 20 января 1884 г.; в Москве 15 января в бенефисе Никулиной

Отрадина	Стрепетова	Федотова
Шелявина	Хлебникова	Уманец-Райская
Муров	Ленский	Южин
Галчиха	Ленская	Садовская
Дудыкин	Зубов	Макшеев
Каринкина	Дюжикова	Никулина
Незнамов	Петипа	Рыбаков
Шмага	Давыдов	Музиль
Миловоров	Каширин	Александров
Аннушка	Гусева	Музиль-Бороздина

38) Соловьев снова занялся работой над пьесой «Случай выручил».

39) Н. Я. Соловьев женился на В. О. Раевской, родившейся в 1861 году. В приданое за женой ему досталось с-цо Крутое, Мещовского уезда, в количестве 50 дес. Это имение перешло к ней вместе с сестрами по наследству. По семейному преданию, Раевские – родственники декабриста Раевского.

40) «Нива» – еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся с 1869 года А. Ф. Марксом. Прекращен в 1918 г. Журнал сыграл крупную культурную роль, давая с 1890-х гг. в приложениях сочинения русских, а в последние годы и иностранных классиков. Благодаря этому, в провинциальную читательскую массу были брошены миллионы книг лучших произведений русской и иностранной литературы.

41) Берг Ф. Н. – поэт и переводчик (1840-1909), сотрудник «Современника», где помещал романы под псевд.

Боева. Редактор «Нивы», а с 1887 г. – «Русск. Вестника».

42) Год этого письма точно устанавливается следующим письмом Островского.

43) Островский был назначен в ноябре 1885 г. заведующим репертуарной частью и начальником театрального училища в Москве. Вступление в должность состоялось 1 января 1886 г.

44) «Разрыв» шел в Петербурге 27 декабря 1885 г. Пьеса была признана наиболее слабым произведением Соловьева, хотя «публика много хлопала, кричала, вызывала». См. рецензии: «Нов. Вр.» 1885 г. № от 29 декабря, «Петербург. Газета», «Петербург. Листок» того же числа; «Петербург. Газета» того же числа.

45) Тихонов В. А. (1857-1914) – драматург и беллетрист, брат романиста А. А. Лугового. Его «Комедии» («Через край», «Байбак», «Козырь» и др.) вышли в 1888 г. СПб.

46) Год письма устанавливается и содержанием его, и следующим ответным датированным письмом Островского (№ 187).

47) Южин-Сумбатов А. И. – драматург-актер (1857-18.IX 1927), грузин, окончил Петербургский университет по юридическому факультету. В 1881 г. поступил на частную сцену в Москве, в 1882 г. перешел на казенную. Один из выдающихся деятелей Малого театра. Репертуар его до 200 ролей. Первая драма «Громомтовод» появилась в 1878 г. Из других выдаются «Дочь века», «Старый закал» (1895 г.), «Закат», «Цели». «Старый закал» и «Цели» ставились на заграничных сценах. В 1901 г. Южин издал драмы в 3-х тт.

48) Рыбаков К. Н. – сын знаменитого артиста Рыбакова. Артист Малого театра с 1881 г. Исполнял роли бытовых любовников, а потом перешел на роли характерные и резонеров. Игра отличалась простотой и чувством. Лучшие роли в пьесах Островского. Преподовал драматическое искусство в школе Московского филармонического общества.

49) Кончина Островского так повлияла на творчество Соловьева, что он не в силах был закончить отделку пьесы и не делал даже попыток продвинуть ее на сцену. В последующее время он написал маленькую безделушку: сцены «Чрезвычайное происшествие», которые никакого успеха не имели. Соловьев почти на 10 лет замолк. Он возобновил писательскую деятельность в 1896 г., за 2 года до смерти.

50) Это письмо Соловьева было последним. Он собирался ехать в Щелыково, когда получил известие о смерти А. Н. Островского, скончавшегося 2 июня с/ст. 1886 г.

Труды КНОИМК. Вып. XIII. Кострома. 1928.

Орфография оригиналов сохранена.

РЕЛИКВИИ ЩЕЛЫКОВСКОГО МУЗЕЯ

В собрании каждого музея есть предметы, имеющие для него особенно большое значение. Музей дорожит и гордится ими, наиболее бережно к ним относится.

Для Музея-заповедника «Щелыково» предметом гордости является коллекция мемориальных предметов, принадлежавших А.Н. Островскому и его семейному окружению. В настоящее время готовится к изданию каталог «Мемориальные вещи семьи Островских», в котором предполагается публикация всей коллекции. Она насчитывает на данный момент более 130 предметов – это немало. В основном коллекция была сформирована в 1960-1970 гг. Значительную роль в её формировании сыграла внучка драматурга Мария Михайловна Шателен, безвозмездно передавшая в дар музею около 50 предметов, принадлежавших А.Н. Островскому и членам его семьи. М.М. Шателен проявила при этом большую активность и удивительное бескорыстие. На протяжении нескольких лет она вела активную переписку с заведующей музеем Е.А. Петровой по поводу передачи музею вещей семьи Островских, также вела переговоры с другими родственниками драматурга.

Наиболее ценной частью коллекции являются, конечно

же, вещи, принадлежавшие самому драматургу; всего их в нашем музее двадцать шесть. Многие из них представлены в экспозиции Дома А.Н. Островского.

В кабинете драматурга – письменный стол ремесленной работы на двух массивных тумбах, верхняя доска затянута зелёным сукном. Легенда гласит, что он изготовлен другом Островского краснодеревщиком И.В. Соболевым при участии самого драматурга. Это вполне возможно, так как драматург увлекался столярным делом. За этим столом он писал пьесы (в Щелыкове создано 19), работал над записками о преобразовании театрального дела в России, делал переводы пьес

западноевропейских драматургов, вёл деловую и дружескую переписку. На столе – дорожный секретер, подарок брата Михаила, очень изящная и одновременно практичная вещица. Она представляет собой шкатулку с двумя крышками на петлях. Снаружи шкатулка украшена миниатюрной акварелью в медальоне с видом одного из европейских городов. Внутри имеет несколько отделений: для бумаг, ручек, перьев – и откидную доску для письма, затянутую зелёным сукном. Дорожные секретеры были очень распространены в XIX веке и являлись непременной принадлежностью человека делового и, тем более, занимающегося

Интерьер столовой Дома А.Н. Островского в Щелыкове.

литературным трудом. В девичьей – парковое кресло, напоминающее нам о ещё одном увлечении драматурга: рыбной ловле. Выполненное по его заказу, с мягкими спинкой и локотниками, изготовленными из полос пружинящего рессорного железа, кресло очень удобно. Александр Николаевич часто сидел в нём с удочкой в руках на берегу речки Куекши или на островке пруда в парке, нередко размышляя о будущей пьесе, её сюжете, героях.

Несколько личных вещей драматурга хранится в фондах музея и время от времени используется на выставках. Наиболее интересны из них нож для разрезания бумаг из слоновой кости, серебряный венок в виде лавровых листьев, преподнесённый А.Н. Островскому в 1863 году, к 40-летию со дня его рождения, и серебряный портсигар с монограммой «АО».

Из принадлежавших драматургу вещей особенно дороги те, что сделаны его руками. Как уже говорилось выше, Островский увлекался столярным ремеслом, выпиливанием лобзиком, есть сведения, что работал Александр Николаевич и по металлу. Ажурные рамочки для фотографий, украшенные затейливо выющимися побегами плюща, резные полки, два ножа для разрезания бумаг – один медный, другой деревянный, табакерка из лимонного дерева – вот далеко не полный перечень рукотвор-

ных изделий драматурга, дошедших до наших дней. К сожалению, почти не сохранился оригинальный барометр, сделанный руками Островского: капюшон монаха – капюшина откидывался при ясной погоде и опускался на голову, предвещая ненастье. Художником К.Г. Шахбазяном при консультации внучек драматурга был изготовлен подобный с использованием двух сохранившихся подлинных деталей.

Другую группу составляют вещи, принадлежавшие членам семьи А.Н. Островского: его отцу Николаю Фёдоровичу, жене Марии Васильевне, сыну Сергею Александровичу. В 40-х годах XIX века Н.Ф. Островский был председателем нескольких крупных конкурсов низших судебных инстанций Коммерческого суда, разбиравших дела несостоятельных должников, купцов-банкротов. Согласно семейному преданию, именно купцы подарили отцу драматурга тульский самовар. Изготовленный из красной меди в форме вазы, расчеканенной ложками, он очень красив и вносит уют в обстановку столовой шелыковского дома, напоминает об атмосфере гостеприимства, царившей в семье Островских. Из принадлежавших Марии Васильевне вещей сохранились предметы обстановки (кровать красного дерева, комод, рабочий столик), принадлежности для рукоделия (в плетённой из лозы и соломки двухъярусной корзинке для

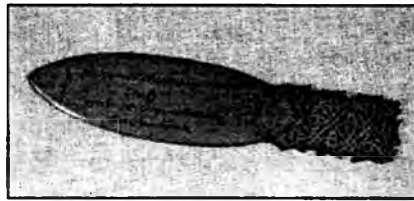
рукоделия она хранила нитки, рукоделие; восьмигранная шкатулка красного дерева служила для хранения лент и кружев). Хранится в музее и батистовый носовой платок с ручной вышивкой белой гладью и вышитой же монограммой «МО» и дворянской короной над ней. Можно предположить, что он был вышит его владелицей либо по её заказу. Предметы гигиены и аксессуары (флакон для одеколона и лоточек для шпилек из толстого рифлёного стекла, веер из страусовых перьев) свидетельствуют о том, что актриса Императорского Московского Малого театра и просто красивая женщина, М.В. Островская, несомненно, уделяла внимание своей внешности. Посетителей музея привлекает также рамка собственноручной работы жены драматурга, обсыпанная пшеном и окрашенная золотисто-зелёной краской, своеобразная имитация старинной бронзы, покрытой патиной. Особую ценность в этой группе вещей представляют столовые и десертные ножи с серебряными рукоятками и выгравированной на них монограммой «МО». Разумеется, ими пользовалась не только Мария Островская, но и другие члены семьи.

Из вещей, владельцем которых был сын драматурга, Сергей Александрович, наиболее интересно бюро. Это своеобразный письменный стол с множеством ящиков, полочек и отделений для бу-

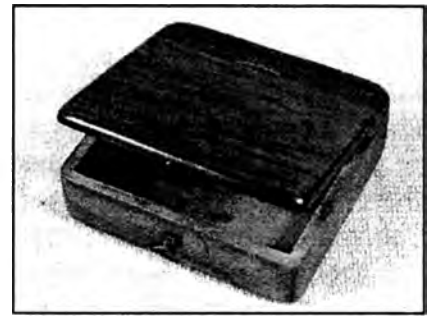

Бюро-секретер, принадлежавшее сыну драматурга С.А.Островскому.

Нож для разрезания бумаги, деревянный, собственноручной работы А.Н. Островского, с надписью: «Николаю Александровичу Чаеву от А. Островского своей работы. 25 марта 1873 г.»

Табакерка из лимонного дерева, изготовлена А.Н. Островским.

маг, с выдвижной цилиндрической крышкой, которая, опускаясь, скрывала от постороннего глаза лежащие на столе бумаги. Наличие каталожных ящиков говорит о том, что бюро использовалось Сергеем Александровичем в библиотечной работе (он был научным сотрудником Пушкинского Дома в Ленинграде).

Третья группа - вещи, бывавшие в семье Островских. В дар музею большинство из них было передано внучкой драматурга М.М. Шателен. Это посуда из семейного столового сервиза, различные бытовые мелочи. Сюда же относится несколько предметов из обстановки московской квартиры А.Н. Островского.

До наших дней дошло также несколько вещей, бывавших в щелыковском доме драматурга. Некоторые из них сохранились непосредственно в доме, несмотря на всю долгую и непростую историю его существования после национализации в 1918 году (здесь размещались в разное время волостной исполком, сиротский приют,

дом отдыха актёров Малого театра). В основном это предметы обстановки крупных размеров: зеркало, фортепиано фирмы Talanoff, столы различных размеров, формы и назначения, в том числе большой обеденный стол-соконожка, ломберные столы - для развлечения гостей карточной игрой (сам Александр Николаевич обожал пасьянсы)... Другие были в своё время вывезены из Щелыкова дочерью драматурга в Ленинград и спустя годы вновь вернулись сюда уже в качестве музейных экспонатов, внося в обстановку дома-музея атмосферу достоверности, подлинности, воссоздавая колорит эпохи. Это, например, умывальный стол с мраморной столешницей, умывальный сервиз знаменитого Кузнецовского завода: кувшин, чаша и мыльница, бельевой шкаф, украшенный пышной барочной резьбой.

И, наконец, вещи, принадлежавшие родственникам драматурга. Это предметы обстановки, окружавшей Александра Николаевича в квартире Т.Ф. Гиляровой, его тётушки, родной сестры

отца: комод красного дерева, зеркало в резной раме оригинальной формы, ночной столик, шкатулка-сейф. Островский был дружен с этой семьёй, часто бывал у них дома, где ему была даже отведена отдельная комната. Сейчас эти предметы можно видеть в экспозиции Дома А.Н. Островского в спальне. Дружеские отношения связывали драматурга с двоюродными братьями и сёстрами, в том числе с Ф.А. Гиляровым. В музее хранятся костяные шахматы, подаренные ему А.Н. Островским.

Мемориальные предметы - живые свидетели прошлого, несущие на себе отпечаток личности их владельцев. Они не только содержат информацию об интеллекте, роде занятий, вкусах, привычках, увлечениях своего хозяина, но ещё и несут в себе сквозь время сильный эмоциональный заряд, помогая нам лучше представить бытие давно ушедшего человека.

Л.А. ЧЕРНОВА

«ДОБРЫЙ МИР ПОТЕШНОЙ КАРТИНКИ»

Русский лубок в коллекциях музея-заповедника «Щелыково»

В каждом музее есть предметы, которыми он особенно гордится. Для нашего музея такой коллекцией, конечно, кроме мемориальных предметов, является лубок. Коллекция лубка в фондах нашего музея небольшая, насчитывающая около 200 листов. И, тем не менее, по своему содержанию она содержит почти все основные разделы русского лубка: от поучительного до развлекательного, от исторического до сатирического. По времени издания листов собрание более чем на 70% относится к девятнадцатому веку. Есть листы, у которых трудно определить время выпуска - нет ни издательской, ни цензурной меты. Есть листы, которые в точности совпадают по изображению, тексту, издателю и времени выпуска и отличаются только тем, что один лист раскрашен, а другой нет, например, листы «Хозяева горюют, а приказчики пируют», «Куда ты, друг, стремишься...» и т.д. В отличие от своих двойников, они раскрашены вручную, чтобы картинки выглядели более нарядно и празднично. Раскрашивались обычно в три-четыре цвета, как правило, красный, лиловый, желтый, зеленый. Аккуратная цветная роспись, как говорили, мазня «по носам», вошла в обиход в XIX веке.

Первые народные картинки были религиозного содержания. Эти листы раскрашивались и заменяли дорогостоящие живописные иконы в избах крестьян. К сожалению,

Александр II. 1870 г., гр. на меди.

в коллекции нашего музея это самая немногочисленная серия картинок. Всего один листок - «Сказание в листовке», описывающий семь церковных таинств.

Зато много листов со светской тематикой: бытовые сцены, исторические события и лица. Есть листы с изображением отважных героев, галантных кавалеров, подобных Бове-Королевичу, Еруслану Лазаревичу, Илье Муромцу. Такие произведения нравились читателю, «потому что поддерживали сердце в постоянном веселье и радости».

На листах лубочной картинки мы встретим и древнюю сказку, и старую повесть, и лирическое произведение, оторвавшееся от автора и приобретшее самостоятельное бытие. На листах того времени найдем и насмешку над глупым барином, хапугой-чиновником, модницей-барыней.

Большую часть коллекции составляют лубки с изображением народных гуляний и празднеств. Особое место занимает песня. Вот уж где в подробностях представлены все детали народного быта, костюмы и наряды, постройки, внутреннее убранство дома.

Лубочные картинки рассказывают о представителях всех сословий. «Черный глаз, поцелуй хоть раз», - шепчет франт-дворянин барышне. По примеру господ ухаживают и слуги: «Душа Танюшка, - просит лакей Ванюшка, - люби меня, будь во век моя. Таня рученьку дала. Ваню милым назвала. Я, сударь, твоя. Во светлицу повела...». Встречаются и вовсе неприличные, которые, однако, пользовались неизменным успехом.

Среди нашей коллекции лубка мы найдем и изображения портретов членов царского дома, и изображения генералов в мирной и военной обстановке.

В.В. ОЖИМКОВА

ДАР ПРОФЕССОРА ПИРОГОВА

На протяжении полутора десятков лет (середина 60-конец 80 гг.) в Щельково приезжал профессор, доктор филологических наук Геннадий Петрович Пирогов. В Щелькове Геннадий Петрович не только отдыхал, но и много работал, часто бывал в научной библиотеке музея-заповедника. Нередко он приводил сюда своих студентов и аспирантов.

Он блестяще знал щельковские маршруты и охотно показывал любимые А.Н. Островским места. Любимым прогулочным маршрутом самого Геннадия Петровича и его друзей был поход в Рыжевку – филиал дома отдыха, что в пяти километрах от музея – усадьбы А. Н. Островского. Главное удовольствие – купание в реке Мере. Притягивал и «зачарованный» лес на противоположном берегу Меры с его необыкновенным серебристо-голубовато-зелёным мхом. Устраивали трапезы на свежем воздухе с неизменным шашлыком (его по всем правилам готовил Геннадий Петрович), варили уху из рыбы, которой охотно делились любители рыболовы. Все это было незабываемым дополнением к маленькому путешествию.

Геннадий Петрович начинал свою педагогическую и научную деятельность в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина. Его научным руководителем был известный ост-

ровсковед Александр Иванович Ревякин, именно он и привил Пирогову интерес и любовь к творчеству великого русского драматурга. Кандидатская диссертация на тему «Многофункциональность пословицы (по пьесам Островского А. Н.)» была защищена в 1946 году в Москве.

Пирогов всесторонне исследовал творчество А. Н. Островского. В 1962 году была издана его книга «А. Н. Островский. Семинарий». Эта работа не утратила своей актуальности и по сей день. В ней подведен итог изучения творчества Островского, показаны развитие и достижения науки об А. Н. Островском за период с 1847 года по 1960 годы. А главное – определены темы дальнейшего изучения жизни и творчества Островского. Семинарий рассматривает самые разнообразные вопросы: биографию Островского, его мировоззрение, композицию и язык его произведений. В книге рассмотрена проблема положительного героя драматургии Островского. Особое место уделено сатирическим, историческим пьесам, а также его сказкам. Имеются разделы «Островский в русской критике», «Островский и русская литература». Эта книга возникла как обобщение опыта работы специального семинара по творчеству А. Н. Островского на историко-филологическом факультете Москов-

ского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова.

В 1967 году вышла книга «Реализм А. Н. Островского и А. П. Чехова». Авторы книги – Г. П. Пирогов и А. Ф. Захаркин – были не только коллегами по работе, но и большими друзьями в жизни.

В последние годы своей жизни Геннадий Петрович был тяжело болен, поэтому в Щельково уже не приезжал, очень скучал по этим великолепным местам, по друзьям-щельковцам. Он завещал музею часть своей библиотеки.

В апреле 1982 года по завещанию Г.П. Пирогова, сестрой учёного, Любовью Петровной Пироговой, в научную библиотеку музея было передано 229 экземпляров книг из его личной библиотеки. В основном это книги по истории литературы и драматургии. На десяти книгах автографы известных деятелей литературы и искусства: Бушмина Алексея Сергеевича – литературоведа, Ломунова Константина Николаевича, Основина Владимира Васильевича, Захаркина Андрея Фёдоровича и других.

Книжная коллекция «Дар профессора Пирогова» выделена из библиотечного фонда и расположена на отдельном стеллаже.

*Л.М. НЕПРЯХИНА,
библиотекарь*

А.Н. ОСТРОВСКИЙ И КОСТРОМСКОЙ ТЕАТРА

Библиография

Кострома и ее театр в 1950-х годах: [сб. воспоминаний]. – Кострома: ООО «Костромаиздат», 2007. – 96 с.: ил.

В том числе и о спектаклях по пьесам Островского.

Дедков, И.А. Эта земля и это небо: Очерки. Заметки. Интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957-1994 годов. – Кострома: ООО «Костромаиздат», 2005. – 432 с.: ил.

О театре, спектаклях по пьесам А.Н.Островского.

Степаненко, Е.Т. Хозяин русской сцены: Кострома. Российский театр. А.Н.Островский: очерки и истории. – Кострома: [б.и.], 1998. – 220 с. – (Спец. вып. ж-ла «Губернский дом»).

Костромской ордена Трудового Красного Знамени государственный драматический театр им. А.Н. Островского: реклам. проспект. – Кострома: [б.и.], 1987. – 7 с.: ил.

Кр. справка о театре, состав труппы, сцены из спектаклей, в т.ч. из пьес А.Н.Островского.

Костромской ордена Трудового Красного Знамени государственный драматический театр им. А.Н.Островского: реклам.проспект / Упр. к-ры Костром. облисполкома. – Кострома: [б.и.], 1986. – 66 с.: ил.

Спектакли: «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «На всякого мудреца довольно простоты».

Сцены из спектаклей государственного драматического театра им. А.Н.Островского: 1962, 1970, 1971, 1972, 1977, 1978, 1981, 1984 гг.: [компл. фотогр.]. - [Б.м.: б.и.], [1984?]. – 19 фотогр.

Костромской драматический / кол. авт.: М.Н. Брожек, Е.П. Голубев, Н.К. Кашина и [др.]; сост. Е.Т. Степаненко. – Ярославль: Верх.- Волж. кн. изд-во, 1984. – 128 с.: ил.

Гл.: Верность А.Н. Островскому, с.89-107.

175 лет Костромскому государственному драматическому театру им. А.Н. Островского: реклам. проспект. – Кострома: [б.и.], 1983. – 56 с.: ил.

Спектакли: «Бедность не порок», «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

175 лет Костромскому государственному драматическому театру им. А.Н. Островского: реклам. просп. – Кострома: [б.и.], 1983. – 12 с.: ил.

На с.9: А.Н. Островский на сцене театра.

Выставка «Островский на советской сцене»: работы театральных художников из фондов гос. музея-заповедника А.Н.Островского «Щельково»: [каталог] / ВТО, Костром. музей изобразит. искусств. - [Б.м.: б.и.], 1983. – 22 с.

В т.ч. эскизы к спектаклю «Таланты и поклонники», реж. П.Слюсарев.

Костромской областной драматический театр им. А.Н. Островского: [состав труппы, репертуар, 165-й театр. сезон]. – Кострома: [б.и.], 1973. – 42 с.: ил.

Спектакли: «Гроза», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые», «Лес».

Костромской областной драматический театр им. А.Н. Островского: гастроли 1973 г. – Кострома: [б.и.], 1973. – 8 с.: ил.

На с.5: «А.Н.Островскому посвящается».

Костромской государственный драматический театр им. А.Н. Островского: (состав труппы, реп.). – Кострома: [б.и.], 1972. – 80 с.: ил.

Спектакли: «Таланты и поклонники», «Лес».

Костромской государственный драматический театр им. А.Н. Островского: [состав труппы, реп.]. – Кострома: [б.и.], 1971. – 80с.: ил.

Спектакль «Таланты и поклонники».

Костромской государственный драматический театр им. А.Н. Островского: [состав труппы, реп.]. – Кострома: [б.и.], 1970. – 61 с.: ил.

Спектакль «Последняя жертва».

Гастроли Костромского государственного драматического театра им. А.Н. Островского: репертуар. – Кострома: [б.и.], 1968. – 32 с.: ил.

Спектакль «На бойком месте».

Костромской государственной драматический театр им. А.Н. Островского: сезон 157-й. – Кострома: [б.и.], 1966. – 30 с.: ил.

Спектакль «На всякого мудреца довольно простоты».

Костромской государственной драматический театр им. А.Н. Островского: сезон 156-й. – Кострома: [б.и.], 1966. – 31 с.: ил.

Спектакль «Бесприданница».

Иванов В. Пьесы Островского на сцене Костромского театра // А.Н. Островский. Сборник статей и материалов. – М.: ВТО, 1962. – С.427-450.

Костромской государственной драматический театр им. А.Н. Островского: Гастроли. Репертуар и программы спектаклей. Лето 1982 года. – Кострома: [б.и.], 1962. – 23 с.

Спектакли: «Волки и овцы», «Женитьба Белугина».

Костромской государственной драматический театр им. А.Н. Островского: Гастроли. Репертуар и программы спектаклей. Лето 1961 года. – Кострома: [б.и.], 1961. – 27 с.

Спектакль «Женитьба Белугина».

* * *

Васильев, А. Сергей Морозов: новое время рождает нового Островского // Голос народа. – 2006. – 11 окт. (№41). – С.7.

Меньшиков, А. Театр Островского без Островского? // Сев. правда. – 2006. – 13 окт. – С.4.

Саввина, К. Актеры с горячим сердцем // Московский комсомолец в Костроме. – 2004. – 28 апр. – 5 мая. – С.2.

Спектакль «Горячее сердце», реж. С. Морозов.

Степаненко, Е. Как луч из облаков: год А.Н. Островского // СП-Культура. – 2003. – 28 февр. – С.6.

На фото: сцены из спектаклей.

Сморчков, В. Устремляясь к «русскому Шекспиру» // Сев. правда. – 2003. – 27 марта. – С.6.

Спектакль «Горячее сердце», реж. С. Морозов.

Туманов, В. Горячее сердце Островского / Московский комсомолец в Костроме. – 2003. – 8/15 окт. – С.22.

Степаненко, Е. «Одна из лучших моих пьес» // Сев. правда. – 2002. – 27 ноябр. – С.8.

Спектакль «Поздняя любовь», реж. Е. Вялков.
Рубанкова, Г. Праздничный сон Михаила Шелухина // Костром. ведомости. – 2000. – 20 мая. – С.3.

Премьера спектакля «Праздничный сон до обеда».

Нерсесян, В. Свет софитов рождает чудовищ // Сев. правда. – 1998. – 24 апр. – С.4.

Спектакль «Последняя жертва», реж. А. Цодиков.

Степаненко, Е. Комедия «Лес» – 25 лет спустя // Сев. правда. – 1996. – 27 февр.

О спектаклях, поставленных режиссерами В. Симакиным и П. Слюсаревым (1971 г.).

Дружнев, В. «Несколько дней из жизни Г.Д. Гурмыжского», или «Аркаша Счастливец, до свидания!» // Сев. правда. – 1996. – 23 марта. – С.5-6.

Спектакль «Лес», реж. В. Симакин.

Георгиева, Г. Трое вышли из «Леса» / Г.Георгиева, Т.Снежко // Костром. ведомости. – 1995. – 9 ноябр. – С.6

Интервью с актерами И. Аркадьевой, Э. Очагавией, В. Гостицевым на репетиции спектакля.

Семенов, А. Василиса Мелентьева в монастыре // Молодежная линия. – 1994. – 19 авг. – С.3.

Спектакль «Василиса Мелентьева», реж. В. Симакин.

Нерсесян, В. Режиссуру победила история // Сев. правда. – 1994. – 1 сент.

Спектакль «Василиса Мелентьева».

Дедков, И. Путь наверх. Российский вариант // Губернский дом. – 1993. - №3. – С.58-59.

Спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», реж. А. Сагальчик.

Гуссаковская, О. Трагедия чистой души // Губернский дом. – 1993. - №3. – С.59-60.

Спектакль «Бесприданница», реж. В. Шиманский.

След в судьбе // Сев. правда. – 1993. – 10 апр. – С.4.

На тему «А.Н.Островский в моей жизни» размышляют актер театра Б.Е. Белов и зав. костюмерным цехом В.Н. Теплова.

Усенко, Г. «Таланты и поклонники»: премьера // Народная воля. – 1993. – 24 апр. – С.2.

Режиссер О. Глубокова.

Гуссаковская, О. «Без вины виноватые»: по давней традиции Костром. драм. театр открыл сезон комедией А.Н. Островского «Без вины виноватые» // Сев. правда. – 1993. – 6 ноябр. – С.5.

Фадеев, В. Принимаю таким, каков он есть // Костром. край. – 1993. – 24 ноябр.

Заметки зрителя о спектаклях «Таланты и поклонники» и «Без вины виноватые».

Елманов, В. Испытание классикой: сегодня – день памяти А.Н. Островского // Сев. правда. – 1989. – 14 июня.

О работе над спектаклем «Банкрот», реж. В. Константинов.

Едошина, И. Нужно ли знать совесть?: размышления после премьеры // Сев. правда. – 1989. – 25 ноябр.

Спектакль «Банкрот».

Елманов, В. «Доходное место» // Сев. правда. – 1988. – 6 ноябр.

Спектакль «Доходное место», реж. С. Александрин.

Гончарова, Т. Иван и два мудреца // Мол. ленинец. – 1985. – 31 окт.

Спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» в постановке В. Шиманского.

Дедков, И. Свой среди своих, или Двадцать лет спустя // Сев. правда. – 1985. – 12 ноябр.

Спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», реж. В. Шиманский.

Гуссаковская, О. На задворках «темного царства»: «Не было ни гроша, да вдруг алтын» на сцене Костромского театра им. А.Н. Островского // Сев. правда. – 1983. – 27 окт.

Режиссер В. Симакин.

Степаненко, Е. Верность великому драматургу // Мол. ленинец. – 1983. – 2 апр.

Пьесы А.Н. Островского на костромской сцене.

Голубев, Е. Обнадеживающее начало // Сев. правда. – 1981. – 10 окт.

Спектакль «Бедность не порок», реж. В. Симакин.

Нольман, М. «Золото, золото сердце народное!» // Мол. ленинец. – 1981. – 10 окт.

Спектакль «Бедность не порок».

Гуссаковская, О. «Правда – хорошо, а счастье лучше»: театр // Сев. правда. – 1979. – 13 янв.

Спектакль по пьесе А.Н. Островского, реж. Б. Гутников.

На пути постижения // Мол. ленинец. – 1979. – 14 апр.

Актер А. Жадан и режиссер В. Шиманский о своих встречах с творчеством А.Н. Островского.

Дедков, И. Эта земля и это небо...: (О костромском драматическом театре им. А.Н. Островского) // Театр. – 1972. – №7. – С.13-19.

**«Дни А.Н. Островского в Костроме»
«Островский в доме Островского»**
(театральные фестивали)

V Всероссийский театральный фестиваль «Островский в доме Островского»: [буклет] / Мин-во культуры РФ, Междунар. культурный центр, Гос. Акад. Малый театр. – М.: [б.и.], 2002. – 18 с.: ил.

Костром. театр: с.7-8 (спектакль «Последняя жертва»).

VI Всероссийский театральный фестиваль «Островский в доме Островского»: [буклет] / Мин-во культуры РФ, Междунар. культурный центр, Гос. Акад. Малый театр. – М.: [б.и.], 2004. – 18 с.: ил.

Костром. театр: с.8-9 (спектакль «Горячее сердце»).

* * *

Фолкинштейн, М. «Островский в доме Островского» – 2004 // Современная драматургия. – 2004. – №3. – С.63, 89, 171.

В т.ч. о спектакле «Горячее сердце».

Сморчков, В. Почему грустнее Островский, который полтора века кормит российский театр... // СП-Культура. – 2003. – 25 апр. – С.2-3.

Беседа с В. Подгородинским о проблемах российских театров, обсуждавшихся на «круглом столе» во время фестиваля «Дни А.Н. Островского в Костроме».

Дружнев, В. Островский нужен театру // Костром. ведомости. – 2003. – 23 апр.

Гл. режиссер С. Морозов о фестивале «Дни А.Н. Островского в Костроме».

Донцова, М. Вперед – к Островскому!: фестивали // Костром. народ. газ. – 2003. – 16 апр. – С.2: фото

Открытие VI Всерос. театр. фестиваля «Дни А.Н. Островского в Костроме».

Степаненко, Е. Репертуарный автор – навсегда // Сев. правда. – 2003. – 21 марта. – С.5.

Дни А.Н. Островского в Костроме.

Степаненко, Е. «Последняя жертва» стала первой // МК в Костроме. – 2002. – 23-30 мая. – С.21.

Театр впервые принял участие во Всерос. театр. фестивале «Островский в доме Островского».

Сорокина, Н. Чего мы сегодня ждем... // Театр. жизнь. – 1998. - №5/6. – С.27-28.

Дни А.Н. Островского в Костроме.

Кузичева, А. Старое – по-новому... // Театр. жизнь. – 1998. - №5/6. – С.24-25.

Фестиваль «Дни А.Н. Островского в Костроме». На фото: обложка журнала «Губернский дом», посвящ. А.Н. Островскому и костром. театру.

Полякова, Е. В пространстве Островского: театральное обозрение // Культура. – 1993. – 11 июня. – С.8-9.

«Неделя Островского» в Москве и «Дни А.Н. Островского в Костроме», в т.ч. о спектакле костром. театра «Таланты и поклонники».

Негорюхин, Б. Праздник театра в Костроме // Народная воля. – 1993. – 17 апр. – С.2.

Дни А.Н. Островского в Костроме.

Степаненко, Е. «Искусство единит народы и роднит их...»: к Дням А.Н. Островского в Костроме // Островские вести. – 1993. – 1 апр.

Врубель, Н. Встречи с Островским // Сельск. жизнь. – 1983. – 20 апр.

Голубев, Е. Театральная декада завершена / Сев. правда. – 1983. – 13 апр.

Негорюхин, Б. Дни А.Н. Островского в Костроме // Лит. Россия. – 1983. – 8 апр. – С.15.

Голубев, Е. Открытие «Дней А.Н. Островского в Костроме» // Сев. правда. – 1983. – 2 апр.

На фото: сцена из спектакля «Бедность не порок».

Зубов, Б. Фестиваль «Островский – 83»/ Б.Зубов, Э.Ниязова // Сев. правда. – 1983. – 31 марта.

Дни А.Н. Островского в Костроме.

Степаненко, Е. Дни А.Н. Островского в Костроме // Сев. правда. – 1983. – 27 марта.

На фото: сцены из спектакля «Бедность не порок».

Голубев, Е. «А.Н. Островский и современный театр»: с научно-практической конференции: Дни А.Н. Островского в Костроме // Сев. правда. – 1979. – 27 апр.

Врубель, Н. Эскиз, за которым спектакль / Мол. ленинец. – 1979. – 24 апр.

Выставка «Сценография театра А.Н. Островского в советское время» в залах обл. художественного музея во время театр. фестиваля.

Разуваев, П. Театры – в гости к нам // Мол. ленинец. – 1979. – 17 апр.

Голубев, Е. Открытие дней А.Н. Островского в Костроме // Сев. правда. – 1979. – 15 апр.; 18 апр.

Андреева, Е. Праздник театральной классики // Мол. ленинец. – 1979. – 14 апр.

Фестиваль спектаклей драмтеатров РСФСР. На фото: сцены из спектаклей костром. театра, поставленных в разные годы.

Фестивали в Костроме // Сов. культура. – 1979. – 13 апр. – С.1.

Фестиваль спектаклей по произведениям А.Н. Островского.

* * *

Костромской драматический театр имени А.Н. Островского: библиогр. указ. / сост. К. Прохорова. – Кострома: [б.и.], 1982. – 122 с.

Подготовила Л.С.ЗУБАРЕВА, главный библиотекарь отдела литературы по искусству КОУНБ им. Крупской

Более полная информация по этой теме будет представлена в библиографическом указателе «Костромской драматический театр имени А.Н. Островского. Вып.2», который предполагается к изданию в 2008 году.

А.Н. ОСТРОВСКИЙ И КОСТРОМСКОЙ ТЕАТРА

Филателия

Почта СССР, России посвятила А.Н.Островскому, Щелькову и Костромскому театру немало филателистических сувениров, которые разлетались по стране. Попробуем вас ознакомить с этими материалами.

Первые почтовые марки, посвященные А.Н.Островскому, были выпущены в 1948 году к 125-летию со дня рождения драматурга. Серия из 3 марок №1258 – 30 коп. – портрет А.Н.Островского – зеленая; №1259 – 60 коп. – портрет Островского – коричневая; №1260 – 1 рубль – портрет Островского по картине В.Г.Перова, 1871 год – лиловая.

1949 год №1451 – 1 рубль – из серии «125-летию Государственного ордена Ленина академического Малого театра СССР (открыт 26.10.1824 год)» – портреты драматурга А.Н.Островского и актеров Малого театра – Ермоловой, Мочалова, Щепкина, Садовского. Здание Малого театра.

1959 год №2291 – 40 коп. – из серии «Писатели нашей Родины» – портрет драматурга А.Н.Островского. Сцена из пьесы «Правда – хорошо, а счастье – лучше».

1973 год №4216 – 4 коп. – из серии «Деятели русской культуры». Писатель-драматург А.Н.Островский, по картине В.Г. Перова, 1871 год, к 150-летию со дня рождения.

Художественно-маркированный конверт – 13.02.1973 год №8791 – драматург А.Н.Островский – портрет.

Надпечатки на ХМК

Надпечатка «150 лет со дня рождения. 1823-12.IV-1973» на ХМК №8791 с портретом А.Н.Островского.

Маркированный конверт с оригинальной маркой 8.12.1977 год – 1 рубль – 175 лет со дня рождения А.Н.Островского.

Марка – портрет Островского по картине В.Г.Перова – Волжские виды.

МК – сцена из драмы А.Н.Островского «Гроза», 1859 год.

Сувенирные листки

1973 год – к филателистической выставке «150-летие со дня рождения А.Н.Островского», апрель, 1973 год.

Рисунок марки №1258 – портрет А.Н.Островского. Текст «150 лет со дня рождения А.Н.Островского. Филателистическая выставка. Кострома».

Специальные почтовые штемпеля

1.12.04.1973 №2686 «150 лет со дня рождения русского писателя и драматурга А.Н.Островского»

Гашение почтовой корреспонденции проводилось на почтамте Костромы и на 2-й областной филателистической выставке.

2. С марта 1988 года «Государственный музей-заповедник А.Н.Островского «Щельково». Переводной.

3. 12.04.1998 год «175 лет со дня рождения А.Н.Островского», гасилось на почтамте города Костромы.

4. 12.04.2003 год «180 лет со дня рождения А.Н.Островского», гасилось на почтамте города Костромы.

Художественные маркированные конверты

Островский район Костромской области

1. 21.10.1968 год №5900 – 4 коп. Дом-усадьба А.Н.Островского в Щелькове.

2. 14.05.1969 №6333 – 4 коп. Дом-музей А.Н.Островского в Щелькове

3. 22.01.1973 №8679 – 4 коп. Музей-усадьба А.Н.Островского в Щелькове.

4. 27.08.1985 №441 – 5 коп. Государственный музей-заповедник А.Н.Островского в Щелькове.

5. 14.02.1990 №66 – 5 коп. «Щельково». Государственный музей-заповедник.

Художественные маркированные почтовые карточки

1. 26.09.1972 – 3 коп. Музей-усадьба Островского в Щелькове.

2. 7.09.1977 – 3 коп. Литературно-театральный музей Островского в Щелькове.

3. 28.11.1983 – 4 коп. – 3 сюжета – Государственный музей-заповедник Островского, музей-усадеб, памятник Островскому.

Художественные маркированные конверты (ХМК).

1. 10.07.1974 № 9840 – 4 коп. Государственный драматический театр им. А.Н.Островского.

2. 22.07.1987 №375 – 5 коп. Государственный драматический театр имени Островского.

Художественные маркированные конверты (ХМК)

1. 21.07.1965 №3856 – 4 коп. Беседка А.Н.Островского.

2. 15.06.1979 №13586 – 4 коп. Беседка А.Н.Островского.

3. 17.07.1984 №321 – 5 коп. Беседка А.Н.Островского.

4. 30.12.2000 – А. Силигом. Беседка А.Н.Островского.

5. 22.08.1977 №12321 – 4 коп. Берендеевка.

6. 15.07.1981 №15035 – 4 коп. Парковый уголок отдыха «Берендеевка».

7. 26.06.1987 №332 – 5 коп. Берендеевка.

8. 30.09.1991 №274 – 7 коп. Берендеевка.

9. 25.12.1985 №623 – 5 коп. Бюст Островского.

10. 14.01.1998 – А. Бюст Островского.

Художественные маркированные почтовые карточки.

1. 26.09.1972 – 3 коп. Парк им. 50-летия Октября. Берендеевка.

2. 17.12.1976 – 4 коп. Парк им. 50-летия Октября. Берендеевка.

3. 11.06.1985 – 6 коп. 3 сюжета – государственный драматический театр имени А.Н. Островского, бюст Островского, беседка Островского.

4. 28.02.1986 – 4 коп. Парк, уголок отдыха «Берендеевка».

5. 19.12.1989 – 4 коп. 3 сюжета – государственный музей-заповедник Островского, памятник Островскому, дом-музей – интерьер столовой.

*Подготовил
В.М. КЛЕЙМЕНОВ,
председатель правления ОКФ.*

КОСТРОМСКАЯ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Костромская область.
Щелькино.
Государственный музей-заповедник
А. Н. Островского

Парковый уголок отдыха «Берендеевка»

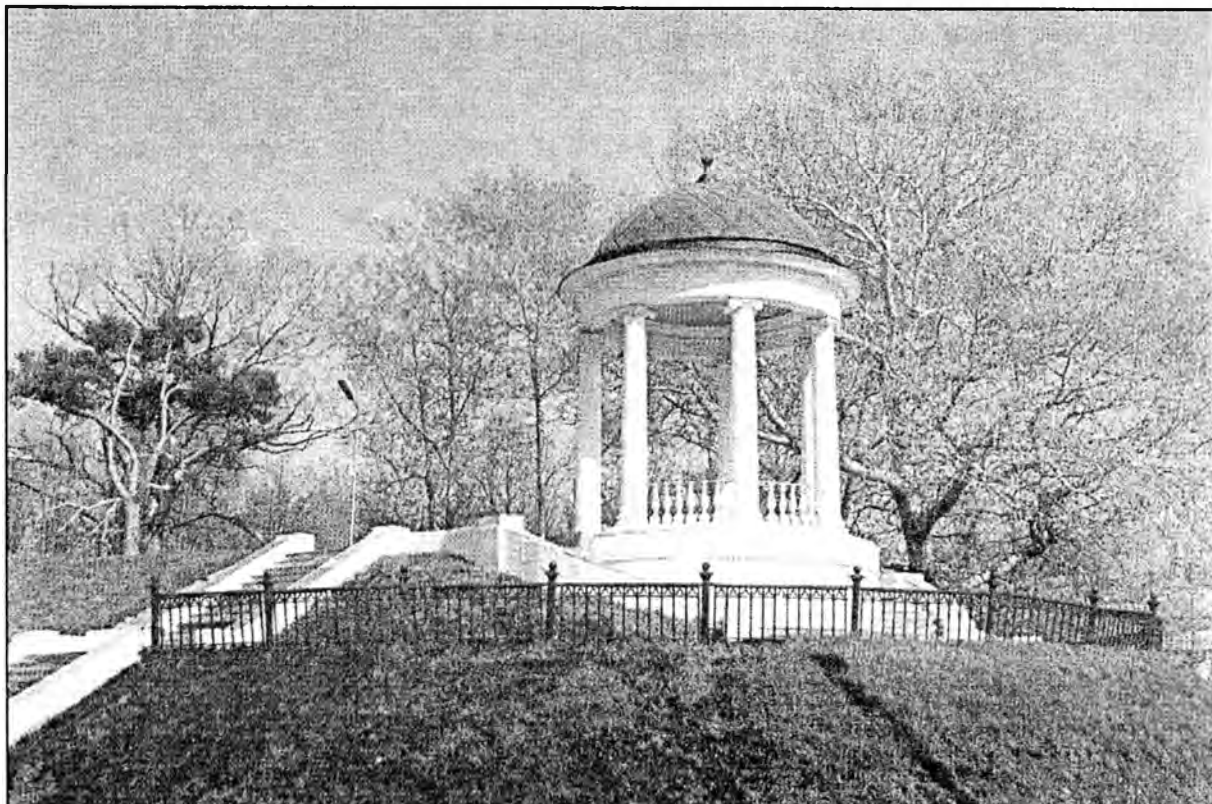

Кострома. Бюст А. Н. Островского

Художественные маркированные конверты разных лет

Кострома. Беседка с видом на Волгу. Художественная карточка. Нач. XX в.

Кострома. Беседка А.Н.Островского на берегу Волги. Художественная карточка. Нач. XXI в.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ ВРЕМЕН ОСТРОЖСКОГО

В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

– Скажите мне, по крайней мере, где же примут мою комедию?

– Гм... пожалуй, на почте, если вы оплатите пакет достаточным количеством марок.

ПОЧИТАТЕЛЬ ТАЛАНТА

Актриса:

– Поблагодарите вашего барина за букет. Вот вам на чай двадцать копеек; смотрите, не пропейте их.

Слуга:

– О, нет! Мне барин приказал на эти деньги купить ему колбасы, а то они нигде сегодня не обедали.

ЛУЧШИЙ ЖЕНИХ

– За мою дочь сватаются известный драматург и знаменитый актер.

– И что же вы выбрали?

– Золотую середину: купца-миллионера.

В ТЕАТРЕ

– Коня, коня! Полцарства за коня!

Голос из 22-го ряда:

– Не хотите ли велосипед купить? Дешевле!

ХОРОШИ ПОРЯДКИ

Режиссер (помощнику своему).

– Восемь часов, пора начинать!

Помощник:

– Повременить надо: у меня и у суфлера экземпляры новых пьес еще не разрезаны по страницам.

ПЛАКАТЬ НЕ ПРИШЛОСЬ

– Не правда ли, Варвара Васильевна, какая трогательная пьеса? Я так плакала, а в особенности в четвертом действии...

– Нет, я также очень хотела плакать, но, к сожалению, заторопившись в театр, забыла носовой платок... Поэтому мне и не пришлось плакать.

ИЗ РАЗГОВОРА АКТРИС

– Подумаешь, как глупы эти филологи, Мари...

– А что?

– Да отрицают твердый знак...

– Тебе-то что же?

– Ну, как бы я сказала: я разлюбила, если бы не было твердого знака. Тогда бы вышло: «Я разлюбила».

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

– Хорошо выйти замуж за актера?

– Почему?

– Они такие красивые, веселые, общительные, а также их по вечерам дома не бывает.

ПЛОДОВИТОСТЬ

– Почему-то вы говорите, что этот драматург очень плодовит.

– Потому что все его творения, подобно плодам, кладутся в корзины.

*Всем, посетившим
«ТУБЕРЖСКИЙ ДОМ»,
сердечное спасибо*

ГУБЕРНСКИЙ

3 (84)
2008

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Любезные читатели!

*Посетив уже двадцать заветных уголков
Костромской земли, снова отправляемся мы
в традиционное наше путешествие,
на этот раз на северо-восток, в старинное село Павино,
которому в этом году юбилей – 350 лет.*

*Во время путешествия мы познакомимся
с историей павинского края с древнейших времен
до наших дней, узнаем о том, какие там были промыслы
и ремесла, обычаи и обряды, игры и народный костюм.
На страницах журнала будет также представлено
и сегодняшнее творчество талантливых
павинцев – мастеров-умельцев, краеведов, писателей.*

До свидания.

Главный редактор Николай Муренин
Заместитель главного редактора Татьяна Гончарова
Художник Юрий Бекишев

Фото из фондов областного государственного архива, архива журнала
«Губернский дом», Костромского драмтеатра, частных коллекций

Компьютерный набор – Екатерина Соколова

Корректурa – Татьяна Бекишева

Верстка и подготовка оригинал-макета – Евгений Виноградов

Адрес редакции: 156000, г. Кострома, ул. Молочная гора, 9/4, тел. 31-15-74

Извините, рецензировать и высылать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 15.01.2008 Подписано к печати 15.03.2008 Заказ № 1163.

Печать офсетная. Объем 16,5 п.л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала «Губернский дом», отпечатано

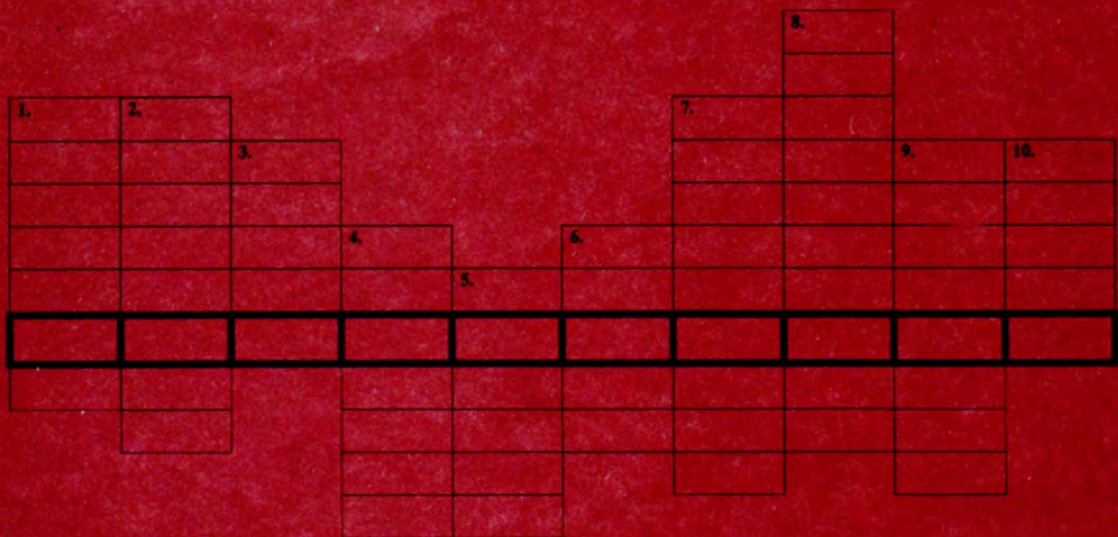
в ГП «Областная типография им. М. Горького»

департамента по информационной политике администрации

Костромской области, г. Кострома, ул. П. Щербины, 2.

КРЕСТОСЛОВИЦА

«ТВОРЧЕСТВО А.Н. ОСТРОВСКОГО»

Вопросы

1. Место действия в пьесах А.Н. Островского «Гроза», «Горячее сердце».
2. Автор бюста памятника А.Н. Островского, расположенного напротив драмтеатра в г. Костроме.
3. Город в Свердловской области, театр которого носит имя А.Н. Островского.
4. Один из прототипов Кулигина в пьесе «Гроза», которого лично знал А.Н. Островский.
5. Город, в котором родился А.Н. Островский.
6. Имя родного дяди А.Н. Островского, который был священником Успенского собора г. Костромы.
7. Писатель-костромич, друг А.Н. Островского на протяжении 35 лет, автор повести «Тюфяк».

8. Одно из старинных названий ныне улицы А.Н. Островского в городе Костроме.

9. Место действия в пьесах «Таланты и поклонники», «Красавец-мужчина», «Бесприданница».

10. Фамилия героя пьесы «Гроза», одним из прообразов которого стал костромской купец и фабрикант Иван Михин.

Составил А.Ю. ГАВРИКОВ

Ответы

1. Калинин.
2. Саркисов.
3. Ирбит.
4. Зарубин.
5. Москва.
6. Павел.
7. Писемский.
8. Московская.
9. Бряхминов.
10. Дикой.